

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

" НА У К А "
МОСКВА – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Л. Касаткин (Москва). Плотное и неплотное соединение морфем в слове	7
О.И. Беляев (Москва). Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования	31
С.Ю. Толдова, Н.В. Сердобольская (Москва). Глагол речи <i>tanaš</i> в марийском языке: особенности грамматикализации	66
А.С. Зверев (Москва). Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка	92

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

М.Б. Коношенко (Москва). <i>J. Kor Chahine</i> (ed.). Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2013	111
О.И. Беляев (Москва). <i>O. Inkova, P. Hadermann</i> (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S. A., 2013	116
И.А. Виноградов (Москва). <i>G. Polian</i> . Gramática del tseltal de Oxchuc. T. 1–2. México: Centro de investigaciones y estudios superiores en antropología social, 2013	125
О.И. Федотов (Москва). <i>А.Л. Жовтис</i> . Избранные статьи / Сост. С.Д. Абишева, З.Н. Поляк. Алматы: б.и., 2013	128
Д.В. Сичинава (Москва). Український дольник: Колективна монографія / За ред. Н.В. Костенко. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013	133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю.С. Капитанова (Москва). Виноградовские чтения 2014 г.	139
А.А. Поликарпов , Н.К. Оніпенко (Москва). V Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» в МГУ	142
Н.В. Козловская (Санкт-Петербург). Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова	151
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 2014 г.	157

CONTENTS

Leonid L. Kasatkin (Moscow). «Tight» and «loose» morpheme junctures	7
Oleg I. Belyaev (Moscow). Ossetic as a language with a two-case system: Suspended affixation and other paradoxes of case marking	31
Svetlana Ju. Toldova, Natalia V. Serdobolskaya (Moscow). Verb of speech <i>manaš</i> in Mari: Grammaticalization properties	66
Alexey S. Zverev (Moscow). End of sentence punctuation marks as final particles in written Japanese	92

REVIEWS

Mariya B. Konoshenko (Moscow). <i>I. Kor Chahine</i> (ed.). Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2013	111
Oleg I. Belyaev (Moscow). <i>O. Inkova, P. Hadermann</i> (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S.A., 2013	116
Igor' A. Vinogradov (Moscow). <i>G. Polian</i> . Gramática del tseltal de Oxchuc. T. 1–2. México: Centro de investigaciones y estudios superiores en antropología social, 2013	125
Oleg I. Fedotov (Moscow). <i>A.L. Zhovtis</i> . Selected papers/Compiled by S.D. Abisheva, Z.N. Poljak. Almaty, selfpublished, 2013	128
Dmitri V. Sitchinava (Moscow). <i>N.V. Kostenko</i> (ed.). Ukrainian dolnik: Collective monography. Kyjiv: Vydavnychyj dim Dmytra Buraho, 2013	133

CONFERENCE REVIEWS

Yuliya S. Kapitanova (Moscow). Vinogradov readings 2014	139
Anatolii A. Polikarpov , Nadezhda K. Onipenko (Moscow). V International congress «Russian language: Historic development and modern times» at MSU ...	142
Nataliya V. Kozlovskaya (St. Petersburg). International scientific conference dedicated to 150 years from the birth of A.A. Shakhmatov	151
Index of the papers published in «Voprosy jazykoznanija» in 2014	157

© 2014 г. Л.Л. КАСАТКИН

ПЛОТНОЕ И НЕПЛОТНОЕ СОЕДИНЕНИЕ МОРФЕМ В СЛОВЕ

В статье рассмотрены с фонетической точки зрения разные случаи плотного и неплотного соединения морфем в слове в русском языке: фонемы присоединенной служебной морфемы (или основы в составе сложного слова) реализуются при плотном ее соединении с соседней морфемой (или с другой основой того же слова) теми же звуками, что и внутри корня (в том числе корня присоединяющей основы сложного слова), при неплотном соединении – иначе, чем в корне: безударные гласные не подчиняются обычной схеме редукции и законам аккомодации и ассимиляции, согласные в меньшей степени испытывают влияние соседних согласных.

Ключевые слова: русский язык, фонема, морфема, приставка, корень, суффикс, окончание, согласный, гласный, ударение

The article considers from the phonetic point of view the different cases of dense and loose connection of morphemes in the word in Russian: phonemes in the attached service morphemes (or bases in compound words) are realized for its dense connection with neighbouring morpheme (or other basis of the same word) in the same way as inside the root (including root of compounds), with a loose connection is different than inside the root: unstressed vowels are not subject to the usual scheme of reduction and the laws of accommodation and assimilation, consonants are influenced by the neighbouring consonants lesser than inside the root.

Keywords: Russian language, phoneme, morpheme, prefix, radix, suffix, inflection, consonant, vowel, stress

ВВЕДЕНИЕ

Внимание лингвистов давно привлекает разное поведение согласных и гласных русского языка на стыке разных морфем и внутри морфем в слове; см., например, [Аванесов 1984: 145, 149, 151–152, 154–156, 166–167, 173, 176–181; Гвоздев 1958: 72–73; Грамматика русского языка 1960: 76–78; Панов 1967: 324; Матусевич 1976: 202–213]. Я писал об этом как о разной «силе сцепления морфем» [Касаткин 1982: 124]. А.А. Зализняк выделил плотное и неплотное присоединение морфем на основании акцентологических особенностей производных слов: «Важнейшее акцентологическое свойство неплотного присоединенной морфемы (или основы в составе сложного слова) состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы», тогда как при плотном присоединении морфемы ударение перемещается. К числу неплотно присоединенных морфем относятся главным образом некоторые приставки, а также постфиксы *-ся* (*-сь*), *-те* и некоторые другие [Зализняк 1985: 11–12].

Можно выделить плотное и неплотное соединение морфем в слове и на основаниях фонетических: **фонемы присоединенной служебной морфемы (или основы в составе сложного слова) реализуются при плотном ее соединении с соседней морфемой (или с другой основой того же слова) теми же звуками, что и внутри корня (в том числе корня присоединяющей основы сложного слова), при неплотном соединении – иначе, чем в корне: безударные гласные не подчиняются обычной схеме редукции и законам аккомодации и ассимиляции, согласные в меньшей степени испытывают влияние соседних согласных**¹.

¹ Подобное поведение клитик позволяет разграничивать абсолютные и относительные клитики; см. [Касаткин 2008а: 73–75].

Неплотное присоединение характеризует, как и в случаях, выделенных А.А. Зализняком, главным образом начальные морфемы слова – некоторые приставки, основы сложного слова, а также окончания и постфиксы. Соединение же корня и суффикса и двух суффиксов обычно плотное. См., например, [Панов 1957/2004; Баринаева 1966; Борунова 1966; Кузьмина 1966; Каленчук 1986; Каленчук, Касаткина 1999; Касаткин 2012: 989–993].

То, что неплотное присоединение морфем характеризует главным образом начальные морфемы слова, объясняется важностью для восприятия слова именно его начала. Фонемный состав начала слова лучше, чем в его середине, осознается говорящими, которые стремятся реализовать эти фонемы их доминантами – основными представителями. Качество гласных и согласных в приставках обычно хорошо осознается говорящими в силу того, что эти фонемы приставок в разных словах нередко бывают в сильной позиции, а также благодаря высокой частоте этих морфем в языке. В большинстве случаев у приставок есть и созвучные с ними предлоги, фонемный состав которых также достаточно прозрачен. Этим объясняется то, что фонетические процессы на стыке морфем могут происходить в иное время, чем в корне.

То, что неплотное присоединение может характеризовать также окончания и постфиксы, объясняется большей длительностью конца слова, что создает условия для более четкого произношения и различения фонем в этой позиции. В окончаниях может наблюдаться различие фонем, совпадающих в других морфемах в тех же фонетических позициях. Так, в корнях и суффиксах безударные фонемы /a/, /o/, /e/ после мягких согласных не различаются, совпадают: на месте /a/ произносится под ударением [’a], без ударения [и^е], на месте /o/ под ударением [’o], без ударения [и^е], на месте /e/ под ударением [’e], без ударения [и^е]. Например, /a/: *пр[’á]мо – выпр[’и^е]млю, т[’á]нут – выт[’и^е]нут, тр[’á]ска – вытр[’и^е]су, мор[’á]к – мор[’и^е]кá, стол[’á]р – стол[’и^е]рá, киевл[’á]нка – римл[’и^е]нка, внуч[’á]тый – бревенч[’и^е]тый; /o/: *в[’ó]л – в[’и^е]лá, м[’o]д – м[’и^е]дóвый, с[’ó]ла – с[’и^е]лó, вишн[’ó]вый – яблон[’и^е]вый, вар[’ó]ный – жар[’и^е]ный; /e/: *д[’é]ло – д[’и^е]лá, л[’e]с – л[’и^е]снóй, ст[’é]ны – ст[’и^е]нá, мудр[’é]ц – стар[’и^е]ц, кип[’é]л – выкип[’и^е]л. Но в окончаниях эти фонемы сохраняют различие. Так, в окончании существительных 2-го склонения в творительном падеже единственного числа фонема /o/ – *гвозд[’ó]м, кон[’ó]м, корол[’ó]м, цар[’ó]м* – без ударения произносится как [и^е]: *медвэд[’и^е]м, олén[’и^е]м, пól[’и^е]м, мór[’и^е]м*. В окончании дательного падежа множественного числа фонема /a/ – *гвозд[’á]м, пн[’á]м, корол[’á]м, цар[’á]м*, без ударения – [’э]: *медвэд[’э]м, олén[’э]м, дáл[’э]м, гáр[’э]м*. И точно так же в окончании глаголов 1-го спряжения 3-го лица единственного числа на месте /o/ ударный [’ó]: *бер[’ó]т, ид[’ó]т, нес[’ó]т*, безударный [и^е]: *въян[’и^е]т, кóл[’и^е]т, снйм[’и^е]т*, а в окончании глаголов 2-го спряжения 3-го лица множественного числа на месте /a/ ударный [’á]: *грем[’á]т, молч[’á]т, лет[’á]т*, безударный [’э]: *вóд[’э]т, лéп[’э]т, стáв[’э]т*. У существительных 2-го склонения единственного числа среднего рода в окончании именительного падежа фонема /o/: *коп[’jó], остри[’jó], плеч[’ó] – мór[’e] и мór[’э], пól[’e] и пól[’э], днйц[’e] и днйц[’э]*, а в окончании предложного падежа – /e/: *о коп[’jé], на остри[’jé], в плеч[’é] – о мór[’и^е], на пól[’и^е], в днйц[’и^е]*; см. [Аванесов 1956: 121–124, 128–133; Панов 1967: 315–319; 1979: 160–162; Касаткин 2008а: 153–154, 168, 208–209].***

При разной степени слитности морфем в разных словах возможна и разная степень неплотного присоединения морфем, что связано с разной степенью приближенности звуков, реализующих фонему, к ее доминанте – основному представителю.

СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ НА СТЫКЕ МОРФЕМ

Глухость / звонкость согласных

В большинстве приставок в обычной речи конечная глухая и звонкая фонема реализуется так же, как в середине морфемы. Это плотное присоединение приставки. Однако есть два вида исключений.

1. Предлоги принято делить на первообразные и непервообразные: первообразные исконно были предлогами, а непервообразные возникли из других частей речи. Такое же разделение можно провести и в приставках: первообразные приставки соотносимы с первообразными предлогами, непервообразные приставки – с непервообразными предлогами и с приставками заимствованных слов. Так же как непервообразные предлоги, непервообразные приставки могут сохранять свойства отдельного слова.

Одно из таких свойств – оглушение звонких согласных на конце слова в позициях перед паузой, а также перед следующим словом, начинающимся с гласного, сонорного согласного и [в], [в'] со следующим гласным или сонорным согласным.

У первообразных приставок с этой точки зрения плотное присоединение к следующей морфеме – приставке или корню: звонкие шумные согласные в сильной позиции (перед гласным, сонорным согласным и [в], [в'] со следующим гласным или сонорным согласным) не заменяются глухими: *бе[з]опа́сный, и[з]ма́зать, на[д]ло́м, пре[д]-во́енный, пре[д]ве́стник, ра[з]вleчь, чре[з]ме́рный.*

Среди непервообразных приставок выделяются две, у которых эта закономерность может нарушаться: *меж-* и заимствованная приставка *суб-*.

В приставке *меж-* на месте конечного согласного перед гласным, сонорным согласным и *в*, за которым следует гласный или сонорный согласный, может произноситься [ж] и [ш].

1) У существительных, образованных с помощью суффиксов *-j-* и *-ец-*, плотное соединение приставки *меж-* с корнем, обусловленное тем, что эти слова в данной форме возможны только с приставкой и без приставки не употребляются. В таких словах произносится *ме[ж]-*: *межвла́стье, межвре́мье, межледнико́вье, межозе́рье, меж-око́нье, межребе́рье; межрайо́нец*².

2) У одних и тех же прилагательных возможно плотное и неплотное соединение приставки *меж-* с корнем; при плотном соединении произносится *ме[ж]-*, при неплотном – *ме[ш]-*³: *межамери́канский, межа́рабский, межизда́тельский, межобла́стной, межуро́вневый, межэ́тнический, межледнико́вый, межнацио́нальный, межрайо́нный, межве́домственны́й*⁴. У этих прилагательных есть соответствующие слова без приставки: *амери́канский, ара́бский, изда́тельский* и т.д.

В приставке *суб-* в сильной позиции по глухости / звонкости (перед гласным, сонорным согласным и *в*, за которым следует гласный или сонорный согласный) на месте *б* может произноситься [б] и [п].

1) При отсутствии или редкой употребительности соответствующих слов без приставки отмечается плотное соединение морфем, здесь произносится только *су[б]-*: *суба́квальный, субатро́фия, сублинга́льный, сублито́раль, сублице́нзиат, субма́рина, субмикро́нный, суборди́нация, субурбаниза́ция, субэ́тнический.*

2) При наличии соответствующих употребительных слов без приставки степень плотности ее присоединения к корню зависит от расстояния до ударного слога:

2.1. Перед ударным слогом – только *су[б]-*: *Суба́рктика, суба́томный, субя́дерный, субэ́тнос;*

² Здесь и далее обычно приводятся лишь некоторые из возможных примеров, подтверждающих данное произношение.

³ На плотность / неплотность соединения влияет также произношение качественно редуцированного или не редуцированного гласного и отсутствие или наличие дополнительного ударения на приставке; см. ниже.

⁴ Здесь и далее описание произношения отражает нейтральный стиль речи и не учитывает так называемый «полный стиль» [Щерба 1957: 141–143, 154–155] и «сверхполный стиль» [Светозарова 2006: 198–199], в том числе и произношение при чтении. Указанные в статье нормы произношения основаны на описаниях разных фонетистов, а также на моих многолетних наблюдениях над русским литературным произношением, в том числе и на результатах проведенных мною разнообразных экспериментов по выявлению этих норм. Значительная часть этих наблюдений была связана с моим участием в работе над «Большим орфоэпическим словарем русского языка» [Касаткин 2012].

2.2. Перед первым предупредительным слогом – су[б]-, в беглой речи⁵ возможно су[п]-: *Субантарктика, субаренда, субарендный, субъядро*;

2.3. Перед другими предупредительными слогами – су[б]- и допустимо су[п]-: *субантарктический, субарендатор, субмаксимальный, субмикроскопический, субмиллиметровый, субмолекулярный, суборбитальный, субрегион, субъединица, субэкваториальный*.

2. Р.Ф. Касаткина обнаружила, что в сложных и сложносокращенных словах на морфемном шве на месте сочетания глухой согласной фонемы со звонкой, кроме двух звонких согласных, может произноситься глухой согласный перед звонким при акцентном выделении первой основы⁶: *Госдума – Го[зл]ума, Гб[зл]ума и Гб[сд]ума; госбюджет – го[зб']юджет, гб[зб']юджет и гб[сб']юджет; маибюро – ма[жб']юро, ма[жб']юро и ма[шб']юро; Розолото – Ро[зз]олото, Рб[зз]олото и Рб[сз]олото. При акцентном выделении приставки или первой основы возможно также произношение свистящего согласного перед шипящим, невозможное внутри корня (ср. только [жж] или возможное [ж'ж']): брызжет, брызжать, визжать, дребезжать, ёзжу, пазже): бесшумный – бе[шш]умный, бб[шш]умный и бб[сш]умный; Росшёлк – Ро[шш]ёлк, Рб[шш]ёлк и Рб[сш]ёлк; бесчисленный – бе[ш'ч']исленный, бе[ш'ш']исленный, бб[ш'ч']исленный, бб[ш'ш']исленный и бб[сч']исленный; гостиница – го[ш'ч']иница, го[ш'ш']иница, гб[ш'ч']иница, гб[ш'ш']иница и гб[сч']иница. Такое же произношение возможно и на стыке слов [Каленчук, Касаткина 1996: 48–59].*

Акцентное выделение первой основы или приставки возможно только при неплотном их присоединении к следующей морфеме, что встречается не у всех слов подобной структуры. Акцентное выделение морфемы приводит к еще большему ослаблению плотности ее присоединения к следующей морфеме, в результате чего перестают действовать законы ассимиляции согласных.

Между приставкой и корнем, начинающимся с ударного гласного, при неплотном соединении приставки с корнем может произноситься гортанная смычка. Перед ней звонкие шумные согласные приставок могут заменяться глухими, а после нее гласный [и] не заменяется на [ы]:

сверхострый – свер[хó]стрый и свер[х'ó]стрый; сверхумный – свер[хú]мный и свер[х'ú]мный; сверхэкстренный – свер[хэ]кстренный и свер[х'э]кстренный; суперэго – супе[рэ]го и супе[р'э]го; суперэтнос – супе[рэ]тнос и супе[р'рэ]тнос; трансакция – тран[сá]кция и тран[с'á]кция; Трансэро – Тран[сá]эро и Тран[с'á]эро;

подобласть – по[дó]бласть, по[д'ó]бласть и по[т'ó]бласть; Предальны – Пре[дá]льны, Пре[д'á]льны и Пре[т'á]льны; предпухолевый – пре[дó]пухолевый, пре[д'ó]пухолевый и пре[т'ó]пухолевый; Субарктика – Су[бá]рктика, Су[б'á]рктика и Су[п'á]рктика; субатомный – су[бá]томный, су[б'á]томный и су[п'á]томный; субэтнос – су[бэ]тнос и су[п'э]тнос;

контриск – конт[р'и]ск; надындекс – на[дý]ндекс, на[д'ý]ндекс и на[т'ý]ндекс; подындекс – по[дý]ндекс, по[д'ý]ндекс и по[т'ý]ндекс.

Твердость / мягкость согласного перед мягким согласным

В современном русском языке идет процесс отвердения мягких согласных перед мягкими (С'С' > СС') [Касаткин 20086]. При этом отвердение конечного согласного приставок и предлогов перед мягким согласным, начинающим следующую морфему, возникает раньше, чем внутри корня и на стыке корня и суффикса.

Внутри корня и на стыке корня и суффикса сочетания согласных в соответствии с прежним сочетанием С'С' обычно реализуются одинаково. На стыке же приставки или предлога и корня обычно наблюдаются более поздние этапы процесса

⁵ Беглую речь характеризует более быстрый темп, чем обычный средний, в том числе тогда, когда слово находится в фонетической синтагме или фразе в слабой фразовой позиции – не под синтагменным или фразовым ударением и не под акцентным выделением.

⁶ Акцентное выделение обозначается в транскрипции знаком ["] над гласной буквой акцентно выделенной морфемы.

отвердения первого согласного сочетания С'С': «Смягчение более полно проводится внутри корня или на стыке корня и суффикса, менее полно на стыке приставки и корня, еще менее развито оно, а во многих случаях отсутствует на стыке предлога и следующего слова» [Аванесов 1984: 145]; см. также [Панов 1967: 324; 1968: 67–68; 1990: 113–118; Гловинская, Кузьмина 1974: 46–47; Каленчук, Касаткина 1997: 15–18; Касаткин 2012: 962–979].

Например, некоторые губные согласные перед мягкими зубными и [ч']: *осо[б]няк, бу[б]нить, ко[п]чёный, о[ф]чина* и допустимо устарелое *осо[б']няк, бу[б']нить, ко[п']чёный, о[ф']чина* (5)⁷, но только *о[б]нёс, о[б] нитку, о[п]чёсанный, [ф]чётверо* (6); перед [ш']: *о[п]щина, кладо[ф]щик* и допустимо старшее *о[п']щина, кладо[ф']щик* (4), но *о[п]счёт, [ф]цель* и допустимо устарелое *о[п']счёт, [ф']цель* (5); перед /j/: *[в']ьюга* и *[в]ьюга* (3), но *[в]ьэхать* и допустимо старшее *[в']ьэхать* (4), *[в] южный, [в] юбке* и допустимо устарелое *[в'] южный, [в'] юбке* (5); *за[б']ьёт, о[б']ьём* и *за[б]ьёт, о[б]ьём* (3), но *о[б]ьёдки, о[б]ьэхать* и допустимо старшее *о[б']ьёдки, о[б']ьэхать* (4); *о[б] ёлку, о[б] якорь* и допустимо устарелое *о[б'] ёлку, о[б'] якорь* (5).

Существует разная степень слитности приставки с корнем в разных словах. Поэтому возможно плотное ее присоединение к корню, когда реализация в конце приставки первой согласной фонемы не отличается от ее реализации в корне. Возможна также разная степень неплотности присоединения приставки к корню, о чем свидетельствуют разные этапы отвердения конечного согласного приставки.

Так, между гласными зубные согласные (кроме [л]) перед мягкими зубными и (кроме [л']) в корне и на стыке корня и суффикса всегда мягкие: *ка[с']се, ми[с']сия, и[с']тина, по[с']тэль, ве[з']дэ, гво[з']ди, Бу[д']де, ту[т']ти-фру[т']ти, ра[з']ница, за[с']ни, ле[т']ний, ро[д']ник* (1). В этой же позиции в приставке при плотном ее соединении с корнем та же закономерность: только *ра[с']селина, и[с']сякнуть, ра[с']тяпа, ра[з']зьява, бе[з']делица, ра[з']дэть, о[т']тепель, по[д']дэвка, ра[з']нять* (1). В подобных случаях вычленение приставки для говорящих не всегда очевидно либо она выделяется лишь этимологически, как, например, в слове *расселина*.

Возможны также следующие степени неплотного присоединения приставки с теми же сочетаниями согласных:

1) неплотное присоединение приставки к корню 1-й степени – мягкий согласный и допустимо в младшей норме твердый: *ра[с']сечь, бе[с']сезонье, ра[з']зеленеться, ра[с']тирка, ра[с']терзать, ра[з']дэргать, ра[з']нюхать, бе[з']дефицитный, о[т']тиснутый, о[д']делить, по[д']дэльный, о[т']нести, по[д']нимать* и допустимо младшее *ра[с]сечь, бе[с]сезонье, ра[з]зеленеться, ра[с]тирка, ра[с]терзать, ра[з]дэргать, ра[з]нюхать, бе[з]дефицитный, о[т]тиснутый, о[д]делить, по[д]дэльный, о[т]нести, по[д]нимать* (2);

2) неплотное присоединение приставки к корню 2-й степени – мягкий и твердый согласный равноправны: *ра[с']седлать, ра[с']секрétить, ра[з']дэлочный, ра[з']нэर्वничаться, о[т']тиражировать, по[т']текстóвка, о[д']диктовать, по[д']диафрагмальный, о[т']нереститься* и *ра[с]седлать, ра[с]секрétить, ра[з]дэлочный, ра[з]нэर्वничаться, о[т]тиражировать, по[т]текстóвка, о[д]диктовать, по[д]диафрагмальный, о[т]нереститься* (3).

У слов, обычно определяемых как омонимы, могут быть разные степени плотности / неплотности присоединения приставки, что превращает такие слова в квазиомонимы:

⁷ Цифры в скобках означают:

- 1 – Только С'С';
- 2 – С'С' и допустимо младшее СС';
- 3 – С'С' и СС';
- 4 – СС' и допустимо старшее С'С';
- 5 – СС' и допустимо устарелое С'С';
- 6 – Только СС'.

*иссечь*¹ 'вырезать из камня или на камне' – [с'с'] и допустимо младшее [сс'] (2);
*иссечь*² 'избить' – только [с'с'] (1);
*рассеянный*¹ 'посеянный' – [с'с'] и допустимо младшее [сс'] (2);
*рассеянный*² 'не умеющий сосредоточиться, невнимательный и несобранный' – только [с'с'] (1).

У слов с разными значениями также могут быть разные степени плотности / неплотности присоединения приставки:

поддѣть 1. 'задев, зацепив, приподнять' – [д'д'] и допустимо младшее [дд'] (2);
 2. 'поймав на слове, воспользовавшись ошибкой, сказать кому-нибудь колкость, что-нибудь язвительное' – только [д'д'] (1);
рассѣлись 1. 'сели по своим местам' – [с'с'] и [сс'] (3);
 2. 'сели в непринужденной позе, занимая слишком много места' – [с'с'] и допустимо младшее [сс'] (2);
растерѣбитъ 1. 'раздергать, расщепить' – [с'т'] и допустимо младшее [ст'] (2);
 2. 'заставить действовать, побудить к активности' – только [с'т'] (1);
растяжѣние 1. 'увеличение в размере путем растягивания' – [с'т'] и допустимо младшее [ст'] (2);
 2. 'вызванное сильным напряжением, ударом повреждение мышц, связок' – только [с'т'] (1);
растянутъся 1. 'стать слишком длинным' – [с'т'] и [ст'] (3);
 2. 'упасть всем телом' – [с'т'] и допустимо младшее [ст'] (2).

Как видно из этих примеров, в лексико-семантических вариантах слов, где выступают прямые значения, утверждение первого согласного может продвинуться дальше, чем в лексико-семантических вариантах этих же слов с переносными значениями.

Предлог в составе фонетического слова также может иметь разные степени неплотного присоединения к следующему слову, что, в частности, связано с разными фонетическими факторами, односложностью / неодносложностью предлога и его первообразностью / непервообразностью, степенью употребительности имени:

1.1. мягкий и допустимо твердый в младшей норме: *бе[с'] семьи, бе[з'] земли, бе[с'] тебя, и[з'] деревни* и допустимо младшее *бе[с] семьи, бе[з] земли, бе[с] тебя, и[з] деревни* (2);

1.2. мягкий и твердый согласные равноправны: *бе[с'] селектора, чере[с'] силу, бе[з'] землекопов, бе[с'] текстолога, бе[з'] дирижѣра, и[з'] дискуссии* и *бе[с] селектора, чере[с] силу, бе[з] землекопов, бе[с] текстолога, бе[з] дирижѣра, и[з] дискуссии* (3);

2.1. мягкий и твердый согласные равноправны: *о[т'] тебя, по[д'] диктовку* и *о[т] тебя, по[д] диктовку* (3);

2.2. твердый согласный и допустимо мягкий в старшей норме: *о[т] телебашни, пере[т] театром, по[д] дирижаблем, пере[д] диваном* и допустимо старшее *о[т'] телебашни, пере[т'] театром, по[д'] дирижаблем, пере[д'] диваном* (4);

3. только твердые [т], [д]: *всле[т] тебе, всле[д] директору* (6).

В сложных словах на стыке основ зубные перед мягкими зубными обычно твердые: *го[с]секретарь, Го[с]телерадио, дие[т]сестра* (точнее, *дие[тс']сестра*), *куль[т]сѣктор* (точнее, *куль[тс']сѣктор*), *педтѣхникум* – *пе[т]тѣхникум, тру[д]дисциплина* (6)⁸.

Перед постфиксами *-ся, -те* в повелительной форме глагола губные согласные мягкие: *готовься – готѣ[ф'с']я, расслабься – расслá[п'с']я, познакомятѣсь – позначѣ[м'т']есь, отправьтѣ – отпрá[ф'т']е* [Панов 1990: 38]. Встречается также произношение твердого губного в этих формах: *готѣ[фс']я, значѣ[мт']есь*, но оно считается нелитературным, просторечным [Кузьмина 1981: 65]. При этом перед постфиксами *-ся, -те* в других формах обычны твердые губные: *ошибся, ушибся, скрѣбся, слипся*,

⁸ Было высказано также мнение, что это не слова, а словосочетания с первым аналитическим прилагательным; см. [Панов 1971: 137–150].

несёмся, расстанемся, стремимся, наемся, сдамся; идёмте, купимте, сядемте, споемте. Налицо различие твердых и мягких губных в одной и той же фонетической позиции перед мягким зубным согласным постфиксов *-ся, -те*: *сы[п'с']я – сли[пс']я, эконо[м'т']е – иде[мт']е*. Есть такое различие твердых и мягких губных еще только на конце слова: *готов – готовь, слаб – расслабь, прилип – сыпь, знаком – познакомь* [Касаткин 1999: 216], тогда как внутри корня такого различия нет. Присоединение постфиксов *-ся, -те* к повелительным формам глагола не влияет на предшествующий губной согласный, это присоединение неплотное. Но оно неплотное и в присоединении к формам, которые произносятся с твердым губным на конце слова: *ушиб – ушибся, прилип – слипся, несём – несёмся, споем – споемте*, так как в этих формах губной согласный твердый, а в этой же фонетической позиции перед мягким зубным согласным внутри корня губной согласный наряду с обычным твердым может быть и мягким: *субсидия, пусик, брамсель, коптить, рептилия, клубника, темница*.

Двойные согласные

На месте двойных смычных согласных *бб, дд, тт* в интервокальной позиции в ударном слоге и в предударных слогах в корне почти всегда произносится краткий звук: *суббота – су[б]ота, каббала, лоббист; джидда, саддукей, буддизм; коттедж, баттерфляй, аттестат* (6)⁹. Исключения весьма редки: *аббат – а[бб]ат*¹⁰ и *а[б]ат; буддолог – бу[дд]олог* и *бу[д]олог* (4); *буддология – бу[д]ология* и допустимо *бу[дд]ология* (5).

На стыке приставки и корня эти же сочетания твердых согласных всегда сохраняют долготу: *наддать – на[дд]ать, поддавки, поддоминанта, отдушина; подтаcovать, оттуда, оттого, оттарабанить* (1).

Соответствующие мягкие согласные в ударном и первом предударном слоге тоже всегда долгие: *оббить, оббежать; поддѣвка, поддерживать, отделка, отделить; оттеенок, оттянуть, подтяжки* (1). Только во 2–3-м предударных слогах они обычно долгие, но в беглой речи возможно произношение кратких согласных: *оттеребить, оттиражировать, оттитровать; поддиапазон, поддиафрагмальный* (2).

Таким образом, произносится *лоббист – ло[б'б']ист*, но *оббить – о[б'б']ить, паддок – па[д]ок*, но *поддон – по[дд]он, граммаж – гра[т]аж*, но *оттачивать – о[тт]ачивать, коттон – ко[тт]он*, но *отток – о[тт]ок, оттоманка – о[тт]оманка*, но *оттушёвка – о[тт]ушёвка, аттестат – а[тт']естат*, но *оттесать – о[тт']есать* и т.п.

На стыке основ также произносятся долгие согласные: *разведданные, роддом, медтехника, двухсоттонный; политтусовка, политтехнолог; йоддефицитный, труддисциплина* (1).

Таким образом, стык приставок и корня и стык основ с согласными *бб, дд, тт* в интервокальной позиции всегда неплотный.

На месте *сс* в к о р н е почти во всех позициях произносится краткий звук:

1. Твердый согласный

1.1. Перед ударным гласным

1.1.1. В неконечном слоге краткий: *глицсандо, дрессура, инкассатор, кассация, колоссальный, кроссовки, массовка, муссонный, прессовка, рессора* (6);

⁹ Цифры в скобках означают:

- 1 – только СС;
- 2 – СС, в беглой речи возможно С;
- 3 – СС и допустимо С;
- 4 – СС и С;
- 5 – С и допустимо СС;
- 6 – только С.

¹⁰ Точнее *а[бб]ат* с имплозивным [б] перед взрывным [б]. В дальнейшем произношение имплозивных на месте взрывных не оговаривается.

1.1.2. В конечном слоге

1.1.2.1. Открытом

1.1.2.1.1. В более употребительных словах – краткий и допустимо долгий: *шоссé* (5);

1.1.2.1.2. В менее употребительных словах

1.1.2.1.2.1. При одном предударном слоге – долгий и допустимо краткий: *лассó, ляссé, плиссé, эссé* (3);

1.1.2.1.2.2. При двух предударных слогах – краткий: *дамассé, путассу́* (6);

1.1.2.2. Закрытом

1.1.2.2.1. При одном предударном слоге – краткий и допустимо долгий: *вассáл, кессóн, массáж, миссáл, муссóн, пассáж, пассáт* (5);

1.1.2.2.2. При двух и более предударных слогах – краткий: *депрессáнт, комиссáр, несессёр, патиссóн, ренессáнс, эмиссáр* (6);

1.2. Между безударными гласными – краткий: *бессарáбский, кассациóнный, массажист, прессовáть* (6);

2. Мягкий согласный – только краткий: *бассéйн, массив, режиссёр, шасси́, эссенция; дрессировка, вы́дрессировать, импрессионизм, классифика́ция, миссионер* (6).

Стык исконно русской приставки и следующей морфемы – второй приставки или корня – с согласными *сс* в интервокальной позиции обычно неплотный:

1. Твердые согласные

1.1. В ударном и первом предударном слоге – только долгий: *иссо́хнуть, рассáда; бессою́зие, иссуши́ть, рассудите́льный* (1);

1.2. Во 2–3-м предударных слогах – долгий, в беглой речи возможен краткий: *бессодержáтельный, бессолево́й, бессуффиксáльный; рассогласовáние, рассоединéние, рассортировáть* (2);

2. Мягкие согласные

2.1. В ударном и первом предударном слоге – долгий, в беглой речи возможен краткий: *бесси́лие, иссéчь, исся́кнуть, рассéчь, расси́живаться; бессистéмный, иссякáть, рассекрétить* (2);

2.2. Во 2–3-м предударных слогах – долгий и допустимо краткий: *бессетево́й, рассентиментáльничаться* (3).

Стык заимствованной приставки *дис-* и корня плотный, часто он не осознается, поэтому здесь произносится краткий [с], [с’]: *диссонáнс, диссонáнтный, диссоциáция, диссоциативный; диссимиля́ция, диссимуля́ция, диссимули́ровать* (6).

Стык основ с согласными *сс* в интервокальной позиции также почти всегда неплотный:

1. Перед ударным гласным – долгий: *госсе́ктор, госсóбственность* (1);

2. Перед гласным 1-го предударного слога

2.1. Перед гласным непереднего ряда – долгий: *госсовéтник, госсубсидия* (1);

2.2. Перед гласным переднего ряда – долгий, в беглой речи возможен краткий: *госсемáтика* (2);

3. Перед гласным 2-го предударного слога

3.1. После безударного гласного – долгий, в беглой речи возможен краткий: *вирус-содержáщий, госсекретáрь* (2);

3.2. После ударного гласного – долгий: *госсекретáрь* (1).

Рядом с другим согласным в корне на месте согласных *дд, дт, тт, сс* произносится краткий согласный звук: *буддлéя, ландтáг, ваттмéтр, шнитт-лу́к, массмéдиа, пресс-папé, кроссчайнвóрд* (6).

На стыке приставки и следующей морфемы иная картина.

1. В сочетаниях *дд, тд, тт, дт* стык приставки и корня почти всегда неплотный:

1.1. Перед следующим ударным гласным

1.1.1. В конечном слоге или с одним-двумя заударными слогами

- 1.1.1.1. Твердые согласные – долгий: *оттряхивать, отдраить, надтреснутый, подтёрники, наддвёрный, поддразнивать, поддвинуть, преддвёрие* (1);
- 1.1.1.2. Мягкие согласные – долгий, в беглой речи возможен краткий: *наддвёрный – на[д'д']вёрный, поддвинуть, поддьяк, преддвёрие* (2);
- 1.1.2. С тремя-четырьмя заударными слогами – долгий, в беглой речи возможен краткий: *оттряхивает, отдраивает, надтреснутая, подтёрнивание, поддразнивает, поддразнивание* (2);
- 1.2. Перед следующим безударным гласным – долгий, в беглой речи возможен краткий: *оттранслировать, отдвигать, отдневалить, подтвердить, подтропический, надднепровский, поддразнить* (2).
2. В сочетании *сс*
- 2.1. Перед одним согласным
- 2.1.1. Перед следующим ударным гласным
- 2.1.1.1. При неплотном соединении морфем, когда их стык легко осознается:
- 2.1.1.1.1. Твердые согласные
- 2.1.1.1.1.1. Неплотное соединение 1-й степени – долгий и краткий: *бессмертник* 'растение' – *бе[сс]мёртник* и *бе[с]мёртник, бессмыслица, бесстыжий, расследовать, расставить, воззрение* (4);
- 2.1.1.1.1.2. Неплотное соединение 2-й степени – долгий, в беглой речи возможен краткий: *беспорно, восславить, иссверливать, распрóчка, беззвучный, воззвание, раззванивать, безжгутиковый, расшóрить* (2);
- 2.1.1.1.2. Мягкие согласные
- 2.1.1.1.2.1. Неплотное соединение 1-й степени – краткий и допустимо долгий: *бессмертник* 'растение' – *бе[с']мёртник* и допустимо *бе[с'с']мёртник, расследовать, расстёгивать* (5);
- 2.1.1.1.2.2. Неплотное соединение 2-й степени – долгий и допустимо краткий: *бессвязный, бесслédно, бессмэнный, бесснежный, иссверливать, исслеживать, исстёгивать* (3);
- 2.1.1.2. При плотном соединении морфем, когда их стык осознается с трудом или когда в современном литературном языке приставки уже не вычлняются, – краткий: *бессмысленно, рассказ, рассказывать, распрóс, распрáшивать; востáние, исследование, расстáться, мировоззрénие;*
- 2.1.2. Между безударными гласными
- 2.1.2.1. При обычном неплотном соединении морфем, когда их стык легко осознается:
- 2.1.2.1.1. Твердые согласные – долгий и допустимо краткий: *бессловснýй, бесступénчатый, восславлять, исключя́вить, расслоéние, рассмея́ться, расстыковáть, расшвырять, расшрифтовка* (3);
- 2.1.2.1.2. Мягкие согласные – долгий и краткий: *исключя́вить, рассмея́ться* (4);
- 2.1.2.2. При плотном соединении морфем, когда их стык осознается с трудом или когда в современном литературном языке приставки уже не вычлняются, – краткий: *рассказáть, расстегнúть; восстанáвливать, восстанóвить, исступлénие, расставáться, расстегáй, расстоя́ние* (6);
- 2.2. Перед двумя согласными плотное соединение – краткий: *бесстра́шный, бесстру́нный, исстра́чивать, распрáшивать, распроси́ть, расстрёл, расстрóйство* (6).

На стыке основ сочетания согласных могут соответствовать неплотному и плотному соединению, однако произношение качественно не редуцированного гласного в первой основе всегда свидетельствует о неплотном соединении (см. ниже).

1. В сочетаниях *дд, тд, тт, дт*
 - 1.1. Перед согласным, стоящим перед ударным гласным – долгий и краткий: *интернет-тра́фик* (4);
 - 1.2. После согласного перед гласным
 - 1.2.1. Перед ударным гласным
 - 1.2.1.1. – долгий: *лейтте́ма* (1);
 - 1.2.1.2. – долгий и краткий: *борттэ́хник* (4);
 - 1.2.1.3. – краткий: *компакт-диск, мост-да́мба* (6);
 - 1.2.2. Перед безударным гласным
 - 1.2.2.1. После сонорного согласного – краткий и допустимо долгий: *бортдокументация, культтовáры, порттаба́к, спорттовáры* (5);
 - 1.2.2.2. После шумного согласного – краткий: *инцухт-депрéссия, посттоталитарный* (6);
 - 1.3. Между согласными – краткий: *зонт-трóсь, посттравматический* (6).
2. В сочетании *сс*
 - 2.1. Перед согласным
 - 2.1.1. Перед ударным гласным
 - 2.1.1.1. – долгий и краткий: *госслужба, госсредства* (4);
 - 2.1.1.2. – краткий и допустимо долгий: *госстра́х* (5);
 - 2.1.2. Перед безударным гласным
 - 2.1.2.1. После ударного гласного – долгий и допустимо краткий: *госснабжéние, госстандарт, госстатистика, госстипендия, госструктура* (3);
 - 2.1.2.2. После безударного гласного – краткий и допустимо долгий: *госснабжéние, госстандарт, госстатистика, госстипендия, госструктура* (5);
 - 2.2. После согласного перед гласным
 - 2.2.1. Перед ударным гласным – краткий: *комикс-сéria* (6);
 - 2.2.2. Перед безударным гласным – краткий: *люкс-секунда, транссиби́рский* (6).

Другие сочетания согласных

1. На месте *щ, сч, зч, шч, жч* в корне, в суффиксе и на стыке корня и суффикса обычно произносится сочетание [ш'ш']: *щу́ка* – [ш'ш']у́ка, *сча́стье, веду́щий, доно́счик, навязчивый, погру́зчик, весну́шчатый, мерéжчатый*. Наряду с [ш'ш'] в соответствии со старшей нормой в некоторых случаях возможно произношение [ш'ч']. Соотношение этих вариантов неодинаково в разных позициях и в разные эпохи.

Произношение [ш'ш'] постепенно распространяется за счет [ш'ч']. В XIX – начале XX в. [ш'ч'] внутри морфемы господствовало в Санкт-Петербурге. В настоящее время и в Москве, и в Санкт-Петербурге почти исключительно произносится [ш'ш']: [ш'ш']у́ка, [ш'ш']а́стье и т. п., а также при выпадении гласного между [с'] и [ч']: *тысяча* – ты[ш'ш']а, *сейчас* – [ш'ш']ас, *пятимесячный* – *пятимé*[ш'ш']ный.

Употребление [ш'ч'] или [ш'ш'] на стыке морфем зависит от темпа речи, частоты употребления слова, степени плотности сцепления морфем. Там, где при обычном темпе речи произносится [ш'ч'], при убыстренном темпе – [ш'ш']. В редких словах обычно употребляется [ш'ч']. Чем чаще слово или предложно-именное сочетание встречается в речи, тем чаще в нем произносится [ш'ш']; ср. редкие слова *бесчерепные, с чарти́змом*, где обычно [ш'ч'], и широко употребительные *расчёска, с чем, без чего́*, где нередко произносится [ш'ш'].

Плотность сцепления корня и суффикса велика, здесь господствует [ш'ш']: *подпи́счик, занóсчивый, вóзчик, привязчивый*. Лишь в редких случаях наряду с [ш'ш'] встречается устарелое произношение [ш'ч'] в слове *боро́здчатый*, в малоупотребительных формах сравнительной степени от *бро́ский* – *бро́сче*, *вёский* – *вёсче*, *ме́рский* – *ме́рзче*, *тря́ский* – *тря́сче*.

Сцепление приставки и корня менее плотное, здесь наряду с [ш'ш'] часто произносится [ш'ч']: *бесчи́нство, бесчи́сленный, исчерпа́ть, расчерти́ть, расчу́вствоваться*,

считать. В словах *исчáдие*, *исчѣзнуть*, *чересчур* произошло опрощение и приставка уже не выделяется, но тем не менее наряду с [ш'ш'] встречается и допустимо старшее произношение [ш'ч']. Еще меньше плотность сцепления морфем на стыке предлога и знаменательного слова и на стыке основ, где произношение [ш'ш'] встречается гораздо реже: *без чемодáна*, *из чайника*, *через час*; *хозчáсть*, *госчинóвник*¹¹. На стыке же двух знаменательных слов произносится [ш'ч']: *прикáz часовóму*, *гóлос человекá*, *вкус черносли́ва*.

Звук [ч'] – доминанта фонемы /ч'/ – сопротивляется ассимилирующему воздействию предшествующего [ш'] в начале слова и в начале корня дольше, чем в других частях слова. Объясняется это тем, что фонемный состав начала слова или корня лучше, чем в середине слова, осознается говорящими, которые стремятся реализовать фонемы, стоящие в начале слова или корня, их доминантами.

2. На месте свистящих согласных *з*, *с*, *ц* перед шипящими *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, а также перед *сч* внутри слова и на стыке слов при отсутствии паузы произносятся шипящие: *разжáть* – *ра[жж]áть*, *из жѣсти* – *и[ж ж]ѣсти*, *расскáз жокéя* – *расскá[ж ж]окéя*, *ни́зший* – *ни[шш]ий*, *музшкóла* – *му[шш]кóла*, *зака́зчик* – *закá[ш'ш']ик*, *без щитá* – *бе[ш' ш']итá*, *без счѣта* – *бе[ш' ш']ѣта*; *сжечь* – *[жж]ечь*, *бесшумный* – *бе[шш]-умный*, *вынесиши* – *выне[шш]и*, *с шубой* – *[ш ш]убой*, *запáс шарóв* – *запá[ш ш]арóв*, *подписчик* – *подпи[ш'ш']ик*, *госчинóвник* – *го[ш' ч']инóвник*, *нос щенкá* – *но[ш' ш']енкá*, *час счáстья* – *ча[ш' ш']áстья*; *конéц шоссá* – *конé[ч ш]оссé*, *продавец щётк* – *продавэ[ч' ш']ётк*.

В последние десятилетия отмечается произношение свистящих согласных в этой позиции [Каленчук, Касаткина 2007: 176–178; Касаткин 2012: 987; Скачедубова 2013: 134–141]. Однако допустимым оно является только на стыке полных слов и на стыке основ сложного слова: *расскá[з] жокéя*, *запá[с] шарóв*, *но[с] щенкá*, *ча[с] счáстья*, *конé[ц] шоссé*, *продавэ[ц] щётк*, *го[с]чинóвник*, *му[с]шкóла*. Произношение свистящих согласных в конце приставок и предлогов перед следующими шипящими (*ра[з]жáть*, *[з]жечь*, *бе[с]шумный*, *[с]читать*, *бе[с]счѣта*, *и[з] жѣсти*, *бе[с]щитá*) не рекомендуется, а в конце корня перед суффиксом (*ни[с]ший*, *выне[с]ши*) неправильно.

Связано это различие с разной плотностью соединения слов и морфем: плотность соединения самостоятельных слов наименьшая, предлогов и самостоятельных слов несколько больше, еще больше у приставки с корнем и еще больше у корня с суффиксом. Идущий в современном русском языке процесс отхода от прежней закономерности – нейтрализации свистящих согласных и шипящих перед шипящими – и установления новой закономерности – реализации фонем в этой позиции их доминантами – отражает эту степень плотности соединения морфем.

3. На месте сочетаний *тц*, *дц* рядом с согласным в корне и на стыке корня и суффикса произносится [ц]: *крестцóвый*, *под уздцы́*, *будапéштцы*, *вермон́тцы*, *голлáндцы*, *сёрдце*, *джакáртцы*, *дёрптцы*, *фельдцехмéйстер*, *кувэ́йтцы*, *калькúттцы*, *кронштáдтцы*. На стыке приставки и корня – [тц] и допустимо [ц]: *отцвэстí*, *отцвэтать*, *подцвётка*, *подцвѣченный*, *подцвётóчник*. Стык приставки и корня здесь обычно неплотный.

На месте сочетаний *тч*, *дч* рядом с согласным в корне и на стыке корня и суффикса произносится [ч']: *китчмен*, *хэтчбэк*; *петчворк*; *матчбóл*, *матч-пóйнт*, *матчмéйкер*, *матч-турни́р*; *сёрдчíшко*; *завёртчик*, *завёртчица*, *обёртчик*, *обёртчица*. На стыке приставки и корня – [т'ч'] и допустимо [ч']: *отчленéние*, *отчленíть*. Стык приставки и корня здесь обычно неплотный.

¹¹ Подробнее о произношении [ш'ч'] или [ш'ш'] на стыке основ см. [Скачедубова 2013: 141].

КАЧЕСТВЕННО РЕДУЦИРОВАННЫЕ ИЛИ НЕ РЕДУЦИРОВАННЫЕ БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Приставки

В некоторых приставках и в приставках с некоторыми значениями всегда произносятся безударные качественно редуцированные гласные в соответствии с фонетическими законами, действующими и в корнях слов. Например:

во- – в первом предударном слоге $v[a^2]$ –: *воисти́ну, вольго́тно, вонза́ть, вопро́с, воткну́ть*; в других предударных слогах $v[\text{э}]$ –: *водво́рить, воплоти́ть, воца́ре́ние; вообра́жение, воору́жить, воце́рковле́ние*;

воз-/вос- – в первом предударном слоге $v[a^2]z$ -/ $v[a^2]c$ –: *возда́ть, воссла́вить*; в других предударных слогах $v[\text{э}]z$ -/ $v[\text{э}]c$ –: *возлюби́ть, вознагра́ждение, вознегодова́ть; воспита́ние, восприни́мать, воспроизве́сти*;

до- у глаголов со значением доведения действия до конца или до какого-то предела – в первом предударном слоге $d[a^2]$ –: *добро́сит, дойти́, допры́гнуть*; в других предударных слогах $d[\text{э}]$ –: *довари́ть, дове́зти, дочита́ть; доволо́чить, догово́рить, дозимова́ть*.

В других же приставках могут произноситься безударные качественно не редуцированные гласные. На этих гласных возможно дополнительное ударение при достаточном расстоянии приставки от места основного ударения слова и при близости значения приставки к значению знаменательного слова, когда приставка становится похожей на отдельное слово или основу сложного слова, например: *бёзынициати́вный, ви́це-адмира́л, вне́конфессио́нальный, дёмилитаризова́ть, ддмонополисти́ческий, кднтрреволюцио́нер, ме́жтерритори́альный, дбер-бургоми́стр, дколотера́турный, пддивизио́нно, пдслеопера́ционный, пдстимпрессио́низм, пра́индоевропе́йский, прёдквалифика́ционный, прдвита́мины, прдтвивобактериоло́гический, прдтохло́рофи́л, ре́милитариза́ция, све́рхуниверса́льность, сдпережива́ние, тра́нсконтинента́льный, экс-парламентáрий, экс́тралингвисти́ческий*; см. [Каленчук, Касаткина 1999].

Произношение качественно редуцированных гласных в приставке указывает на плотное присоединение ее к следующей морфеме – другой приставке или корню. Произношение качественно не редуцированных гласных и дополнительное ударение – свидетельство неплотного присоединения приставки к следующей морфеме. Качественно не редуцированные безударные гласные возможны, например, в следующих приставках (см. [Касаткин 2012: 989–991]).

без-/бес-

1. В словах, у которых нет соотносительных слов, отличающихся только отсутствием приставки, плотное присоединение ее к следующей морфеме и произносится $b[i^e]z$ -/ $b[i^e]c$ –: *безве́трие, безвкúсица, бездо́мный, безмо́лствовать, безрабо́тица, безрассúдство, безрука́вка, безобра́зие, бездыхáнный, безнака́занно, безлепестно́й, безогово́рочный; беско́рмица, бескры́лый, беспло́дие, бескору́стие, бескозы́рка, беспоща́дный, беспреко́словность*;
2. В словах, у которых есть соотносительные слова, отличающиеся отсутствием этой приставки,
 - 2.1. и слово без приставки не является антонимом слова с приставкой, плотное присоединение ее к следующей морфеме и произносится $b[i^e]z$ -/ $b[i^e]c$ –: *безвре́менный, безмяте́жный, безукори́зненно, безапелляцио́нный; бескро́вный; беспоря́дки, бесперебо́йный*;
 - 2.2. и слово без приставки является антонимом слова с приставкой, добавляющей значение 'не', плотное и неплотное присоединение ее к следующей морфеме и произносится $b[i^e]z$ -/ $b[i^e]c$ – и допустимо $b[ʲe]z$ -/ $b[ʲe]c$ –: *безбе́дный, безболе́зненно*,

безалкогольный, безальтернативный, безынициативный; бесприбыльный, бесперспективный;

вице- – в[и]це-: *вице-адмирал, вице-директор, вице-канцлер;*

вне- – вн[и^е]- и допустимо вн[е]-: *внеблочный, вневедомственный, внеплановость, внебалансовый, внедорожник, внеатмосферный, вневойсковик, внеечередник;*

де-/дез- с твердым [д]

1. В первом предударном слоге – д[ы^е]- и допустимо д[э]-: *дегрессия, делистинг, демаркетинг, десорбция;*
2. В других предударных слогах – д[э]-/д[э]з- и допустимо д[э]-/д[э]з-: *дегазация, декодировать, деаэрация, деконструктивизм; дезинфляция, дезактивация, дезориентация;*

до¹ со значением временного отрезка, предшествующего тому, что названо мотивирующим словом,

1. В 1-м предударном слоге
 - 1.1. Перед гласным – д[а^е]- и д[о]-: *доатомный;*
 - 1.2. Перед согласным – д[а^е]-; *добрачный, доклассовый, докризисный, дописьменный, дошкольный, доядерный;*
2. В других предударных слогах
 - 2.1. У прилагательных – д[э]- и допустимо д[о]-: *доармейский, довоенный, дообеденный, допризывный; доледниковый, доперестрочечный; доиндустриальный;*
 - 2.2. У существительных
 - 2.2.1. Перед гласным – д[э]- и допустимо д[о]-: *доистория;*
 - 2.2.2. Перед согласным д[э]-: *допризывник;*

до² со значением дополнительного совершения действия, названного мотивирующим словом,

1. В 1-м предударном слоге
 - 1.1. Обычно – д[а^е]-: *добрать, довести, додавать, додать, долить, досол, досаливать, досоленный;*
 - 1.2. – д[а^е]- и допустимо д[о]-: *довыборы, доизбранный;*
2. Во 2–3-м предударных слогах
 - 2.1. В словах с одним указанным значением – д[э]- и допустимо д[о]-: *дозаправить, дозаправка, доизбрать, доизбрание, доначислить, доисследовать, дозаправлять, дозарядить, дополучить, досочинить;*
 - 2.2. В словах с другими значениями, кроме указанного, – д[э]-: *довернуть, догрузить, допилить, доплатить, досажать, досверлить, досмолить, досолить, достегать, дорисовать;*
3. В 4-м предударном слоге – д[э]- и допустимо д[о]-: *довооружить, довооружение;*

за-

1. В прилагательных со значением 'находящийся по ту сторону предмета, от названия которого образовано прилагательное' перед предударным гласным, кроме з[э]-, допустимо произношение з[а]-: *заалтарный, заозёрный, заоконный, заонёжский, заударный, зауральский; заатмосферный, заиссыккульский, заокеанский; замударьинский;*
2. В прилагательных с этим значением перед ударным гласным и в других словах произносится з[а^е]- перед слогом с ударным гласным и з[э]- перед слогом с предударным гласным: *заоблачный, заокский; запястье, загривок, закраина, забросить, зарезать, запить; заполярный, замоскворецкий; забегаловка, загорание, закруглённый, за-*

лететь, закопать; заболевание, заасфальтированный, заговорить, заблаговременно; запеленговать, забюрократизировать, заидеологизировать;

кое- – к[о]е-: *ко́е-где́, ко́е-ка́к, ко́е-кто́, ко́е-что́; ко́е-како́й, ко́е-когда́, ко́е-куда́;*

контр- – к[о]нтр-: *контрвы́пад, контрдóвод, контрме́ра, контра́ка, контрза-щита́, контркомбина́ция, контрнаступле́ние;*

меж- (о произношении конечного согласного см. выше)

1. В существительных, образованных с помощью суффиксов *-j-* и *-ец-*, плотное соединение приставки *меж-* с корнем, у этих слов нет соотносительных слов, отличающихся только отсутствием приставки, и произносится м[и^е]ж-: *межвла́стье, межвре́мье, межго́рье, межледнико́вье, межозе́рье, межко́нье, межполо́сье, межребе́рье, межсезо́нье; межрайо́нец;*
2. В существительных и прилагательных, отличающихся от мотивирующего слова только наличием приставки, возможно плотное и неплотное соединение приставки *меж-* с корнем, что отражается на произношении м[и^е]ж- и м[е]ж-: *межба́нк, межго́род, межблóчный, междисциплина́рный, межклассо́вый, межплане́тный, межсетевой́, межфабри́чный, межчелюсто́й, межшко́льный;*

обер- – [о]бер-: *обер-ке́льнер, обер-ма́стер, обер-гофма́ршал, обер-конду́ктор, обергруппенфу́рер, обер-прокуро́р;*

около- – [о]коло-: *околозвёздный, околосе́мный, околону́чный, околосквато́рный;*

по- в наречиях с суффиксом *-но*

1. В 1-м предударном слоге – п[а^о]-: *пова́хтенно, повзвóдно, попа́рно, попу́тно, порóтно, посме́нно;*
2. Во 2-м предударном слоге – п[э]-: *побрига́дно, поиме́нно, постате́йно;*
3. В 3–4-м предударных слогах – п[э]- и допустимо п[о]-: *побата́льонно, побатаре́йно, поэскадро́нно; подивизио́нно;*

пост- – п[о]ст-: *посте́льцинский, постя́дерный; постгриппо́зный, постмоде́рн; постадапта́ция, поствулкани́ческий; постиндустриа́льный, постимпрессионизм, постреволюцио́нный; постимпрессионистиче́ский;*

после-, первый гласный приставки

1. В словах, у которых нет соотносительных слов, отличающихся только отсутствием приставки *после-*, плотное ее соединение с корнем – п[э]сле-: *послевку́сие, послелóг, послесло́вие;*
2. В словах, отличающихся от мотивирующего слова только наличием приставки *после-*, возможно плотное и неплотное ее соединение с корнем:
 - 2.1. Обычно – п[э]сле и п[о]сле: *послеа́вгустовский, послебра́чный; послеарме́йский, послево́енный; послегара́нтный, послегрозово́й; послеопера́ционный, послереволюцио́нный;*
 - 2.2. – п[э]слеа́втра и допустимо п[о]слеа́втра;

пра- со значением первоначальности, древности того, что названо мотивирующим словом,

1. В 1-м предударном слоге – пр[а^о]- и пр[а]-: *прапа́мять, праро́дина;*
2. Во 2–4-м предударных слогах – пр[а]-, в беглой речи возможно пр[э]-: *прасла́вяне, праязы́к, праистори́ческий, праязыко́вой;*

пред- со значением места, пространства, промежутка времени перед тем, что названо мотивирующим словом,

1. В 1-м предударном слоге – пр[и^е]д-: *предба́нник, предвы́борный, предго́рье, предзи́мний, предсе́рдие*;
2. Во 2–4-м предударных слогах
 - 2.1. Обычно – пр[е]д- и пр[и^е]д-: *предальпи́йский, предвесённый, предзащита́, предысто́рия; предава́рийный, предгрозово́й, преднового́дье; предлице́нзио́нный, предсоревно́вательный, предсуществова́ние*;
 - 2.2. – пр[и^е]д-: *предпоследний*;

про-¹ со значением ‘сторонник кого-, чего-нибудь’, ‘действующий в чьих-то интересах’

1. В 1-м предударном слоге – пр[а^о]- и допустимо пр[о]-: *прона́товский, прору́сский, проры́ночный*;
2. Во 2–3-м предударных слогах – пр[э]- и допустимо пр[о]-: *проара́бский, произра́ильский, прокремлёвский, проправительственный, профашист; проатланти́ческий, прокатоли́ческий, прокоммуни́ст, пропрезиде́нтский, промонархи́ческий*;
3. В 4–6-м предударных слогах – пр[э]- и пр[о]-: *проамери́канский, прокоммуни́стический, промили́таристский, прототали́тарный; проамериканизм, проколониали́стский, промонополисти́ческий; проимпериали́стический*;

про-² со значением предшественника во времени

1. В 1-м предударном слоге
 - 1.1. Перед гласным – пр[а^о]- и пр[о]-: *проа́тлас*;
 - 1.2. Перед согласным – пр[а^о]-: *прови́рус, прока́мбий, профа́за*;
2. В других предударных слогах – пр[э]- и допустимо пр[о]-: *продельфи́н, провитами́ны*;

противо-, первый гласный приставки

1. В 3–4-м предударных слогах
 - 1.1. При плотном соединении приставки с корнем – пр[э]тиво-,
 - 1.1.1. когда у слова нет соотносительного слова, отличающегося только отсутствием приставки: *противобо́рство, противоре́чие, противоя́дие, противополо́жность, противоре́чивость*;
 - 1.1.2. когда на первом гласном приставки невозможно дополнительное ударение: *противове́с, противого́аз, противодей́ствие, противото́к, противофа́за, противочле́н; противоесте́ственно, противопоказа́нный, противопоста́вить, противостоя́ние*;
 - 1.2. При плотном соединении приставки с корнем – пр[э]тиво- и неплотном, когда на первом гласном приставки возможно также дополнительное ударение – пр[о]тиво-: *противоа́томный, противови́русный, противогра́довый, противоды́мный; противованда́льный, противовозду́шный, противогриппо́зный, противодавле́ние, противодви́жение, противодеса́нтный*;
2. В 5–6-м предударных слогах
 - 2.1. При плотном соединении приставки с корнем – пр[э]тиво- и допустимом неплотном, когда на первом гласном приставки возможно дополнительное ударение – пр[о]тиво-: *противопоказа́ние, противоположа́ть, противоположе́ние, противопоста́вить, противопоста́вление, противопоста́влять*;
 - 2.2. При неплотном соединении приставки с корнем, когда на первом гласном приставки возможно также дополнительное ударение – пр[о]тиво-, и допустимом плотном – пр[э]тиво-: *противоава́рийный, противоалкого́льный, противобакте́рийный, противоболево́й, противовоспали́тельный; противообледе́нительный, противотуберкуле́зный, противознцефа́литный, противозиде́мический, противозрозио́нный*;

прото- со значением первоначальности, древности того, что названо мотивирующим словом, первый гласный приставки

1. В 1-м предударном слогe – *пр[а^а]то-*: *прото́граф*;
2. Во 2–4-м предударных слогах
 - 2.1. Обычно – *пр[о]то-*, в беглой речи возможно *пр[э]то-*: *протогиппус, протого́род, протозвёздный; протозвезда́, протои́ндийский, протои́стория; протого-суда́рство, протозооло́гия, протои́сторический*;
 - 2.2. – *прототип* – *пр[э]тотип*;

ре-

1. Перед ударным гласным – *р[и^е]-*: *ре́йспорт, ре́йспортный, ре́кспорт, ре́кспортный*;
2. Перед безударным гласным – *р[и^е]-* и *р[е]-*: *реабсо́рбция, реинфе́кция; реампу́тация, реимпорти́ровать, реинкарна́ция, реинфи́цированный, реэмигрант; реинфекцио́нный, реорганиза́ция, реорганизо́вать*;
3. Перед согласным
 - 3.1. При возможном только плотном соединении приставки с корнем – *р[и^е]-*: *ре-сине́з, ремарке́тинг, ренова́ция; регенера́ция, репрезента́ция, реформати́ровать*;
 - 3.2. При возможном плотном и неплотном соединении приставки с корнем – *р[и^е]-* и *р[е]-*: *ретрансла́ция, рецикли́рование; ревакцина́ция, редемарка́ция, редист-рибу́ция, рефинанси́рованный; реприватиза́ция, ремилитариза́ция*;

сверх- – *св[е]рх-*, в беглой речи возможно *св[и^е]рх-*: *сверхбы́стрый, сверхва́жность, сверхзвук; сверхбюджетный, сверхгала́ктика; сверхзвуко́вой, сверхинтуи́ция; сверхин-телиге́нтность, сверхмиллионе́р, сверхоптимистичный*;

со- со значением совместности, соучастия с тем, что названо или кто назван мотивирующим словом,

1. В 1-м предударном слогe – *с[а^а]-*: *соа́вторство, собра́т, согра́ждане, сожи́тель, соку́рсник, сока́мерник, солáгерник, сомно́житель, сообщество, сотво́рчество*;
2. В других безударных слогах
 - 2.1. В словах, у которых нет соотносительных слов, отличающихся только отсутствием приставки *со-*, плотное соединение ее с корнем – *с[э]-*: *собесе́дник, собу-ты́льник, совреме́нник, соиме́нный, сооте́чественник, соплеме́нный, сослуживе́ц, сотрапе́зник, соумы́шленник*;
 - 2.2. В словах, отличающихся от мотивирующего слова только наличием приставки *со-*,
 - 2.2.1. При плотном соединении приставки с корнем – *с[э]-*: *соприча́стный, со-това́рищ, соуча́ствовать, соуча́стие, соуча́стник; соподчи́нение, соподчи-нительный, соподчи́нять*;
 - 2.2.2. При плотном и допустимом неплотном соединении приставки с корнем 1-й степени – *с[э]-* и допустимо *с[о]-*: *совладе́лец, содокла́д, содокла́дчик, соинве́стор, сотрапе́зничать; соаренда́тор, соисполнительский, соу́ченик; сопережива́ние, сосуществова́ть*;
 - 2.2.3. При неплотном соединении приставки с корнем 2-й степени и допустимом плотном – *с[о]-* и допустимо *с[э]-*: *соаренда́, совино́вность, сонасле́довать, сохозя́ин; сонанима́тельский, сорежиссе́р, соумы́шление, соу́правлять, соуч-редите́льский; сокоорди́натор*;

транс-

1. В 1-м предударном слогe – *тр[а^а]нс-*: *транса́ктный, трансге́нный, трансве́рсия, транско́дер*;
2. В других предударных слогах
 - 2.1. В словах, у которых нет соотносительных слов, отличающихся только отсутствием приставки, или такие слова малочастотны, плотное соединение приставки с

корнем – *тр[э]нс-*: *трансгрессировать, трансплантант, трансплантировать, трансфока́тор, трансформировать; транслитерация, транслитерировать, трансмиссионный; трансплантационный;*

- 2.2. В словах, отличающихся от мотивирующего слова только наличием приставки, неплотное соединение ее с корнем – *тр[а]нс-*, в беглой речи возможно плотное соединение – *тр[э]нс-*: *трансальпийский, транскодирование, трансполярный; трансаванга́рд, трансатлантический, трансэкспедиция; трансдисциплинарный, трансконтинентальный, транскристаллизация, трансфизиология;*

экс- со значением ‘бывший’ – [э]кс-: *экс-канцлер, экс-мисс, экс-шеф; экс-директор, экс-жених, экс-король; экс-губернатор, экс-депутат, экс-чемпион; экс-парламентарий;*

экстра- – [э]кстра-: *экстраверсия, экстра-класс, экстрамодный; экстраординарный, экстраординарный, экстрасенсорика; экстракорпоральный, экстралингвистический, экстраординарный, экстрастилистический.*

Первые основы сложных слов

В первой основе некоторых сложных и сложносокращенных слов возможно произношение безударных гласных без качественной редукции: *др[е]-внерусский, стр[о]йотряд, м[а]шбюро, тр[о]хразовый, в[а]лотекущий, [йа]сновидящий.* В определенных фразовых условиях эти гласные могут получать побочное ударение [Каленчук, Касаткина 1993; 1996]. Произношение в первой основе качественно не редуцированных гласных и дополнительное ударение – свидетельства неплотного присоединения первой основы ко второй, а произношение в первой основе качественно редуцированных гласных, таких же, как в корне, и отсутствие дополнительного ударения указывает на плотное присоединение ее к следующей основе.

При произношении качественно не редуцированных гласных, на которых возможно при определенных условиях дополнительное ударение, в первой основе могут быть и другие качественно не редуцированные гласные или гласные, степень редукции которых не соответствует закономерностям произношения гласных корня, что служит дополнительным средством выделения первой основы и увеличивает степень неплотности ее соединения со второй основой.

Так, в первой основе *аэро-* может произноситься не только качественно не редуцированный гласный [а], но допустимо и произношение второго нередуцированного гласного [е]: *аэрограф* – [ае]рограф, *аэроклуб, аэровокзал, аэродинамический, аэроклиматология, аэронавигационный.* В первой основе *био-* может произноситься не только качественно не редуцированный [и], но и [о]: *биогаз* – б[ио]газ, *биодобавка, биоинформация, биокатализатор, биобиблиографический, биокommуникационный.* В первой основе *гео-* может произноситься не только [е], но и [о]: *геокосмос* – г[ео]космос, *геоакустика, геобиология, геоботанический, геомагнитофон.* В первой основе *бое-, гное-* допустимо произношение не только первого гласного [о], но и второго гласного [е]: *боеголовка* – б[ое]головка, *боеготовность, боезапас, боепитание, боеспособность; гноетечение, гноеотделение, гноеотделительный.* В первой основе *нео-* не только произносится [э], но возможно и произношение следующего [о]: *неоготика* – н[эо]готика, *неоклассический, неоглобализм, неогумбольдтианец, неоимпрессионистский.* В первой основе *зоо-, ноо-* произносится не только первый гласный [о], но обычно и второй гласный [о]: *зообаза* – з[оо]база, *зоогеограф, зоомагазин, зооветеринарный; ноокомплекс, ноосфера.*

При произношении в середине первой основы сложного слова безударного качественно не редуцированного гласного, в ее конце, в том числе на месте соединительного гласного, может произноситься гласный звук не той степени редукции, которая обычна в этой фонетической позиции в корне, а той степени, которая обычна на конце слова.

Так, на месте *o* в конце первой основы перед безударным слогом второй основы может произноситься не только [э], как это было бы в корне, но и [а²], как это возможно в конце слова: *автовокзал* – [а]вт[а²]воксáл, *кинодебют* – к[и]н[а²]дебю́т, *машино-ремóнтный* – маш[ы]н[а²]ремóнтный, *мясоконсёрвный* – м[’а]с[а²]консёрвный, *слово-изменéние* – сл[о]в[а²]изменéние, *сырокопчёный* – с[ы]р[а²]копчёный, *тёмно-зелёный* – т[’о]мн[а²]зелёный, *шумоизоляция* – ш[у]м[а²]изоляция, *электрогитара* – эл[’е]ктр[а²]-гитáра.

При дополнительном ударении на первой основе на месте *o* в ее конце перед ударным слогом второй основы может произноситься не только [а²], как это было бы в корне, но и [э], как это возможно в конце слова: *автоза́пуск* – авт[э]за́пуск, *киноклуб* – кин[э]-клуб, *маши́нно-тра́кторный* – маши́нн[э]-тра́кторный, *мясоса́льный* – мяс[э]са́льный, *сырорéзка* – сыр[э]рэзка, *тёмно-красный* – тёмн[э]-красный, *шумомер* – шум[э]мер, *электрoкран* – электр[э]кран.

Реализация фонемы, выступающей в одной и той же первой основе в разных сложных словах, может зависеть от словообразовательных типов этих слов. Так, в словах *водопровод*, *звероводство*, *прямоугольный*, *самодержавие*, *старообразный*, *фотография* со второй связанной основой, не употребляющейся как самостоятельное слово, обычно произносится качественно редуцированный гласный: в[э]допровóд, зв[и^е]ровóдство, пр[и^е]моугóльный, с[э]модержáвие, ст[э]рообráзный, ф[э]тогрáфия; а в словах *водазабор*, *звероферма*, *прямостоящий*, *самоирония*, *старославянский*, *старослужащий*, *фотофобия* со второй несвязанной основой – обычно качественно не редуцированный гласный: в[о]дозабо́р, зв[е]рофе́рма, пр[’а]мостóящий, с[’а]моиро́ния, ст[’а]росла-вя́нский, ст[’а]рослу́жащий, ф[’о]тофо́бия.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УДАРЕНИЕ

Наличие дополнительного ударения свидетельствует о неплотном присоединении первой основы ко второй и зависит от следующих основных условий.

1. Расстояние (количество слогов, звуков) между слогом с основным ударением и слогом, на котором возможно дополнительное ударение.

В потоке речи расстояние между ударными слогами в среднем равно 2–2,5 слогам [Иванова-Лукиянова 1998: 153], поэтому, если в слове перед ударным слогом три и больше безударных слогов, у говорящих возникает стремление к постановке дополнительного ударения. При этом вероятность дополнительного ударения в слове возрастает с увеличением количества предударных слогов.

«Чем дальше отстоит основное ударение от места возможного побочного ударения, тем в большей степени можно ожидать двух ударений в слове. Ср., например, *водомер* (с одним ударением) и *водонепроницаемый* (с возможным вторым, побочным ударением), *земледелец* (с одним ударением) и *землевладелец* (с возможным вторым, побочным ударением)» [Аванесов 1974: 113]. «При расстоянии в два слога между первым слогом (потенциальным местом дополнительного ударения) и слогом с основным ударением возникает неопределенность в оформлении метрической схемы слова. Такие композиты могут произноситься равновероятно как с *ОР* (отсутствием редукции гласного. – Л. К.), так и без тембровой или просодической выделенности первого слога: *автопробег* и *автопробéг*, *двухчасовой* и *двухчасовóй*, <...> *гидроакустика* и *гидроакúстика*. В словах, где «первый слог отделен от ударного гласного цепочкой в три (или более) безударных слога <...> обычно появляется *ОР* и даже дополнительное ударение (т. е. просодическая выделенность) на первом слоге: *автоколебание*, *болеутоляющий*, *водонепроницаемый*, *дакриоаденит*, *двухкилометровый*, *двухтысячелетие*, *делопроизводитель*, *гидроакустический*, *времяпровождение*, *деревообрабатывающий*, *гастроэнтерология*, *геолого-поисковый*, *геологоразведчик*, *геологоразведка*, *малообразованный*, *ритмообразующий*» [Касаткина 2002: 103]; см. также [Касаткин 2007: 350–356; 2012: 999–1000].

Расстояние между слогом с основным ударением и слогом, на котором возможно дополнительное ударение, может измеряться не только количеством слогов, но и коли-

чеством и качеством звуков. Так, сочетание трех-четырех согласных на стыке основ, включающее сонорный звук, обычно равносильно с точки зрения указанного расстояния слоговому звуку, поэтому примерно одинакова возможность появления дополнительного ударения в словах *бандформирование* и *парообразование*, *контрразведка* и *фоторазведка*, *метротель* и *мегаампер*, *спортплощадка* и *самозакалка*, *спиртсодержащий* и *противолежачий*. Сочетание двух гласных может быть равносильно одному слоговому звуку, а сочетание трех гласных – двум слоговым звукам. Так, примерно одинакова возможность появления дополнительного ударения в словах *авиабилет* и *аквамассаж*, *видеоголовка* и *велоколяска*, *метеонаблюдения* и *местоположение*, *телеобозреватель* и *тележурналист*, *палеоевропейский* и *палеосибирский*, *радиоэлемент* и *радиовзрыватель*, *чаепакеточный* и *частновладельческий*.

2. Положение слова в сильной или слабой фразовой позиции.

В сильной фразовой позиции слово находится под основным ударением фонетической синтагмы или фразы или при акцентном выделении, в слабой позиции – при отсутствии этих условий. В сильной фразовой позиции звуки в слове произносятся более длительно и четко, в слабой фразовой позиции темп ускоряется, что способствует ослаблению, редукции звуков.

Наличие или отсутствие дополнительного ударения и его употребительность в слове в зависимости от расстояния до ударного слога и сильной или слабой фразовой позиции легко прослеживается при сравнении сложных слов одного и того же словообразовательного типа с одной и той же первой основой и разным количеством предударных слогов во второй основе.

Так, в слове *двухспальный* слог с потенциальным дополнительным ударением стоит перед слогом с основным ударением, в этом слове дополнительное ударение отсутствует и в слабой фразовой позиции: *двухспальный диван*¹², и в сильной: *Этот диван двухспальный* (0)¹³. В слове *двухсторонний* между слогом с основным ударением и слогом с потенциальным дополнительным ударением один слог, в этом слове дополнительное ударение отсутствует в слабой фразовой позиции: *двухсторонний договор* (0), но в сильной позиции допустимо: *Этот договор двухсторонний* и *Этот договор двухсторонний* (1). В слове *двухмиллионный* два промежуточных слога, здесь допустимо дополнительное ударение в слабой фразовой позиции: *двухмиллионный город* и допустимо *двухмиллионный город* (1), а в сильной позиции отсутствие дополнительного ударения и его наличие равноправны, равновероятны: *Этот город двухмиллионный* и *Этот город двухмиллионный* (2). В слове *двухкилометровый* три промежуточных слога, здесь в слабой фразовой позиции отсутствие дополнительного ударения и его наличие равновероятны: *двухкилометровый забор* и *двухкилометровый забор* (2), а в сильной позиции дополнительное ударение обычно: *Этот забор двухкилометровый*, но его отсутствие возможно: *Этот забор двухкилометровый* (3).

Ср. также: в слабой фразовой позиции: *малоопытный* (0), в сильной фразовой позиции: *малоопытный* и допустимо *малоопытный* (1); в слабой фразовой позиции: *малосолёный* и допустимо *малосолёный* (1), в сильной позиции: *малосолёный* и *малосолёный* (2); в слабой фразовой позиции: *маловероятный* и *маловероятный* (2); в сильной позиции: *маловероятный* и допустимо *маловероятный* (3); в сильной и слабой фразовой позиции: *маловероятный* (4);

¹² Знаком [˘] показано фразовое ударение.

¹³ Цифры в скобках означают:

0 – слово произносится без дополнительного ударения;

1 – в слове при обычном одном ударении допустимо дополнительное ударение;

2 – одно ударение и наличие дополнительного ударения одинаково возможны;

3 – слово обычно произносится с дополнительным ударением, но допустимо и только одно ударение;

4 – дополнительное ударение обязательно.

в сильной и слабой фразовой позиции: *пятиднёвный* (0); в слабой фразовой позиции: *пятизарядный* (0), в сильной позиции *пятизарядный* и допустимо *пятизарядный* (1); в слабой фразовой позиции: *пятивековой* и допустимо *пятивековой* (1), в сильной позиции: *пятивековой* и *пятивековой* (2); в слабой фразовой позиции: *пятикилометровый* и *пятикилометровый* (2), в сильной позиции: *пятикилометровый* и допустимо *пятикилометровый* (3).

3. Чем дальше от начала слова место возможного дополнительного ударения, тем меньше необходимое расстояние между основным ударением и дополнительным.

При односложной и двусложной первой основе (включая и соединительную гласную) для возникновения дополнительного ударения на первом или на втором слоге первой основы в сильной фразовой позиции необходимо, чтобы между этим слогом и слогом с основным ударением было не менее одного промежуточного слога (примеры см. выше), но при первой основе в три слога и дополнительным ударением на 3-м ее слоге это расстояние может быть меньшим: *четырёхслóбный*, *четырёхтómный* и допустимо *четырёхслóбный*, *четырёхтómный* (1) – промежуток ноль слогов; *четырёхгоди́чный*, *четырёхполóсный*, *четырёхсторонний* и *четырёхгоди́чный*, *четырёхполóсный*, *четырёхсторонний* (2) – промежуток один слог; *четырёхгодова́лый*, *четырёхлучево́й*, *четырёхоруди́ный* и допустимо *четырёхгодова́лый*, *четырёхлучево́й*, *четырёхоруди́ный* (3) – промежуток два слога; *четырёхкилометровый* (4) – промежуток три слога; ср. также: *девя́тимеся́чный* и допустимо *девя́тимеся́чный* (1), *девя́тиэта́жный* и *девя́тиэта́жный* (2), *девя́тичасово́й* и допустимо *девя́тичасово́й* (3), *девя́тикилометровый* (4).

Дополнительное ударение на четвертом слоге первой основы обязательно уже при расстоянии между ним и основным ударением в один слог: *библио́тековéдение*, *метеоро́итовéд* (4).

4. Чем больше слогов после основного ударения, тем вероятнее наличие дополнительного ударения.

Так, в сильной фразовой позиции: *водоотво́дный* и *во́доотво́дный* (2) – один заударный слог, но *во́доотта́лкиваю́щий* и допустимо *во́доотта́лкиваю́щий* (3) – четыре заударных слога; *околопло́дный* и *о́колопло́дный* (2) – один заударный слог, но *о́колопло́дниковый* и допустимо *о́колопло́дниковый* (3) – три заударных слога; *пивоко́нсервный* и *пи́воко́нсервный* (2) – один заударный слог, но *пи́воразли́вочный* и допустимо *пиво́разли́вочный* (3) – два заударных слога; ср. также: *пне́вмокарка́сный* и *пне́вмокарка́сный* (2), но *пне́вмоко́нтейнерный* и допустимо *пне́вмоко́нтейнерный* (3); *лесообра́ботка* и допустимо *лесообра́ботка* (3), но *лесообра́батываю́щий* (4).

5. Связанная или несвязанная вторая основа. При связанной второй основе дополнительное ударение обычно не возникает, при несвязанной – возможно; ср. в сильной фразовой позиции: *золотоно́сный* (0) и *золотомо́йка* (2), *равнобе́дренный* (0) и *равновы́годный* (1), *русскоязы́чный* (0) и *русско-япо́нский* (2), *телогре́йка* (0) и *телеба́шня* (1), *черноборо́дый* (0) и *чёрно-зеле́ный* (2), *яйцеобра́зные* (0) и *яйцекла́дущие* (2).

6. Для слов редко употребляющихся, специальных, книжных, с четко выделяющимися частями, характерно дополнительное ударение.

Р.И. Аванесов писал: «Наличие или отсутствие второго, побочного ударения зависит от многих обстоятельств, например от того, является ли слово широко распространенным или редко употребляющимся; относится ли оно к общему языку или к специальному; является ли оно книжным по своей стилистической окраске или нейтральным (т. е. лишенным особой стилистической окраски); от того, насколько четко выделяются в смысловом отношении отдельные части сложного слова и в каких отношениях друг к другу они находятся. Вообще двух ударений – побочного и основного – можно ожидать в сложениях более новых или необычных, книжных по своему характеру или относящихся к специальному языку (науки, техники), а также в сложениях, первая часть которых имеет иноязычное происхождение. <...> Точно так же больше оснований ожидать двух ударений в тех случаях, когда в смысловом отношении обе части сложения выделяются достаточно четко» [Аванесов 1974: 109–110].

При первой двусложной основе и расстоянии в один слог между основным ударением и местом возможного дополнительного ударения многие слова произносятся без дополнительного ударения: *кинофильм, мимоёздом, монорельс, полуостров, телевидение, хлеборёз* (0), в других случаях оно возможно: *вырвиглаз* и допустимо *вырви́глаз, микродвигатель* и допустимо *микродви́гатель, полупра́вда* и допустимо *полу́пра́вда* (1). В более употребительном слове *лейтмотив* дополнительное ударение отсутствует, а в редком слове *лейттема* возможно дополнительное ударение *ле́йтте́ма* (1). При первой трехсложной основе и расстоянии в два слога только без дополнительного ударения: *железнодоро́жный, машиностро́ительный, налогоплате́льщик, наукообра́зный, энергосисте́ма*; с равноправными вариантами без дополнительного ударения и с ним: *асфальтоукла́дчик* и *асфа́льтоукла́дчик, газонокоси́лка* и *газдо́нокоси́лка, монеторазме́нник* и *монёторазме́нник*; только с дополнительным ударением: *навдо́зоразбра́сыватель*.

На письме разная плотность соединения основ может обозначаться слитным и дефисным написанием слова. В некоторых случаях это связано с разными словообразовательными типами. При дефисном написании слова дополнительное ударение на первой основе обычно бывает при меньшем расстоянии до основного ударения, чем в словах, пишущихся слитно. Так, при расстоянии ноль слогов перед основным ударением дополнительное ударение обычно в словах *биза́нь-ма́чта, килова́тт-ча́с, огонь-де́вка, се́кс-бо́мба, перека́ти-по́ле*. Слово *амперме́тр* произносится с одним ударением, но в слове *ампер-ча́с* возможно дополнительное ударение: *ампе́р-ча́с*; так же: *джазме́н*, но *джаз-ба́нд* и *джа́з-ба́нд, флаги́ток*, но *флаг-шту́рман* и *фла́г-шту́рман, экскурсия, экспре́сс, эксце́нтрик*, но *экс-ка́нцлер* и *экс-ка́нцлер, экс-спи́кер* и *экс-спи́кер, экс-ше́ф* и *экс-ше́ф*. Слово *дельтапла́н* произносится с одним ударением, а в словах *дельта-и́мпульс, дельта-фу́нкция* обычно и побочное ударение, промежуток между ударениями – один слог; так же: *бета́трон* – *бе́та-фи́льтр, гаммагра́фия* – *га́мма-вспы́шка, белокры́лый* – *бе́ло-кра́сный, мясору́бка* – *мясо-ры́бный, счетово́дческий* – *сче́тно-кла́вишный, человеколю́бие* – *челове́ко-де́нь; чудодо́йственный, чудотво́рец* – *чу́до-де́рево, чу́до-пе́чка; ма́кси-мо́да, ми́ни-ю́бка*. И так же *кабелево́з* – *ка́бель-кана́л*.

7. Есть первые основы сложных слов, которые никогда не выделяются дополнительным ударением, например *благо-, бого-, бое-, зло-*: *благососпи́танность, благоразу́мный; благопожелáние, благосостоя́ние; благоприобретённый, благорасположе́ние; богоиска́тельство, богоспаса́емый; богопочита́ние, богоустано́вленный; боегото́вность, боекомплéкт, боеподгото́вка, боестолкнове́ние; злодея́ние, злонаме́ренно, злоупотре́блять*.

Таким образом, о плотном или неплотном соединении морфем в слове свидетельствует поведение сочетаний разных согласных на стыке этих морфем, а также произношение качественно редуцированных или не редуцированных гласных и отсутствие или наличие дополнительного ударения в приставках и первых основах сложных слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов 1956 – Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во Московского университета, 1956. [Avanesov R.I. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of the Modern Standard Russian language]. Moscow: Moscow State Univ., 1956.]
- Аванесов 1974 – Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. [Avanesov R.I. *Russkaya literaturnaya i dialektnaya fonetika* [Russian standard and dialect phonetics]. Moscow: Prosveshchenie, 1974.]
- Аванесов 1984 – Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд. М.: Просвещение, 1984. [Avanesov R.I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian standard pronunciation]. 6th edition. Moscow: Prosveshchenie, 1984.]
- Барина Г.А. О произношении [ж'] и [ш'] // Высотский С.С., Панов М.В., Сидоров В.Н. (ред.). Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 25–54.

- [Barinova G.A. Pronunciation of [zh'] i [sh']. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka*. Vysotskii S.S., Panov M.V., Sidorov V.N. (eds). Moscow: Nauka, 1966. Pp. 25–54.]
- Борунова 1966 – Борунова С.Н. Сочетания [ш'ч'] и [ш'] на границах морфем // Высотский С.С., Панов М.В., Сидоров В.Н. (ред.). Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 55–71. [Borunova S.N. [sh'ch'] and [sh'] combinations at the boundaries of morphemes. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka*. Vysotskii S.S., Panov M.V., Sidorov V.N. (eds). Moscow: Nauka, 1966. Pp. 55–71.]
- Гвоздев 1958 – Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1958. [Gvozdev A.N. *Sovremennyyi russkii literaturnyi yazyk*. Ch. I. Fonetika i morfologiya [Modern Standard Russian. Part I. Phonetics and morphology]. Moscow: Uchpedgiz, 1958.]
- Гловинская, Кузьмина 1974 – Гловинская М.Я., Кузьмина С.М. Ассимилятивное смягчение согласных // Крысин Л.П. (ред.). Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. М.: Наука, 1974. С. 41–83. [Glovinskaya M.Ya., Kuz'mina S.M. Assimilative palatalization of consonants. *Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: Opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya*. Krysin L.P. (ed.). Moscow: Nauka, 1974. Pp. 41–83.]
- Грамматика русского языка 1960 – Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Grammatika russkogo yazyka. T. I: Fonetika i morfologiya. [Russian grammar. Vol. I: Phonetics and morphology] Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Зализняк 1985 – Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. [Zaliznyak A.A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Иванова-Лукьянова 1998 – Иванова-Лукьянова Г.И. Культура устной речи: Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М.: Флинта; Наука, 1998. [Ivanova-Luk'yanova G.I. *Kul'tura ustnoi rechi: Intonatsiya, pauzirovaniye, logicheskoe udarenie, temp, ritm* [Oral speech culture: Intonation, pauses, logical stress, tempo, rhythm]. Moscow: Flinta; Nauka, 1998.]
- Каленчук 1986 – Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. [Kalenchuk M.L. *Osobennosti realizatsii soglasnykh fonem na styke morfem v sovremennom russkom literaturnom yazyke*. Kand. Diss. [Specifics of realization of consonant phonemes at the junction of morphemes in Modern Standard Russian. Cand. Diss.] Moscow, 1986.]
- Каленчук, Касаткина 1993 – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 99–106. [Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. Secondary stress and the rhythmic structure of the Russian word at the word level and at the sentence level. *Voprosy jazykoznanija*. 1993. No. 4. Pp. 99–106.]
- Каленчук, Касаткина 1996 – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Просодия слова и побочное ударение: Постановка проблемы, Акустические корреляты побочного ударения // Николаева Т.М. (отв. ред.). Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 22–39. [Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. Word prosody and secondary stress: Problem statement, Acoustic correlates of secondary stress. *Prosodicheskii stroi russkoi rechi*. Nikolaeva T.M. (ed.). Moscow, 1996. Pp. 22–39.]
- Каленчук, Касаткина 1997 – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. М.: Русский язык, 1997. [Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. *Slovar' trudnostei russkogo proiznosheniya* [A dictionary of Russian pronunciation difficulties]. Moscow: Russkii Yazyk, 1997.]
- Каленчук, Касаткина 1999 – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Особенности звукового оформления русских приставок // Russian Linguistics. 1999. Vol. 23. S. 1–9. [Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. Peculiarities of sound manifestation of Russian prefixes. *Russian Linguistics*. 1999. Vol. 23. Pp. 1–9.]
- Каленчук, Касаткина 2007 – Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. О процессе разрушения позиционных чередований согласных в современном русском литературном языке // Касаткина Р.Ф. (отв. ред.). Проблемы фонетики. М.: Наука, 2007. С. 172–180. [Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. Destruction of positional alternations of consonants in Modern Standard Russian. *Problemy fonetiki*. Kasatkina R.F. (ed.). Moscow: Nauka, 2007. Pp. 172–180.]
- Касаткин 1982 – Касаткин Л.Л. Фонетика // Лекант П.А. (ред.). Современный русский литературный язык. М.: Высшая школа, 1982. С. 80–127. [Kasatkin L.L. Phonetics. *Sovremennyyi russkii literaturnyi yazyk*. Lekant P.A. (ed.). Moscow: Vysshaya Shkola, 1982. Pp. 80–127.]

- Касаткин 1999 – Касаткин Л.Л. Современная русская литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. [Kasatkin L.L. *Sovremennaya russkaya literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; Shkola Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Касаткин 2007 – Касаткин Л.Л. Заметки по русской орфоэпии // Касаткина Р.Ф. (отв. ред.). Проблемы фонетики. V. М.: Наука, 2007. С. 344–365. [Kasatkin L.L. Notes on the Russian orthoepy. *Problemy fonetiki*. V. Kasatkina R.F. (ed.). Moscow: Nauka, 2007. Pp. 344–365.]
- Касаткин 2008a – Касаткин Л.Л. Современный русский язык: Фонетика. М.: Издательский центр «Академия», 2008. [Kasatkin L.L. *Sovremennyi russkii yazyk: Fonetika* [Modern Russian language: Phonetics]. Moscow: Akademiya Publ., 2008.]
- Касаткин 2008b – Касаткин Л.Л. Активные процессы в фонетике: Процесс отвердения согласных перед мягкими согласными в современном русском языке // Крысин Л.П. (отв. ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 271–374. [Kasatkin L.L. Active processes in phonetics: Hardening of consonants before soft consonants in Modern Russian. *Sovremennyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov*. Krysin L.P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. S. 271–374.]
- Касаткин 2012 – Касаткин Л.Л. Орфоэпические правила // Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка: Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. С. 938–1000. [Kasatkin L.L. Orthoepic rules. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty*. Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2012. Pp. 938–1000.]
- Касаткина 2002 – Касаткина Р.Ф. Метрика слова в русском языке // Касаткина Р.Ф. (отв. ред.). Проблемы фонетики. IV. М.: Наука, 2002. С. 91–107. [Kasatkina R.F. Word metrics in Russian. *Problemy fonetiki*. IV. Kasatkina R.F. (ed.). Moscow: Nauka, 2002. Pp. 91–107.]
- Кузьмина 1966 – Кузьмина С.М. О фонетике заударных флексий // Высотский С.С., Панов М.В., Сидоров В.Н. (ред.). Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 5–24. [Kuz'mina S.M. Phonetics of post-tonic flexion. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka*. Vysotskii S.S., Panov M.V., Sidorov V.N. (eds). Moscow: Nauka, 1966. Pp. 5–24.]
- Кузьмина 1981 – Кузьмина С.М. Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М.: Наука, 1981. [Kuz'mina S.M. *Teoriya russkoi orfografii: Orfografiya v ee otnoshenii k fonetike i fonologii* [Theory of the Russian orthography: Orthography in its relation to phonetics and phonology]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Матусевич 1976 – Матусевич М.И. Современный русский язык: Фонетика. М.: Просвещение, 1976. [Matusевич M.I. *Sovremennyi russkii yazyk: Fonetika* [The Modern Russian language. Phonetics]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.]
- Панов 1957/2004 – Панов М.В. О влиянии грамматической аналогии на произносительные нормы в современном русском литературном языке // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потёмкина. Т. 42. Вып. 4. М., 1957. С. 3–34. (Переизд.: Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Наука, 2004. С. 479–510.) [Panov M.V. Influence of grammatical analogy on pronunciation norms in Modern Standard Russian]. *Uchenye zapiski MGPI im. V.P. Potemkina*. Vol. 42. No. 4. Moscow, 1957. Pp. 3–34. (Reedition: Panov M.V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 479–510.)]
- Панов 1967 – М.В. Панов. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. [Panov M.V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow: Prosveshchenie, 1967.]
- Панов 1968 – Панов М.В. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. [4] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968. [Panov M.V. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie*. [4] *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory* [The Russian language and the Soviet society. Sociological and linguistic study. [4]. Phonetics of Modern Standard Russian. Dialects]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Панов 1971 – Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 240–253. [Panov M.V. About analytical adjectives. *Fonetika. Fonologiya. Grammatika: K 70-letiyu A.A. Reformatskogo*. Moscow: Nauka, 1971. Pp. 240–253.]
- Панов 1979 – Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. [Panov M.V. *Sovremennyi russkii yazyk: Fonetika* [Modern Russian: Phonetics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1979.]

- Панов 1990 – Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. [Panov M.V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of the Russian standard pronunciation of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Светозарова 2006 – Светозарова Н.Д. Орфоэпия и орфофония в русском художественном тексте // Касевич В.Б., Мурин И.В., Троян В.Н. (ред.). Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвященный юбилею профессора Л.А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 193–201. [Svetozarova N.D. Orthoepy and orthophony in the Russian literary text. *Filologiya. Russkii yazyk. Obrazovanie: Sbornik statei, posvyashchennyi yubileyu professora L.A. Verbitskoi.* Kasevich V.B., Murin I.V., Troyan V.N. (eds). St. Petersburg: St.-Petersburg State Univ., 2006. Pp. 193–201.]
- Скачедубова 2013 – Скачедубова Е.С. Фонетика подсистемы сложных слов // М.Л. Каленчук, Касаткина Р.Ф. (отв. ред.). Русская фонетика в развитии: Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 121–152. [Skachedubova E.S. Phonetics of the subsystem of compound words. *Russkaya fonetika v razvitii: Foneticheskie «ottsy» i «deti» nachala XXI veka.* Kalenchuk M.L., Kasatkina R.F. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013. Pp. 121–152.]
- Щерба 1957 – Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. [Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected papers on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1957.]

Сведения об авторе:

Леонид Леонидович Касаткин
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
rolekas@yandex.ru

Information about the author:

Leonid L. Kasatkin
Vinogradov institute of
the Russian language (RAS)
rolekas@yandex.ru
Moscow / Russia

Статья поступила в редакцию 6.03.2014.

© 2014 г. О.И. БЕЛЯЕВ

**ОСЕТИНСКИЙ КАК ЯЗЫК С ДВУХПАДЕЖНОЙ СИСТЕМОЙ:
ГРУППОВАЯ ФЛЕКСИЯ И ДРУГИЕ ПАРАДОКСЫ ПАДЕЖНОГО
МАРКИРОВАНИЯ**

В статье рассматриваются некоторые проблемные случаи падежного маркирования в осетинском языке: групповая флексия, управление предлога *æнæ* 'без', дифференцированное маркирование прямого дополнения, употребление форм местоимения *кæрæдзи* 'друг друга' в иронском диалекте в позиции посессора и прямого объекта. Показано, что выбор падежа в этих конструкциях определяется структурой парадигмы зависимой лексемы. Для объяснения распределения словоформ в этих синтаксических контекстах предлагается разделить падеж в осетинском языке на две категории: «морфологический падеж» (МП), приписываемый словоформам, который состоит всего из двух граммем, ректуса и обликвуса, и «групповой падеж» (ГП), приписываемый именным группам, к которому относятся все традиционно выделяемые косвенные падежи. МП соответствует категории падежа в языках, не допускающих групповой флексии, например в русском и латинском, ГП – падежным граммемам, допускающим групповое оформление, как, например, в тюркских языках. Существование двух таких категорий в пределах одного языка может свидетельствовать о том, что их следует различать и в типологической перспективе. Данные осетинского языка сопоставляются с аналогичными явлениями в других языках: восточноармянском, индо-арийских, калмыцком, тохарском А. Анализ формализуется в терминах лексико-функциональной грамматики.

Ключевые слова: морфология, падеж, групповая флексия, парадигма, лексико-функциональная грамматика, осетинский язык

This article deals with several problematic instances of case marking in Ossetic: suspended affixation, case government of the preposition *ænz* 'without', differential object marking, the distribution of the forms of Iron *kærdzi* 'each other' in the functions of direct object and possessor. I show that the assignment of case in these constructions is determined by the structure of the paradigm of the dependent lexeme. The distribution of different wordforms in these syntactic environments is explained by decomposing case in Ossetic into two categories: "morphological case" (m-case), assigned to wordforms, which has only two values, direct and oblique, and "group case" (g-case), assigned to NPs, which includes all the oblique case values distinguished for Ossetic. M-case corresponds to case in languages which do not allow suspended affixation, such as Russian and Latin, while g-case corresponds to case categories in languages that do have suspended affixation, such as Turkic. The coexistence of these two categories within a single language may imply that they should also be distinguished in typological perspective. The data of Ossetic are compared to similar phenomena in other languages: Eastern Armenian, Indo-Aryan, Kalmyk, and Tocharian A. The analysis is formalized in terms of Lexical Functional Grammar.

Keywords: morphology, case, suspended affixation, paradigm, Lexical Functional Grammar, Ossetic

1. ВВЕДЕНИЕ

Осетинский язык – язык иранской группы индоевропейских языков, распространенный на Северном Кавказе, в Республике Северная Осетия – Алания, и в Закавказье, в Республике Южная Осетия. По официальным данным [Перепись 2010],

общее число носителей осетинского языка в России – около 450 тыс. человек; по данным [Lewis et al. 2014], общее число носителей осетинского языка в мире составляет 577 450 человек. В данной статье в основном будет использоваться материал крупнейшего диалекта осетинского языка – иронского; данные второго по величине диалекта, дигорского, будут привлекаться в тех случаях, когда этот диалект обнаруживает отличия в существенных для данной статьи моментах¹.

Основная идея этой статьи состоит в том, что за поверхностно выделяемой восьмью или девятипадежной системой в осетинском языке стоят две грамматические категории падежа: первая, бинарная, противопоставляет прямой и косвенный падежи; вторая формирует подсистему косвенных падежных форм и содержит все традиционные падежные граммемы кроме номинатива.

Многие языки, в том числе в кавказском ареале [Кибрик 1990], регулярно различают прямую и косвенную основы, и поэтому противопоставление прямого падежа всем косвенным на морфологическом уровне является достаточно распространенным явлением. В осетинском языке, как и в некоторых дагестанских языках², это противопоставление выходит за рамки собственно морфологии и проявляется в различных синтаксических конструкциях: при групповой флексии, в вариантах падежного маркирования зависимых некоторых предлогов, при маркировании прямого объекта. В статье показано, что только постулирование двух полноценных, синтаксически релевантных категорий падежа позволяет дать всем этим случаям нестандартного падежного маркирования непротиворечивое объяснение. В этом мой анализ принципиально отличается от разложений падежа и других категорий, предлагавшихся для разных языков Р.О. Якобсоном и его продолжателями [Якобсон 1936/1985; Bierwisch 1967; Blevins 1995; Müller 2002], основанных в основном на формально-морфологических фактах и потому в значительной мере произвольных.

Кроме того, важной особенностью постулируемых грамматических категорий является то, что они различаются также по своему формальному выражению: «бинарный» падеж является чисто морфологическим падежом, аналогичным по своему поведению соответствующим граммемам флективных языков, таких как русский и латинский, в то время как «вторичный» падеж является показателем, относящимся не к слову, а к целой синтаксической группе, что сближает его с аналогичной категорией в тюркских и других агглютинативных языках. Такое сосуществование двух формально различных падежных категорий в рамках одного языка поднимает вопрос о правомерности существующей типологии падежных систем, рассматривающей «групповые» и «флективные» системы как объекты одного рода.

¹ Иронские примеры с указанием источника взяты из Осетинского национального корпуса (ОНК, <http://corpus.ossetic-studies.org>), дигорские – из устных текстов на дигорском диалекте (<http://ossetic-studies.org/ru/texts/digor>). Осетинские примеры без указания источника собраны в ходе экспедиций в г. Владикавказ в 2011–2013 гг. Я благодарен всем моим консультантам, в особенности М.В. Дарчиевой, а также А. Гуриеву, Т.Т. Камболову, З.К. Кусаевой и Х.А. Таказову за поддержку в работе над осетинским языком. Все ошибки в примерах – на моей совести. Выражаю благодарность П.М. Аркадьеву за ценные комментарии к тексту настоящей статьи. Я также хотел бы поблагодарить участников конференций, на которых были представлены более ранние варианты данного исследования: 15-го Международного конгресса морфологов (Вена, Австрия), в особенности О. Бонами, и конференции «Типология морфосинтаксических параметров – 2012», в особенности С.С. Сая, Л.В. Хохлову, Е.Л. Рудницкую, А.В. Циммерлинга и Дж. Левайна. Кроме того, за тохарский материал я благодарен И.Б. Иткину. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00342), Президиума РАН (программа «Корпусная лингвистика») и Отделения историко-филологических наук РАН (проект «Синтаксическая типология: сочинение, эллипсис, типология клитик и систем порядка слов»).

² Например, в цахурском, где прилагательные различают прямую и косвенную формы в зависимости от падежа имени-вершины [Сосенская 1999].

2. ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Традиционно в осетинском языке выделяется девять падежей для иронского диалекта и восемь – для дигорского, где отсутствует комитатив³. В осетинском имеется всего один тип склонения существительных, с небольшими морфонологическими отличиями в форме падежных аффиксов в зависимости от исхода основы на гласную или согласную. В дигорском имена, оканчивающиеся на *-æ*, склоняются в целом по согласному типу с усечением конечной гласной, за исключением форм аллатива и суперэссива, где она «восстанавливается». В иронском такие существительные склоняются по гласному типу.

Таблица 1

Склонение существительных единственного числа

Падеж	Согласный тип <i>бæх</i> 'конь'		Гласный тип <i>уыры/уру</i> 'крыса'		На <i>-æ</i> <i>сифæ</i> 'лист'
	ир.	диг.	ир.	диг.	диг.
NOM	<i>бæх</i>	<i>бæх</i>	<i>уыры</i>	<i>уру</i>	<i>сифæ</i>
GEN	<i>бæх-ы</i>	<i>бæх-и</i>	<i>уыры-йы</i>	<i>уру-й</i>	<i>сиф-и</i>
DAT	<i>бæх-æн</i>	<i>бæх-æн</i>	<i>уыры-йæн</i>	<i>уру-йæн</i>	<i>сиф-æн</i>
ALL	<i>бæх-мæ</i>	<i>бæх-мæ</i>	<i>уыры-мæ</i>	<i>уру-мæ</i>	<i>сиф-æмæ</i>
ABL	<i>бæх-æй</i>	<i>бæх-æй</i>	<i>уыры-йæ</i>	<i>уру-йæй</i>	<i>сиф-æй</i>
IN	<i>бæх-ы</i>	<i>бæх-и</i>	<i>уыры-йы</i>	<i>уру-й</i>	<i>сиф-и</i>
SUPER	<i>бæх-ыл</i>	<i>бæх-бæл</i>	<i>уыры-йыл</i>	<i>уру-бæл</i>	<i>сиф-æбæл</i>
EQU	<i>бæх-ау</i>	<i>бæх-ау</i>	<i>уыры-йау</i>	<i>уру-йау</i>	<i>сиф-ау</i>
COMIT	<i>бæх-имæ</i>	–	<i>уыры-(й)имæ</i>	–	–

Показатель числа присоединяется к основе агглютинативно; во множественном числе падежные показатели в целом те же, что и в единственном.

³ Данные об иронских падежных парадигмах имеются в грамматиках [Гагкаев 1952; Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965]. Дигорское склонение представлено в [Абаев 1949; Исаев 1966].

Описывая «традиционное» представление об осетинской системе склонения, в вопросе о числе падежей я следую за В.И. Абаевым, который говорит о девяти падежах в иронском и восьми – в дигорском. Некоторые исследователи, в частности Н.К. Багаев, выделяют в осетинском также винительный падеж, совпадающий у разных лексем либо с номинативом, либо с генитивом. Однако одна и та же лексема в позиции прямого объекта может стоять как в номинативе, так и в генитиве (см. ниже), что противоречит идее об аккузативе как отдельном падеже. Как будет показано ниже, правила падежного маркирования некоторых местоимений также плохо совместимы с таким подходом. Другие аргументы против включения винительного падежа в осетинскую именную парадигму содержатся в статье [Кулаев 1957].

Х.А. Таказов, напротив, уменьшает число падежей в иронском диалекте до восьми за счет объединения генитива и инэссива [Токазов 1977]. Действительно, у существительных эти падежи имеют одинаковое морфологическое выражение. Однако оно различно у указательных и энклитических местоимений. Таким образом, если принимать анализ Х.А. Таказова, то придется постулировать для существительных и местоимений различные наборы падежных граммем, что приводит к усложнению правил приписывания падежа, которые должны учитывать лексическую категорию управляемой словоформы. В связи с этим я предпочитаю придерживаться анализа, исходящего из единого состава падежей у всех частей речи.

Нерегулярно склонение существительных, находящихся при числительных. В иронском они склоняются по парадигме единственного числа, за исключением номинатива, совпадающего с генитивом; в дигорском для имен при числительных имеется особое «нумеративное» склонение, схожее со склонением указательных местоимений. Отдельные лексемы, например *инна* 'другой' и *карадзе* 'друг друга' (см. ниже), всегда склоняются по этому типу.

Таблица 2

Склонение существительных множественного числа и существительных при числительных

Падеж	множественное число <i>бахта</i> 'кони'		нумеративное склонение <i>фондз бахы/бахи</i> 'пять коней'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	<i>бах-та</i>	<i>бах-та</i>	<i>фондз бах-ы</i>	<i>фондз бах-и</i>
GEN	<i>бах-т-ы</i>	<i>бах-т-и</i>	<i>фондз бах-ы</i>	<i>фондз бах-ей</i>
DAT	<i>бах-т-аен</i>	<i>бах-т-аен</i>	<i>фондз бах-аен</i>	<i>фондз бах-емаен</i>
ALL	<i>бах-т-аэм</i>	<i>бах-т-амаэ</i>	<i>фондз бах-маэ</i>	<i>фондз бах-емаэ</i>
ABL	<i>бах-т-аей</i>	<i>бах-т-аей</i>	<i>фондз бах-аей</i>	<i>фондз бах-емаей</i>
IN	<i>бах-т-ы</i>	<i>бах-т-и</i>	<i>фондз бах-ы</i>	<i>фондз бах-еми</i>
SUPER	<i>бах-т-ыл</i>	<i>бах-т-абал</i>	<i>фондз бах-ыл</i>	<i>фондз бах-ебал</i>
EQU	<i>бах-т-ау</i>	<i>бах-т-ау</i>	<i>фондз бах-ау</i>	<i>фондз бах-ейау</i>
COMIT	<i>бах-т-имаэ</i>	–	<i>фондз бах-имаэ</i>	–

Склонение местоимений менее регулярно. Личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч. склоняются по «принципу двух основ»: формы номинатива и генитива супплетивны, а остальные падежи образуются от формы генитива как от косвенной основы.

Таблица 3

Склонение личных местоимений 1 и 2 лица единственного числа

Падеж	<i>аз</i> 'я'		<i>ды/ду</i> 'ты'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	<i>аз</i>	<i>аз</i>	<i>ды</i>	<i>ду</i>
GEN	<i>маен</i>	<i>маен</i>	<i>дау</i>	<i>дау</i>
DAT	<i>маен-аен</i>	<i>маен-аен</i>	<i>дау-аен</i>	<i>дау-аен</i>
ALL	<i>маен-маэ</i>	<i>маен-маэ</i>	<i>дау-маэ</i>	<i>дау-маэ</i>
ABL	<i>маен-аей</i>	<i>маен-аей</i>	<i>дау-аей</i>	<i>дау-аей</i>
IN	–	–	–	–
SUPER	<i>маен-ыл</i>	<i>маен-бал</i>	<i>дау-ыл</i>	<i>дау-бал</i>
EQU	<i>маен-ау</i>	<i>маен-ау</i>	<i>дау-ау</i>	<i>дау-ау</i>
COMIT	<i>маен-имаэ</i> <i>мемаэ</i>	–	<i>дау-имаэ</i> <i>демаэ</i>	–

Личные местоимения 1 и 2 лица множественного числа склоняются так же, как существительные, за исключением того, что форма генитива у них совпадает с формой номинатива.

Склонение личных местоимений 1 и 2 лица множественного числа

Падеж	мах 'мы'		сымах/сумах 'вы'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	мах	мах	сымах	сумах
GEN	мах	мах	сымах	сумах
DAT	мах-æн	мах-æн	сымах-æн	сумах-æн
ALL	мах-мæ	мах-мæ	сымах-мæ	сумах-мæ
ABL	мах-æй	мах-æй	сымах-æй	сумах-æй
IN	–	–	–	–
SUPER	мах-ыл	мах-бæл	сымах-ыл	сумах-бæл
EQU	мах-ау	мах-ау	сымах-ау	сумах-ау
COMIT	мах-имæ немæ	–	сымах-имæ уемæ	–

Указательные местоимения в обоих диалектах имеют нерегулярные изменения основы в дативе, аблативе и инэссиве. Кроме того, в иронском диалекте у них совпадают формы номинатива и генитива, а в дигорском формы номинатива и генитива указательного местоимения дальнего плана являются супплетивными.

Склонение указательных местоимений единственного числа

Падеж	ай 'этот'		уый 'тот'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	а, ай	а, айæ	уый	йе
GEN	ай	ай	уый	уой
DAT	ам-æн	ам-æн	уым-æн	уом-æн
ALL	а-мæ	а-мæ	уы-мæ	уо-мæ
ABL	ам-æй	ам-æй	уым-æй	уом-æй
IN	ам	ам-и	уым	уом-и
SUPER	а-уыл	а-бæл	у(ы)-уыл	уо-бæл
EQU	а-йау	а-йау	уы-йау	уо-йау
COMIT	а-имæ	–	уы-имæ	–

Множественное число указательных местоимений в иронском образуется нерегулярно, но склоняется регулярным образом, не считая того, что показатель генитива *-ы* факультативен (т. е. генитив может выражаться либо так же, как номинатив, либо самостоятельной формой), см. таблицу 6. В дигорском склонение указательных местоимений во множественном числе нерегулярно и в целом соответствует их склонению в единственном числе в плане противопоставления прямой и косвенной основ, за исключением того, что генитив маркирован показателем *-и* и экватив образуется не от косвенной основы, а от формы генитива.

В иронском употребляются также формы «двойного» множественного числа *адæттæ*, *уыдæттæ*, обладающие ассоциативным значением ('эти / те и им подобные').

Таблица 6

Склонение указательных местоимений множественного числа

Падеж	адон/атæ 'эти'		уыдон/йетæ 'те'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	адон	атæ	уыдон	йетæ
GEN	адон(-ы)	ан-и	уыдон(-ы)	уон-и
DAT	адон-æн	ан-æн	уыдон-æн	уон-æн
ALL	адон-мæ	ан-æмæ	уыдон-мæ	уон-æмæ
ABL	адон-æй	ан-æй	уыдон-æй	уон-æй
IN	адон-ы	ан-æми	уыдон-ы	уон-æми
SUPER	адон-ыл	ан-æбæл	уыдон-ыл	уон-æбæл
EQU	адон-ау	ани-ау	уыдон-ау	уони-ау
COMIT	адон-имæ	–	уыдон-имæ	–

Вопросительные местоимения и производные от них (неопределенные, универсальные, отрицательные) в обоих диалектах имеют форму генитива, отличную как от номинатива, так и от косвенной основы (особенно это заметно в дигорском, где форма генитива содержит гласную *e*, отсутствующую в основах всех падежей, кроме экватива).

Таблица 7

Склонение вопросительных местоимений единственного числа

Падеж	чи/ка 'кто'		цы/ци 'что'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	чи	ка	цы	ци
GEN	кай	ке	цай	цай
DAT	каем-æн	каем-æн	цаем-æн	цаем-æн
ALL	кае-мæ	кае-мæ	цае-мæ	цае-мæ
ABL	каем-æй	каем-æй	цаем-æй	цаем-æй
IN	каем	каем-и	цаем	цаем-и
SUPER	кае-уыл	кае-бæл	цае-уыл	цае-бæл
EQU	кае-йау	ке-йау	цае-йау	цае-йау
COMIT	кае-имæ чемæ	–	цае-имæ	–

Весьма нерегулярно образование форм множественного числа вопросительных местоимений (таблица 8): в отличие от существительных, показатель числа следует за показателем падежа, причем в номинативе имеет форму *-тæ*, а во всех остальных падежах – *-ты/-ти*.

Такой способ образования множественного числа встречается также у некоторых других слов. В частности, так образуются формы мн. ч. наречия *афтæ* 'так', употребляемого также в форме *афтæм-æй* (так-ABL); морфологическая форма мн. ч. от этой падежной формы имеет вид *афтæм-æй-ты* (так-ABL-PL.OBL). Кроме того, в иронском диалекте встречаются формы указательных местоимений, образованные этим способом

Склонение вопросительных местоимений множественного числа

Падеж	читæ/катæ 'кто (мн.ч.)'		цйтæ/цитæ 'что (мн.ч.)'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	чи-тæ	ка-тæ	цы-тæ	ци-тæ
GEN	кæй-ты	ке-ти	цæй-ты	ци-ти цæй-ти
DAT	кæм-æн-ты	кæм-æн-ти	цæм-æн-ты	цæм-æн-ти
ALL	кæ-мæ-ты	кæ-мæ-ти	цæ-мæ-ты	цæ-мæ-ти
ABL	кæм-æй-ты	кæм-æй-ти	цæм-æй-ты	цæм-æй-ти
IN	кæм-ы-ты	кæм-и-ти	цæм-ы-ты	цæм-и-ти
SUPER	кæ-уыл-ты	кæ-бæл-ти	цæ-уыл-ты	цæ-бæл-ти
EQU	кæ-йау-ты	ке-йау-ти ке-ти-ау	цæ-йау-ты	цæ-йау-ти ци-ти-ау
COMIT	кæ-имæ-ты	–	цæ-имæ-ты	–
	чемæ-ты			

(при наличии более употребимых форм мн. ч., образованных от основ *адон*, *уыдон*), например:

- (1) Дыууæ аз-ы фæстæ та мæ фæндаг у-уыл-ты
 два год-GEN после CONTR 1SG.POSS дорога DIST-SUPER-PL.OBL
 уыд...
 быть[PST.INTR.3SG]
 'Два года спустя моя дорога шла через то (же) место...' (ОНК: Мах дуг 10, 2006).
- (2) Æмæ ам-ы-ты раг-æй дæр кæн-ынц харбыз-ы куыст.
 и PROX-IN-PL.OBL давно-ABL ADD делать-PRS.3PL арбуз-GEN работа
 'И в этих местах давно занимаются выращиванием арбуза' (ОНК: Мах дуг 12, 2008).

Употребление этих форм вместо более частотных вариантов связано с особым значением множественного числа. В (1) представлен стандартный для осетинского языка способ выражения пролатива при помощи формы множественного числа в пространственном падеже [Arkhangelsky, Belyaev 2011], в (2) форма *амыты* не имеет множественного референта, а скорее употребляется ассоциативно ('здесь и в окрестности'). В обоих примерах замена представленных форм на регулярные невозможна.

Склонение рефлексивного местоимения (*йæ*)хи / (*æ*)хе (где *йæ/æ* – посессивная проклитика, обозначающая лицо и число контролера) напоминает склонение указательных местоимений с двумя отличиями: отсутствует форма номинатива⁴ и в дативе и аблативе вставляется не /м/, а /ц/. Кроме того, в иронском форма инэссива совпадает с формой генитива, а в дигорском имеет вид (*æ*)хеми, что явно является влиянием склонения указательных и вопросительных местоимений.

⁴ Формы (*йæ*)хæдæг / (*йæ*)хуæдæг, которые в грамматиках обычно называют формами именительного падежа возвратных местоимений, в действительности едва ли можно отнести к той же парадигме, как с морфологической точки зрения, так и с синтаксической: эти формы никогда не функционируют как собственно рефлексивы и употребляются только в значении интенсификатора (ср. русск. *сам* vs. *себя*).

Таблица 9

Склонение рефлексивного местоимения

Падеж	(йæ)хи/(æ)хе 'он сам'	
	ир.	диг.
NOM	–	–
GEN	хи	хе
DAT	хиц-æн	хец-æн
ALL	хи-мæ	хе-мæ
ABL	хиц-æй	хец-æй
IN	хи	хем-и
SUPER	хи-уыл	хе-бæл
EQU	хи-йау	хе-йау
COMIT	хи-имæ	–

Реципрокальное (взаимное) местоимение *кæрæдзи/кæрæдзе* 'друг друга' в иронском склоняется как существительное, а в дигорском – по местоименному типу. Единственной его особенностью является отсутствие формы номинатива и наличие в иронском двух форм генитива – маркированной и немаркированной. Правила употребления этих двух форм будут рассмотрены ниже.

Таблица 10

Склонение реципрокального местоимения

Падеж	кæрæдзи/кæрæдзе 'друг друга'	
	ир.	диг.
NOM	–	–
GEN	кæрæдзи кæрæдзи-йы	кæрæдзе-й
DAT	кæрæдзи-йæн	кæрæдзем-æн
ALL	кæрæдзи-мæ	кæрæдзе-мæ
ABL	кæрæдзи-йæ	кæрæдзем-æй
IN	кæрæдзи-йы	кæрæдзем-и
SUPER	кæрæдзи-йыл	кæрæдзе-бæл
EQU	кæрæдзи-йау	кæрæдзе-йау
COMIT	кæрæдзи-имæ	–

В осетинском также имеется набор энклитических местоимений второй позиции всех лиц и всех падежей, кроме номинатива, экватива и комитатива. Все их формы нерегулярны. Форма генитива энклитических местоимений используется только в тех случаях, когда генитив приписывается на уровне клаузы (как правило, в позиции прямого объекта), т. е. примененной посессор при помощи энклитик не выражается. Некоторые из форм 3 лица имеют два варианта, употребляющиеся после согласных и гласных.

Энклитические местоимения

Падеж	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	ир.	диг.	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	–	–	–	–	–	–
GEN	мæ	мæ	дæ	дæ	æй, йæ	æ(й)
DAT	мын	мин	дын	дин	(й)ын	(й)ин
ALL	мæм	мæмæ	дæм	дæмæ	(й)æм	(й)имæ
ABL	мæ	ми	дæ	ди	дзы	си, дзи
IN	мæ	ми	дæ	ди	дзы	си, дзи
SUPER	мыл	мæбæл	дыл	дæбæл	(й)ыл	ибæл
EQU	–	–	–	–	–	–
COMIT	–	–	–	–	–	–

3. СЛОЖНЫЕ СЛУЧАИ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ

3.1. Групповая флексия

В осетинском языке, как и во многих других языках, обладающих агглютинативной именной морфологией, наблюдается явление так называемой групповой флексии⁵ (впервые описана, по-видимому, в [Lewis 1967], где предложен англоязычный термин «suspended affixation»). Если падеж приписывается некоторой сочинительной ИГ, то он может либо маркировать каждый из конъюнктов, либо маркировать только последний из них. При этом другие словоизменительные показатели, например множественное число, не могут употребляться как групповые аффиксы:

- (3) а. Зауыр(-æн) æмæ Алан-æн
 Заур(-дат) и Алан-дат
 'Зауру и Алану'
 б. æфсымæр æмæ хо-тæ
 брат и сестра-PL
 'брат и сестры', *'братья и сестры'

Необычным образом групповая флексия себя ведет с личными местоимениями 1 и 2 лица: если такие местоимения находятся в позиции непоследнего конъюнкта, то они должны стоять в форме генитива, а не номинатива:

- (4) мæн / *æз æмæ Зауыр-æн
 1SG.GEN 1SG.NOM и Заур-дат
 'мне и Зауру'

⁵ Представляется, что приведенные выше парадигмы достаточно ясно показывают, что падежные показатели в осетинском языке являются аффиксами, а не клитиками. Особо следует обратить внимание на нерегулярности в склонении личных и указательных, а также энклитических местоимений. Подобные нерегулярности в осетинском языке на стыке словоформ не встречаются. Другим аргументом в пользу аффиксального статуса падежей является тот факт, что палатализация конечной согласной основы в иронском мотивирована морфологически: она происходит только перед генитивом и инессивом (-ы), но не перед суперэссивом (-ыл), хотя оба показателя начинаются на одну и ту же гласную фонему *ы*.

Падежный аффикс обязательно должен находиться в конце всей сочинительной группы, т. е. перестановка элементов в (4) неграмматична:

- (5) *Зауыр-æн æмæ мæн
Заур-DAT и я.GEN
(‘Зауру и мне’)

В дигорском диалекте так же ведут себя указательные местоимения единственного и множественного числа:

- (6) Уой / *йе æма Алан-æн сæ хæдзарæ æгæр минкъи
диг. DIST.GEN DIST.NOM и Алан-DAT 3PL.POSS дом очень маленький
æй.
быть.PRS.3SG
(‘Его с Аланом дом очень маленький’).

- (7) Уони / *йе-тæ æма Аланæн сæ хæдзарæ æгæр минкъи æй.
диг. DIST.PL.GEN DIST-PL
(‘Их с Аланом дом очень маленький’).

Это явление нельзя отнести к известному по другим языкам «несбалансированному сочинению» (unbalanced coordination) [Johannessen 1998]. При «несбалансированном сочинении» мы бы ожидали, что, поскольку падеж непоследним конъюнктам приписывается самой сочинительной конструкцией (или каким-то образом недоступен для внешнего приписывания падежа), подобные парадоксы будут присутствовать и в том случае, если вся сочиненная составляющая стоит в номинативе (ср. англ. *She and him will drive to the movies* [Johannessen 1998: 16]). В осетинском такого не наблюдается:

- (8) æз / *мæн æмæ Зауыр
1SG.NOM 1SG.GEN и Заур
(‘я и Заур’)

Таким образом, это явление в осетинском языке связано именно с приписыванием косвенного падежа всей сочинительной группе и распределением маркируемых признаков по конъюнктам.

Аналогичным образом ведут себя рефлексивные местоимения, у которых форма номинатива вообще отсутствует:

- (9) Уый та сæ-хи æмæ Хуыцау-æй дарддæр ни-чи зон-ы.
DIST CONTR 3SG.POSS-REFL и Бог-ABL кроме NEG-кто знать.PRS.3SG
(‘А этого никто не знает, кроме него и Бога’ (Б.М. Гусалов. И воздастся каждому)).

При числительных, напротив, всегда используется форма аднумеративного «генитива» (реально в дигорском выполняющая функцию номинатива, а в иронском – как генитива, так и номинатива):

- (10) Чи мæ с-уазæг кæн-дзæн фондз туман-ы / *туман
кто.NOM 1SG.ENCL.GEN PV-гость делать-FUT[3SG] пять червонец-GEN червонец
æмæ æхсæз сом-имæ?
и шесть рубль-сомит
(‘Кто меня примет с пятью червонцами и шестью рублями?’ (Мах дуг 6, 2007)

- (11) Дууæ горæт-и / *горæт /*горæт-е-й æма æртæ гъæу-ем-и цирагъ
диг. два город-GEN город город-NUM-GEN и три село-NUM-IN свет
ни-ххусс-ун код-т-онцæ.
PV-спать-INF делать-TR-PST.3PL
(‘В двух городах и в трех селах отключили электричество’).

Другие имена при групповой флексии стоят в форме номинатива. Исключение составляют вопросительные слова и производные от них местоимения, которые вообще не могут участвовать в групповой флексии:

- (12) кæм-æй / *кæй / *чи æмæ цæм-æй?
 КТО-ABL КТО.GEN КТО.NOM и ЧТО-ABL
 'от кого и от чего [ты убежал?]'
- (13) ал-кæм-æн / *ал-кæй / *ал-чи æмæ ал-цæм-æн?
 UNIV-КТО-DAT UNIV-КТО.GEN UNIV-КТО.NOM и UNIV-ЧТО-DAT
 'всем и всему'

Ранее предлагалось анализировать примеры, подобные (4), как «эллипсис на уровне морфологии» [Erschler 2012], т. е. постсинтаксическое удаление падежных аффиксов со всех сочиненных составляющих, кроме последней. Такой анализ не является оптимальным по двум причинам. Во-первых, не всегда чистая основа, к которой присоединяется падеж, может служить первым конъюнктом в сочинительной конструкции. Например, *уым* формально является как формой инэссива местоимения *уый*, так и косвенной основой для формы датива *уымæн*, однако в групповой флексии фигурировать не может:

- (14) уый / *уым æмæ Зауыр-æн
 DIST DIST.IN и Заур-DAT
 'ему и Зауру'

Во-вторых, не всегда первый конъюнкт является основой, к которой присоединяется групповой падежный показатель. Это видно из (6)–(7) и (10)–(11). И если примеры (6)–(7) можно было бы объяснить действием особых морфонологических правил, применимых именно к данным местоимениям (что само по себе, впрочем, нежелательно, тем более что для демонстративов и рефлексива эти правила окажутся различными), то едва ли в примерах (10)–(11) можно говорить о том, что после «эллипсиса» падежных показателей, соответственно *-имæ* в иронском и *-еми* в дигорском, на их месте возникает показатель генитива *-ы/-и*, в нормальном случае у существительных при групповой флексии недопустимый.

Кроме того, вызывает вопрос сама целесообразность постулирования постсинтаксического правила, имеющего доступ к морфологической структуре слов, при этом не подчиняющегося обычным правилам эллипсиса (так, допускается только эллипсис предшествующих показателей, тогда как обычно эллипсису подвергаются составляющие, линейно следующие за сохраняемой). Такое правило было бы более оправданным, если бы проявлялось в разных местах осетинской грамматики; однако никаких примеров «морфологического эллипсиса» за пределами падежной флексии обнаружить не удастся.

Таким образом, падежное маркирование при групповой флексии в осетинском языке пока что не нашло удовлетворительного объяснения.

3.2. Предлог *æнаæ*

В осетинском языке имеется всего один широко употребительный предлог – *æнаæ* 'без'⁶. Этот предлог может управлять аблативом, номинативом и генитивом. При этом

⁶ Анонимный рецензент указывает, что в осетинском языке имеется еще один предлог, – *æд* 'с'. Действительно, традиционно этот показатель принято относить к предлогам, однако имеются факты, заставляющие усомниться в таком подходе. Во-первых, в отличие от *æнаæ*, *æд* не может оформлять составляющие: ср. *æдсауджын* 'со священником' (из ОНК), но **æдхорз сауджын* (предполагаемый перевод: 'с хорошим священником'). Во-вторых, продуктивность *æд* в современном языке ограничена: он в основном используется в лексикализованных контекстах, его употребление с произвольными именами невозможно. Показательно, что приведенный выше пример *æдсауджын* взят из сборника пословиц, т. е. заведомо относится к архаичному варианту языка. В-третьих, *æд* несовместим с местоимениями: **æд-мæн*, **æд-æз* ('со мной'), **æд-ды*, **æд-дау* ('с тобой'). Представляется, что показатель *æд* в осетинском языке правильнее считать не предлогом, а префиксом. Впрочем, даже если считать *æд* предлогом, это никак не влияет на предложенный анализ, т. к. этот показатель никогда не приписывает косвенных падежей.

аблатив приписывается зависимым любых типов (15), тогда как номинатив и генитив распределены следующим образом: номинатив приписывается существительным (16а), а генитив – личным местоимениям первого и второго лица единственного числа (16б).

- (15) а.

æнæ	Зауыр-æй
без	Заур-ABL
'без Заура'	

 б.

æнæ	мæн-æй
без	я-ABL
'без меня'	
- (16) а.

æнæ	Зауыр / *Зауыр-ы
без	Заур Заур-GEN
'без Заура'	

 б.

æнæ	мæн / *æз
без	я.GEN я.NOM
'без меня'	

В дигорском диалекте генитив также может приписываться местоимениям 3 лица:

- (17)

Æнæ	уони	Таухуæрæн-и	фийау-т-æн	æхсæвæ	нæ	
диг.	без	DIST.PL.GEN	осенняя_пастьба-GEN	пастух-PL-DAT	ночь	NEG
феда-уй...						
приличествовать-PRS.3SG						
'Без них пастухам осеннего пастбища ночевать не положено' (Т.У. Бесаев. Родник жизни. Владикавказ, 2002).						

Таким образом, распределение номинатива и генитива у зависимых предлога *æнæ* полностью совпадает с соответствующим распределением при групповой флексии. Этот факт едва ли можно считать случайным, но в рамках традиционного подхода к осетинской падежной системе он не находит объяснения, если только не считать, что правила приписывания падежа предлогом различны в зависимости от управляемой лексемы.

3.3 Маркирование прямого объекта

В осетинском языке прямой объект может маркироваться либо номинативом, либо генитивом. Основной фактор, влияющий на выбор показателя, – одушевленность. Существительные, обозначающие людей, маркируются генитивом, за исключением нереперферентных употреблений [Выдрин 2013], неодушевленные же существительные всегда маркируются номинативом:

- (18) а.

Æз	фед-т-он	иу	лæдж-ы /	*лæг.
1SG.NOM	видеть.PFV-TR-PST.1SG	один	человек-GEN	человек
'Я видел одного человека'.				

 б.

Лæг	а-мæрд-т-ой	æмæ	а-лыгъд-ысты	Дыгур-æй.
человек	PV-убить-TR-PST.3PL	и	PV-бежать-PST.INTR.3PL	дигорцы-ABL
'Они убили человека и переселились из дигорских районов' (ОНК, пример из [Выдрин 2013]).				

 в.

Æз	фед-т-он	стъл /	*стъл-ы.
1SG.NOM	видеть.PFV-TR-PST.1SG	стол	стол-GEN
'Я видел стол'.			

С именами, обозначающими животных, возможны оба варианта маркирования, и выбор между ними определяется иными факторами, которые не представляют интереса в рамках настоящей статьи.

Если в позиции прямого объекта находится личное или указательное местоимение, то оно маркируется генитивом вне зависимости от одушевленности. В иронском

диалекте это не очень заметно, поскольку употребление генитива с местоимениями 1 и 2 лица можно объяснить одушевленностью их референтов, а указательные местоимения не различают номинатив и генитив. Однако это видно по употреблению клитик: при том что номинативная клитика в осетинском языке отсутствует, генитивная клитика используется для маркирования любых прямых объектов, вне зависимости от одушевленности:

- (19) – Фед-т-ай мæ ног стьол?
 видеть.PFV-TR-PST.2SG 1SG.POSS новый стол
 – О, æз æй фед-т-он.
 да 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN видеть.PFV-TR-PST.1SG
 ‘Ты видел мой новый стол (NOM)? – Да, я его (GEN) видел’.

В дигорском диалекте указательные местоимения противопоставляют номинатив и генитив, и в позиции прямого объекта употребляется именно генитив:

- (20) ...евгъуд анз-и нæ газет-и ни-ммухур код-т-ан, нæ зундгонд
 диг. прошлый год-IN 1PL.POSS газета-IN PV-печатать делать-TR-PST.1PL 1PL.POSS известный
 ахургонд Гардан-т-и Михаи 1901–1903 æнз-т-и ци къæлиндар
 ученый Гарданов-PL-GEN Михаил год-PL-IN что календарь
 ис-арæз-т-а, уой.
 PV-строить-TR-PST.3SG DIST.GEN
 ‘...в прошлом году мы напечатали в нашей газете тот календарь, который наш известный ученый Михаил Гарданов составил в 1901–1903 гг.’ (Дигорæ № 2, 2006, «Бæрæгбон æгъдауæй фæдауй»).

Таким образом, для личных и указательных местоимений требуются другие правила приписывания падежа в позиции прямого объекта, чем для существительных. Если существительные в этой позиции могут использоваться как в форме номинатива, так и в форме генитива, то личные и указательные местоимения могут использоваться только в форме генитива; тем самым у местоимений функции номинатива ограничиваются маркированием подлежащего.

3.4. Маркирование посессора: местоимение *кæрæдзи*

Поведение реципрокального местоимения *кæрæдзи* ‘друг друга’ в иронском диалекте в отношении падежного маркирования практически полностью противоположно поведению личных местоимений. Оно не может употребляться в субъектной позиции, однако имеет две формы, относимые к генитиву: немаркированную *кæрæдзи* и маркированную *кæрæдзи-йы*. Они не находятся в свободной дистрибуции: первая употребляется только при маркировании прямого объекта, вторая же, помимо прямого объекта, может также обозначать приименной посессор:

- (21) а. Заур æмæ Залина кæрæдзи / кæрæдзи-йы уарз-ынц.
 Заур и Залина RECP RECP-GEN любить-PRS.3PL
 ‘Заур и Залина любят друг друга’.
 б. Кæрæдзи-йы / *кæрæдзи къух-тæ ра-йст-ой ...
 RECP-GEN RECP рука-PL PV-взять-PST.TR.3PL
 ‘(Они) взяли друг друга за руки (букв. «взяли руки друг друга») ...’ (Мах дуг 7, 2006)

Таким образом, у местоимения *кæрæдзи* имеется специализированная форма, употребляемая только в позиции прямого объекта, что несовместимо с традиционным анализом осетинской падежной системы.

Подытожим употребление падежей в четырех рассмотренных конструкциях в следующей таблице (частично ссылающейся на данные, которые будут представлены ниже):

Употребление падежных форм в вышеописанных конструкциях

	сущ.	мест. ⁷	вопр.	<i>карадзи</i>	энклитики
групповая флексия	NOM *GEN	*NOM GEN	*NOM *GEN	? ⁸	n/a
объект <i>ænaæ</i>	NOM *GEN ABL	*NOM GEN ABL	*NOM *GEN ABL	OBL ⁹ *GEN ABL	n/a
посессор	GEN	GEN	GEN	GEN	n/a
прямое дополнение	NOM GEN	*NOM GEN	NOM ¹⁰ GEN	OBL GEN	(*NOM) GEN

Как видно из таблицы, при традиционном описании осетинской падежной системы неизбежно постулирование различных правил употребления падежей для разных зависимых лексем. Возможен, однако, альтернативный подход, при котором эти различия следуют из различий в структуре парадигм этих единиц.

4. АНАЛИЗ

Я предлагаю считать, что традиционная категория падежа в осетинском языке в действительности состоит из двух категорий, которые можно назвать «морфологический падеж» (МП) и «групповой падеж» (ГП). Первая имеет только два значения: ректус (DIR) и обликвус (OBL). Вторая обладает значениями всех традиционно выделяемых падежных граммем, кроме номинатива. Наличие ГП требует, чтобы МП имел значение [OBL]¹¹:

Разложение падежей на две категории

	МП	ГП
NOM	DIR	_12
GEN	OBL	GEN
DAT	OBL	DAT
...		

⁷ Местоимения 1 и 2 л. ед. ч. в обоих диалектах, а также 3 л. ед. и мн. ч. в дигорском диалекте.

⁸ Примеры, в которых реципрокальное местоимение употреблялось бы при групповой флексии, малопривлекательны, скорее всего, по прагматическим причинам.

⁹ Подразумевается немаркированная форма *карадзи*, считать которую номинативом не позволяет ее функция (маркирование прямого дополнения, но не подлежащего).

¹⁰ Анализ форм вопросительных местоимений в функции прямого объекта неясен. На первый взгляд, употребление *цы* 'что' и *кай* 'кто.GEN' в этой функции соответствует распределению номинатива и генитива у существительных в соответствии с одушевленностью. Однако *кай* может также употребляться в относительных предложениях в функции **неодушевленного** прямого дополнения [Беляев 2014]. В связи с этим для вопросительных местоимений следует, возможно, говорить не о номинативе и генитиве, а о специальных объектных формах.

¹¹ Единичные падежные значения указываются в квадратных скобках, пары «МП – ГП» – в угловых.

¹² Я условно обозначаю длинным тире отсутствие признака как такового, а символом пустого множества (∅) – немаркированность словоформы по этому признаку.

Формально два вида падежа отличаются тем, что первый присваивается отдельным словам, а второй – целым составляющим. Поскольку сочинительная конструкция представляет собой именную группу, состоящую из нескольких других именных групп, то ГП может маркировать как отдельные группы «нижнего уровня», так и всю сочинительную группу:

- (22) а. $[_{NP} [_{NP} N.OBL]-ГП \text{ æмæ } [_{NP} N.OBL]-ГП]$
 б. $[_{NP} [_{NP} N.OBL] \text{ æмæ } [_{NP} N.OBL]]-ГП$

В конструкциях с групповой флексией существительные и местоимения могут участвовать постольку, поскольку не полностью специфицированы по МП и ГП. Так, парадигма существительных имеет следующую структуру:

Таблица 14

Структура именной парадигмы

	ед. ч.	МП	ГП	мн. ч.	МП	ГП
NOM	<i>хæдзар</i>	∅	∅	<i>хæдзар-ттæ</i>	∅	∅
GEN	<i>хæдзар-ы</i>	OBL	GEN	<i>хæдзар-тт-ы</i>	OBL	GEN
DAT	<i>хæдзар-æн</i>	OBL	DAT	<i>хæдзар-тт-æн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>хæдзар-мæ</i>	OBL	ALL	<i>хæдзар-тт-æм</i>	OBL	ALL
		

То есть форма «номинатива» *хæдзар* вообще не специфицирована по падежу, тогда как остальные формы в парадигме полностью специфицированы как по МП, так и по ГП. Субъектная позиция требует МП, равный [DIR]; возможность употребления словоформы *хæдзар* обеспечивается применением так называемого принципа Панини (elsewhere principle, [Anderson 1969]), который состоит в том, что для удовлетворения некоторого синтаксического условия всегда выбирается та форма в парадигме, которая в наибольшей степени соответствует этому условию. В парадигме слова *хæдзар* нет специализированной формы для прямого падежа, поэтому выбирается немаркированная форма как единственная не противоречащая спецификации <DIR; —>.

Неспецифицированность формы *хæдзар* обеспечивает то, что она может употребляться при групповой флексии: ведь, как видно из схемы (22б), первый конъюнкт не может иметь ГП и должен иметь МП, равный [OBL]. В соответствии с тем же принципом максимальной спецификации немаркированная словоформа в данном контексте допустима. Если бы номинатив существительных был полностью маркирован по падежу, он не мог бы участвовать в групповой флексии, так как его спецификация противоречила бы условию маркирования составляющей косвенным падежом.

Иначе устроена парадигма личных местоимений: они обладают маркированным номинативом, форма же «генитива» в действительности является немаркированным обликвусом, который употребляется в качестве родительного падежа только по причине отсутствия в парадигме специализированной формы:

Таблица 15

Структура парадигмы местоимения *æз* 'я'

		МП	ГП
NOM	<i>æз</i>	DIR	—
GEN	<i>мæн</i>	OBL	∅
DAT	<i>мæн-æн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>мæн-мæ</i>	OBL	ALL
	...		

Это объясняет то, почему форма *æз* используется только в позиции субъекта, но не при групповой флексии, и то, почему *мæн* используется при групповой флексии: если бы это была полностью специфицированная форма генитива, она вела бы себя, как генитив существительного, т. е. могла бы употребляться только в синтаксических контекстах, требующих именно родительного падежа.

Парадигма рефлексивных местоимений имеет ту же структуру, что и парадигма личных местоимений, однако не содержит формы номинатива.

Таблица 16

Структура парадигмы рефлексивного местоимения

		МП	ГП
NOM	–		
GEN	<i>хи/хе</i>	OBL	Ø
DAT	<i>хиц-æн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>хи-мæ</i>	OBL	ALL
...			

Указательные местоимения в дигорском диалекте устроены так же, как личные. В иронском же форма *уый* 'тот' не специфицирована по падежу, так же как номинатив существительных; однако, поскольку специализированной формы генитива в парадигме нет, эта форма обслуживает как номинатив, так и родительный падеж.

Таблица 17

Структура парадигмы указательного местоимения *уый* 'тот'

	ир.	МП	ГП	диг.	МП	ГП
NOM	<i>уый</i>	Ø	Ø	<i>йе</i>	DIR	–
GEN				<i>уой</i>	OBL	Ø
DAT	<i>уым-æн</i>	OBL	DAT	<i>уом-æн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>уы-мæ</i>	OBL	ALL	<i>уо-мæ</i>	OBL	ALL
...						

Вопросительные местоимения и производные от них не могут участвовать в групповой флексии, поскольку все их формы специфицированы как по МП, так и по ГП:

Таблица 18

Структура парадигмы вопросительного местоимения *чи/ка* 'кто'

		МП	ГП
NOM	<i>чи/ка</i>	DIR	–
GEN	<i>кæй/ке</i>	OBL	GEN
DAT	<i>кæм-æн</i>	OBL	dat
ALL	<i>кæ-мæ</i>	OBL	ALL
...			

Что касается групповой флексии при существительных, употребляемых с числительными, то наиболее адекватным решением будет считать, что как в иронском, так и

в дигорском форма «генитива», замещающая номинатив при числительных, совпадает с собственно родительным падежом чисто формально, тогда как в действительности является специализированной аднумеративной формой, не маркированной по падежу. Различие между диалектами состоит в том, что в дигорском особые аднумеративные формы имеются и для всех остальных падежей, тогда как в иронском для косвенных падежей используются обычные формы единственного числа (в том числе и форма генитива, так что при числительных номинатив и генитив совпадают). См. парадигму слова *бæх* 'лошадь' в таких сочетаниях, как *фондз бæх-ы* (пять лошадь-GEN) 'пять лошадей':

Таблица 19

Структура парадигмы существительного при числительном

	ир.	МП	ГП	диг.	МП	ГП
NOM	<i>бæх-ы</i>	∅	∅	<i>бæх-и</i>	∅	∅
GEN	<i>бæх-ы</i>	OBL	GEN	<i>бæх-ей</i>	OBL	GEN
DAT	<i>бæх-æн</i>	OBL	DAT	<i>бæх-емæн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>бæх-мæ</i>	OBL	ALL	<i>бæх-емæ</i>	OBL	all
...						

Такой анализ позволяет избежать сложных правил приписывания генитива числительным и его «вытеснения» другими косвенными падежами в случае их наличия. Независимые доводы в пользу подобного решения мне неизвестны, тогда как постулирование особого «нумеративного» склонения в любом случае необходимо для дигорского диалекта, где особые формы имеют все падежи. Дополнительным аргументом в пользу такого анализа является также тот факт, что «генитив» при числительных может свободно сочиняться с номинативом, тогда как обычно конфликты падежей при сочинении в осетинском не допускаются:

- (23) Цыппар хо-йы æмæ иунæг æфсымæр уыд-ыстæм.
 четыре сестра-GEN и единственный брат быть-PST.INTR.1PL
 'Нас было четыре сестры и один брат' (Мах дуг 12, 2006).

Двухуровневый анализ осетинской падежной системы также позволяет описать поведение предлога *æнæ*: достаточно считать, что он приписывает не родительный / именительный падежи, а падеж (OBL; →). Тогда совершенно естественно, что у существительных и личных местоимений выбираются, соответственно, формы «номинатива» и «генитива» как единственные в парадигме, удовлетворяющие именно этому условию.

Такой анализ предлога *æнæ* предсказывает, что вопросительные местоимения и производные от них слова, все формы которых полностью специфицированы как по МП, так и по ГП, не могут употребляться с этим предлогом ни в номинативе, ни в генитиве, так как для этого в парадигме должны быть формы, не обладающие ГП. Это предсказание выполняется:

- (24) *æнæ* *чи / *кæй / кæм-æй
 без кто.NOM кто.GEN кто-ABL
 'без кого'

Кроме того, в пользу данного анализа говорит то, что в качестве зависимого предлога *æнæ* может употребляться сочиненная группа, состоящая из местоимения в генитиве и существительного в номинативе (25а), тогда как сочетать таким же образом аблатив и номинатив нельзя (25б). То есть с синтаксической точки зрения в (25а) обоим конъюнктам приписывается один и тот же падеж.

- (25) а. *әнаә* *мәән* *әмәә* Зауыр
 без 1SG.GEN и Заур
 б. **әнаә* *мәән-әй* *әмәә* Зауыр
 без 1SG-ABL и Заур
 'без меня и Заура'

Что касается маркирования прямого объекта, то я предлагаю считать, что выбор падежа производится не между номинативом и генитивом, как принято полагать, а между немаркированным обликвусом <OBL; —> и генитивом <OBL; GEN>. У существительных этому противопоставлению соответствуют формы «номинатива» и генитива, у личных местоимений же и у указательных местоимений в дигорском диалекте обеим спецификациям соответствует форма «генитива». Энклитики не имеют ни формы номинатива, ни формы собственно генитива, а только форму обликвуса <OBL; —>, что и позволяет этой форме употребляться для маркирования как одушевленных, так и неодушевленных прямых объектов.

Наличие двух форм «генитива» и отсутствие формы номинатива в парадигме местоимения *караәдзи* 'друг друга' в иронском диалекте объясняется тем, что одна из этих форм является собственно генитивом, а другая – немаркированным обликвусом. Именно поэтому только первая (с показателем *-(й)ы*) может употребляться для маркирования приименного посессора¹³.

		МП	ГП
NOM	—		
GEN	<i>караәдзи</i>	OBL	Ø
	<i>караәдзи-йы</i>	OBL	GEN
DAT	<i>караәдзи-йәән</i>	OBL	DAT
ALL	<i>караәдзи-мәә</i>	OBL	ALL
...			

Этот анализ подтверждается тем, что с предлогом *әнаә* может употребляться только форма *караәдзи* или аблатив, но не *караәдзийы* (*әнаә караәдзи* (OBL) / *караәдзи-йә* (ABL) / **караәдзи-йы* (GEN) 'друг без друга'), что следует из того, что предлог *әнаә* приписывает обликвус или аблатив, но не генитив и не номинатив.

Предложенное здесь разложение падежной системы на две подкатегории позволяет, таким образом, объяснить сразу несколько на первый взгляд независимых проблемных случаев приписывания падежа. Уже поэтому его следует предпочесть анализам, дающим непротиворечивое объяснение только части этих случаев.

Следует заметить, что в целом МП и ГП различаются не только на синтаксическом уровне, но и с точки зрения формального выражения: МП практически всегда выражается чистой основой имени / местоимения, тогда как в формах, маркированных по ГП, всегда присутствует падежный суффикс. Исключением является только идентичный генитиву единственного числа номинатив нумеративного склонения¹⁴. Эта корреляция является закономерной, ведь ГП является групповым аффиксом, а МП относится непосредственно к морфосинтаксическому слову, т. е. МП и синтаксически, и морфологически выражается ближе к именной вершине.

¹³ Неясно, однако, почему *караәдзи* может использоваться для прямого объекта, несмотря на то что он в данном случае чаще всего является одушевленным. Возможно, это связано с тем, что реципрокальное местоимение не имеет конкретного референта, относится сразу к двум участникам и поэтому необязательно воспринимается как одушевленное.

¹⁴ Скорее всего, первоначально в нумеративных группах вершиной было числительное, приписывающее генитив существительному. Впоследствии в иронском произошло аналогическое выравнивание склонения приименных существительных и обычного склонения существительных, а в дигорском развилось особое нумеративное склонение, в результате чего форма генитива была переосмыслена как форма «немаркированного номинатива».

5. ФОРМАЛИЗАЦИЯ

В этом разделе будет предложена формализация описанного выше анализа в терминах лексико-функциональной грамматики с использованием совместного выражения нескольких вершин, а также сопоставление этой формализации с двумя альтернативными подходами: классическим лексикализмом и распределенной морфологией.

5.1. Лексико-функциональная грамматика и совместное выражение нескольких вершин

Лексико-функциональная грамматика (ЛФГ) является формальной, лексикалистской, нетрансформационной теорией языка. Центральным постулатом ЛФГ служит противопоставление двух параллельных уровней языковой структуры – структуры составляющих (с-структуры) и функциональной структуры (f-структуры). Структура составляющих в ЛФГ отвечает исключительно за порядок слов и иерархическую организацию элементов высказывания. Синтаксические роли (подлежащее, прямое дополнение...), дискурсивные функции (топик, фокус) и грамматические категории слов относятся к f-структуре. Грамматика языка сводится к набору правил, задающих возможные с-структуры и принципы соответствия между ними и f-структурами¹⁵. Основные сведения о формализме ЛФГ содержатся в работах [Dalrymple 2001; Bresnan 2001; Falk 2001]. На русском языке краткие обзоры ЛФГ содержатся в [Казенин 2002; Беляев 2012; Беляев 2014].

ЛФГ выбрана мною в качестве формализма потому, что эта модель представляется по своим основным принципам наиболее близкой современной «типологически ориентированной» традиции описания языков. Иначе говоря, в ней формализуются те синтаксические понятия, которыми на практике пользуются большинство современных типологов и описательных лингвистов, но которые обычно не получают строгих определений: непосредственные составляющие, грамматические отношения (подлежащее, прямое дополнение) и проч. Использование ЛФГ, таким образом, позволяет достичь формальной строгости описания, не жертвуя при этом языковыми данными и не встраивая их в «прокрустово ложе» абстрактных концепций, не имеющих адекватного эмпирического подтверждения. Формализация для автора данной статьи – не самоцель, а метод, позволяющий в строгом и непротиворечивом виде формулировать конкретные языковые обобщения, сопоставимые с аналогичными обобщениями для других языков¹⁶, а также с выводами, полученными в функционально-типологических работах. Только после накопления подобных формальных анализов конкретных языков можно надеяться на создание общей лингвистической теории, ограничивающей и объясняющей языковое разнообразие.

Одним из центральных постулатов ЛФГ принято считать принцип лексикализма. Этот принцип в формулировке Дж. Бреснан [Bresnan 2001: 92] гласит:

Терминальными узлами дерева с-структуры являются морфологически полноценные слова, и каждое слово относится только к одному узлу дерева.

В такой формулировке этому принципу, однако, противоречат некоторые конструкции во многих языках мира: например, удинские эндоклитики [Harris 2002; Ганенков и др. 2012] и групповые аффиксы в агглютинативных языках. Чтобы объяснить такого рода случаи, М. Уэскоутом [Wescoat 2002; 2005] была предложена модификация формализма ЛФГ, которая позволяет одному слову соответствовать сразу нескольким синтаксическим узлам.

¹⁵ В современных работах по ЛФГ используется большее число параллельных структур: например, семантическая (s-структура), морфосинтаксическая (m-структура), информационная (i-структура) и др. Для данной статьи, однако, достаточно будет базовой архитектуры ЛФГ, состоящей из с- и f-структур, а также дополнительной l-структуры, о которой будет сказано ниже.

¹⁶ Причем необязательно выполненными в рамках того же формализма. Например, понятию передвижения в ЛФГ часто соответствует нахождение одной f-структуры в двух синтаксических позициях (structure sharing).

Суть данной концепции состоит в том, чтобы разделить уровень иерархической организации и линейного порядка составляющих и терминальных узлов (собственно с-структуру) и уровень, на котором задается линейный порядок слов (l-структура). Терминальным узлам с-структуры ставятся в соответствие элементы l-структуры путем функции $\lambda(x)$. Эта функция позволяет двум терминальным узлам дерева соответствовать одному слову в линейной структуре:

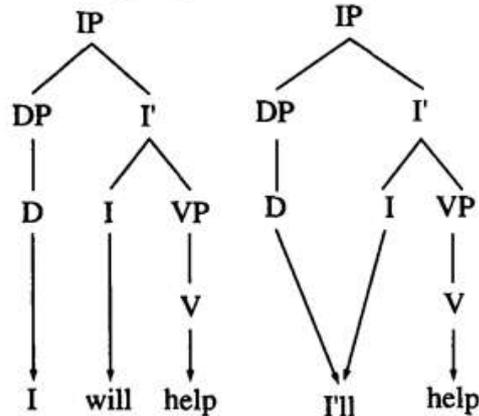

Рис. 1. Полный и краткий варианты вспомогательного глагола в английском языке

Конечно, возможности «неканонического» соответствия между с- и l-структурами должны быть ограничены. Недопустимой должна быть смена порядка узлов, т. е. непроективность:

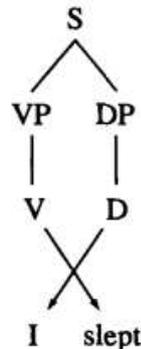

Рис. 2. Недопустимое соответствие слов вершинам

Для того чтобы исключить такого рода структуры, М. Уэскоут предлагает **аксиому сохранения порядка** (order preservation axiom):

Для любых терминальных узлов X и Y, если $\lambda(X)$ предшествует $\lambda(Y)$, то X предшествует Y.

Из этой аксиомы в сочетании с общими принципам организации с-структуры, как указывает М. Уэскоут, следует **теорема гомоморфического лексикализма** (homomorphic lexical integrity theorem): только последовательности соседних узлов могут иметь общее словесное выражение. Из этой теоремы следует вывод, что групповые аффиксы обязательно должны находиться с краю составляющей, к которой они присоединяются, причем с той стороны, где находится управляющая вершина. Так, предлагается считать, что слово, маркированное английским посессивным показателем 's, соответствует двум вершинам: N посессора и D обладаемого. Из этого следует, почему первая фраза грамматична, а вторая – нет:

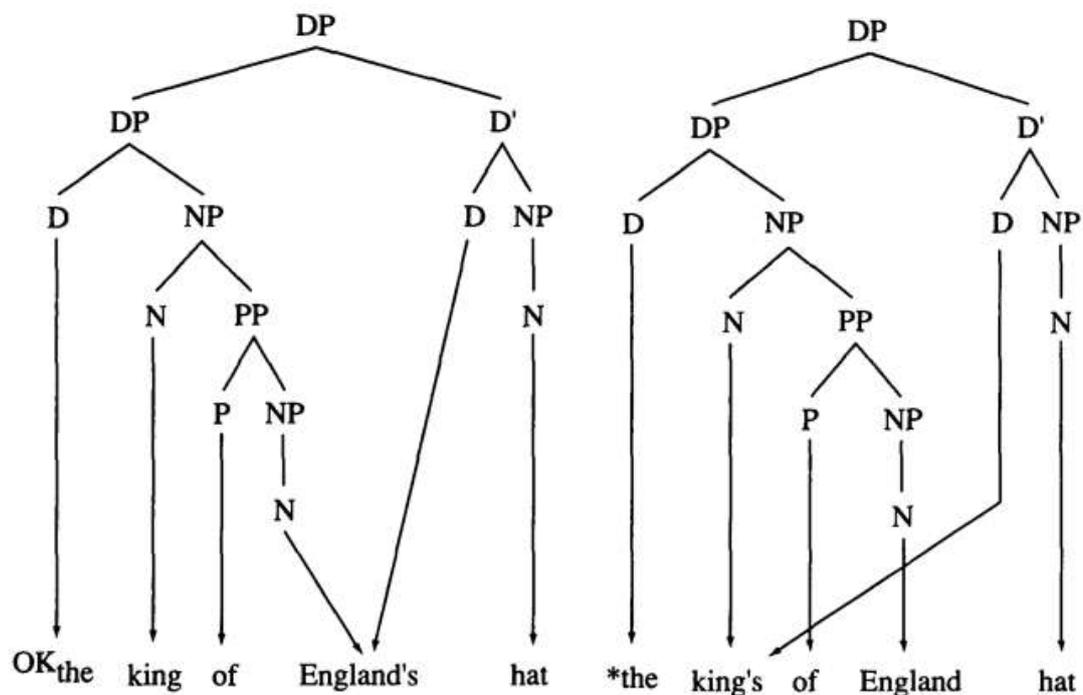

Рис. 3. С-структура именных групп с «саксонским генитивом» в английском языке

Для описания с-структур используются обычные правила контекстно-свободной грамматики (26). Для описания соответствий между с- и l-структурами применяются лексические дефиниции, в которых слева находится слово, а справа – вершины, которые оно заполняет (27).

(26) $DP \rightarrow D' NP$

- (27) a. $I \leftarrow D$
 b. $will \leftarrow I$
 c. $I'll \leftarrow D I$

Для интеграции этой концепции в систему ЛФГ достаточно считать, что соотношение f ставит f -структуру в соответствие не только с-структуре, но также и l-структуре. Кроме того, удобно ввести новую метапеременную $\Downarrow \equiv \varphi(\lambda(*))$, т. е. обозначающую f -структуру слова, соответствующего данному терминальному узлу. Тогда дефиниции для «сложного» слова $I'll$ и «простого» $will$ будут иметь следующий вид:

- (28) $I'll \leftarrow$

D	I
(\downarrow PRED) = 'PRO'	(\downarrow TNS) = FUT
$\Downarrow = \downarrow$	(\downarrow SUBJ) = \downarrow
- (29) $will \leftarrow$

I
(\downarrow TNS) = FUT

В целом этот подход представляет собой некоторое отступление от принципов лексикализма, но не столь существенное, как может показаться. Действительно, основной тезис лексикализма – что слова полностью формируются вне синтаксиса и синтаксис не может апеллировать к их частям – продолжает действовать. Единственная инновация состоит в том, что отношение между словами и терминальными узлами дерева составляющих, прежде бывшее изоморфизмом, теперь является гомоморфизмом (т. е. сохраняется отношение порядка, но соответствие не является взаимно-однозначным). Это гораздо менее радикальное отступление от «сильного» варианта лексика-

лизма, чем такие теории, как распределенная морфология. При этом следует заметить, что немаркированной все равно является ситуация, когда одному терминальному узлу соответствует одно слово¹⁷.

Механизм, предложенный М. Уэскоутом, был использован для описания групповой флексии в турецком в работе [Broadwell 2008]. Формализация анализа групповой флексии в осетинском языке в целом основана на этом исследовании.

5.2. Разложение падежных граммем

5.2.1. Правила и спецификации

Я предлагаю считать, что в осетинском языке имеется проекция CaseP, доминирующая над собственно именной группой (NP или DP, в зависимости от анализа). То, что выше названо МП и ГП, является признаками mCASE и eCASE в f-структуре. При этом МП выражается в узлах N и Case, а ГП – только в узле Case. Правило для CaseP такое же, как для других функциональных проекций:

(30) CaseP → NP Case
 $\uparrow=\downarrow$ $\uparrow=\downarrow$

Слова, обладающие только МП или вовсе не маркированные по падежу, занимают вершину N:

(31) *мæн* ← N
 (↓ PRED) = 'PRO'
 (↓ PERS) = 1
 (↓ NUM) = SG
 (↓ mCASE) = OBL
 $\downarrow = \downarrow$

Слова, полностью маркированные по падежу, занимают сразу вершины N и Case:

(32) *Зауырæн* ← N Case
 (↓ PRED) = 'Заур'
 (↓ PERS) = 3
 (↓ NUM) = SG
 $\downarrow = \downarrow$
 (↓ mCASE) = OBL
 (↓ eCASE) = DAT

(33) *мæнæн* ← N Case
 (↓ PRED) = 'PRO'
 (↓ PERS) = 1
 (↓ NUM) = SG
 (↓ mCASE) = OBL
 $\downarrow = \downarrow$
 (↓ mCASE) = OBL
 (↓ eCASE) = DAT

Здесь требуется пояснить, почему признак mCASE иногда выражается вершиной N, иногда – вершиной Case, а иногда – обеими вершинами. Первое нужно для того, чтобы немаркированные формы типа *мæн* могли использоваться в различных синтаксических контекстах, в том числе при групповой флексии. Второе описывает тот факт, что наличие eCASE всегда предполагает mCASE, равный OBL; ниже будет показано, как наличие такой спецификации помогает описать групповую флексию. В третьем случае двойное выражение mCASE в принципе избыточно, но удобно для более последовательного представления морфолого-синтаксического интерфейса (см. ниже).

Наконец, необходимо показать, каким образом не полностью специфицированные формы вроде (31) могут употребляться в более специальных контекстах (например, для генитива), но при этом не могут употребляться в случаях, когда имеется другая, более

¹⁷ В этом, на мой взгляд, заключается существенное преимущество данного подхода в сравнении с теориями, предполагающими полный отказ от лексикализма. Если этот принцип полностью ошибочен, то остается необъясненным, почему отклонения от него в языках мира настолько редки.

полно заданная, словоформа (во всех остальных падежах). Для этого необходим принцип Панини (elsewhere principle), однако в общей модели ЛФГ он отсутствует. К счастью, этот принцип был сформулирован применительно к ЛФГ в работе [Andrews 1990] и в формулировке Эндрюза гласит:

Допустим, что в структуре S есть терминальный узел P, занятый словоформой l_1 , и существует другая словоформа l_2 , такая, что f-структура, определяемая дефиницией l_1 , полностью включена в f-структуру, определяемую дефиницией l_2 , и f-структура l_2 включена в f-структуру, которая в S ассоциируется с P (полную структуру, после всех унификаций). Тогда S блокируется.

Другими словами, если некоторая словоформа l_1 может быть заменена на другую, более точную, l_2 , без изменения конечной f-структуры, то употребление l_1 запрещается. Из этого следует, что, к примеру, словоформу *маен* можно использовать вместо генитива, так как специализированная словоформа генитива **маены* или подобная в осетинском языке отсутствует, но нельзя использовать вместо датива, поскольку есть словоформа *маенен*, обслуживающая именно датив.

5.2.2. Морфологический компонент

Такие спецификации словоформ не требуют практически никакой модификации морфологического модуля. Структуру осетинской именной парадигмы можно представить, например, в терминах морфологии парадигматических функций Г. Стампа [Stump 2001]:

(34) Основы:

Stem(⟨Зауыр, σ: {}⟩) = ⟨Зауыр, σ⟩
 Stem(⟨æз, σ: {MCASE:OBL, NUM:SG}⟩) = ⟨маен, σ⟩
 Stem(⟨чи, σ: {MCASE:OBL, NUM:SG}⟩) = ⟨каæ, σ⟩
 Stem(⟨чи, σ: {MCASE:OBL, ECASE:IN/DAT/ABL, NUM:SG}⟩) = ⟨каæм, σ⟩
 Stem(⟨уый, σ: {NUM:SG}⟩) = ⟨уый, σ⟩
 Stem(⟨уый, σ: {MCASE:OBL, NUM:SG}⟩) = ⟨уы, σ⟩
 Stem(⟨уый, σ: {MCASE:OBL, ECASE:IN/DAT/ABL}⟩) = ⟨уым, σ⟩

...

Реализационные правила:

I, $X_{N(SUBST)}$, {NUM:SG}	→ X
I, $X_{N(SUBST)}$, {NUM:PL}	→ Xтаæ
II, $X_{N(SUBST)}$, {MCASE:OBL, ECASE:GEN}	→ Xы
II, X_N , {MCASE:OBL, ECASE:DAT}	→ Xæн

...

Супплетивизм:

PF(⟨æз, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩) = ⟨æз, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩
 PF(⟨чи, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩) = ⟨чи, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩
 PF(⟨чи, {MCASE:OBL, ECASE:GEN, NUM:SG}⟩) = ⟨каæй, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩

Отсутствие реализационного правила для генитива, примененного к местоимениям, обеспечивает использование только формы *маен* как «немаркированного обликвуса» при отсутствии формы **маены*. У лексемы *уый* такая же немаркированная основа, как и у существительных, но, поскольку падежный аффикс генитива -ы применим исключительно к субстантивам, в парадигме имеется только форма *уый* в отсутствие формы **уыйы*. У вопросительных местоимений, как и у демонстративов, есть две косвенные основы, но при этом (полностью специфицированные) формы номинатива и генитива супплетивны.

Создание правил вида (31)–(33) – уже задача морфолого-синтаксического интерфейса, которому нужна информация о том, какие признаки к какой вершине необходимо отнести. Это можно сформулировать следующим образом: признаки, выражаемые основой и блоком I, относятся к вершине N, признаки же, выражаемые блоком II, – к вершине Case. Этим обеспечивается выражение MCASE как в N, так и в Case.

5.3. Групповая флексия

Я предлагаю считать MCASE дистрибутивным признаком. Тогда из правила (30) и дефиниций, подобным (31)–(33), следует допустимость структур на рис. 4, 5 и недопустимость структуры на рис. 6:

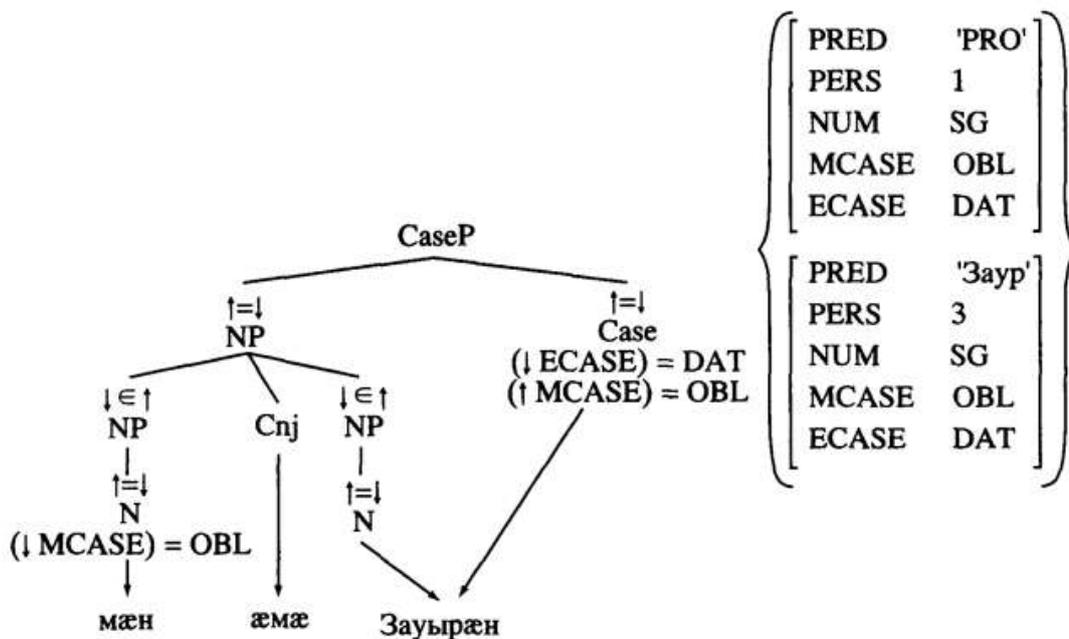

Рис. 4. Структура примера (4)

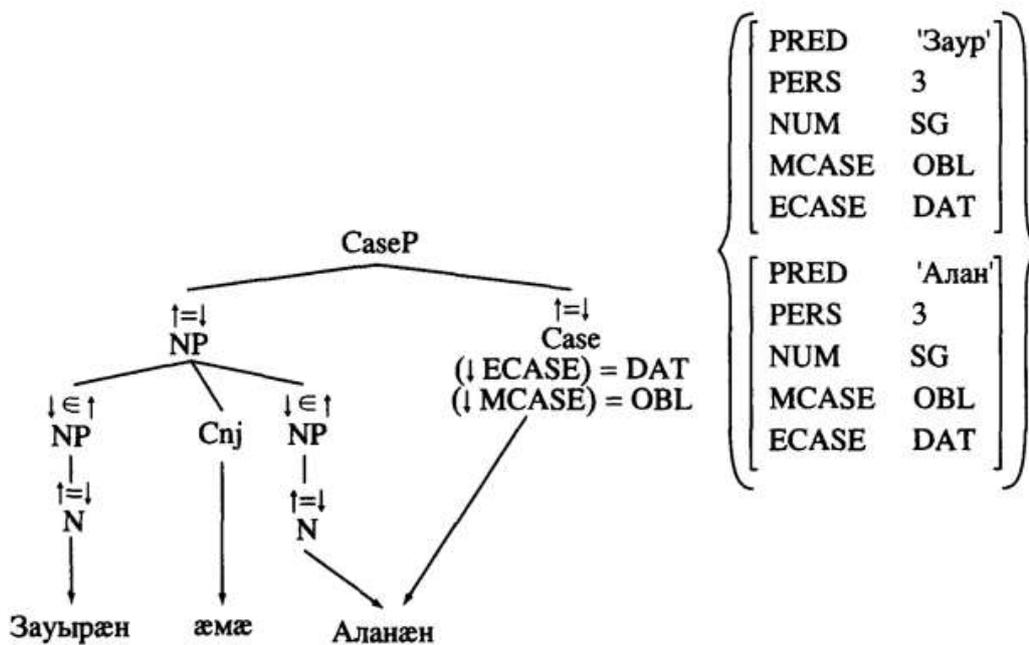

Рис. 5. Структура примера (3)

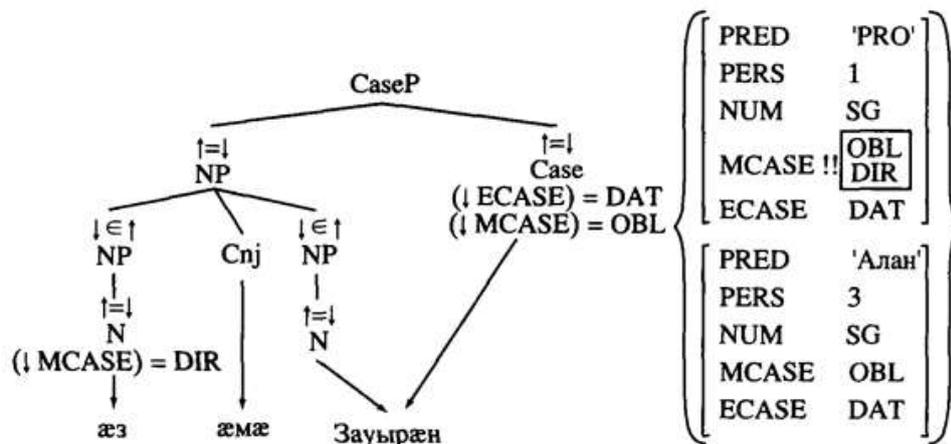

Рис. 6. Структура неграмматичного варианта примера (4)

На рис. 4 первый конъюнкт маркирован как OBL¹⁸, что соответствует спецификации узла Case, распространяющейся на все конъюнкты благодаря механизму применения дистрибутивных признаков к множествам [Kaplan, Maxwell 1995]. На рис. 5 первый конъюнкт не маркирован по падежу, поэтому он просто получает OBL в соответствии с тем же механизмом. На рис. 6, напротив, первый конъюнкт маркирован как DIR, что противоречит спецификации ГП, которую дает второй конъюнкт всей сочинительной группе, и поэтому такое сочинение недопустимо.

Если сочиняются два имени, полностью маркированные по падежу, то это является сочинением двух CaseP:

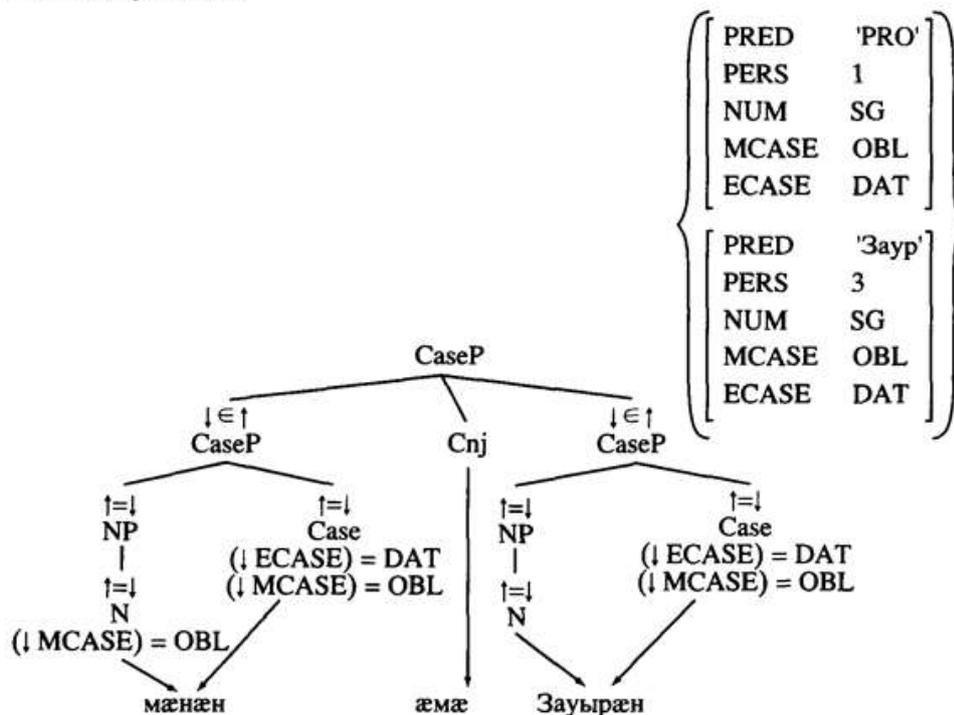

Рис. 7. Вариант примера (4) с сочинением двух CaseP

¹⁸ На рис. 4, 5 и 6 для ясности на с-структуре указаны только падежные признаки.

5.4. Предлог *æнæ*

Предлог *æнæ* описывается в данном анализе следующим образом: имеется два правила для PP¹⁹, одно имеет в качестве компонента NP, другое – CaseP. NP маркируется падежом (МП, MCASE) OBL, CaseP – аблативом (ГП, ECASE):

$$(35) PP \rightarrow \begin{matrix} P \\ \uparrow=\downarrow \end{matrix} \left\{ \begin{array}{l} NP \\ (\uparrow OBJ) = \downarrow \\ (\downarrow MCASE) = OBL \end{array} \right\} \mid \begin{array}{l} CaseP \\ (\uparrow OBJ) = \downarrow \\ (\downarrow ECASE) = ABL^{20} \end{array} \right\}$$

Таким образом, в обликвусе могут стоять только слова, имеющие немаркированные формы. Примеры для местоимений и существительных даны на рис. 8 и 9.

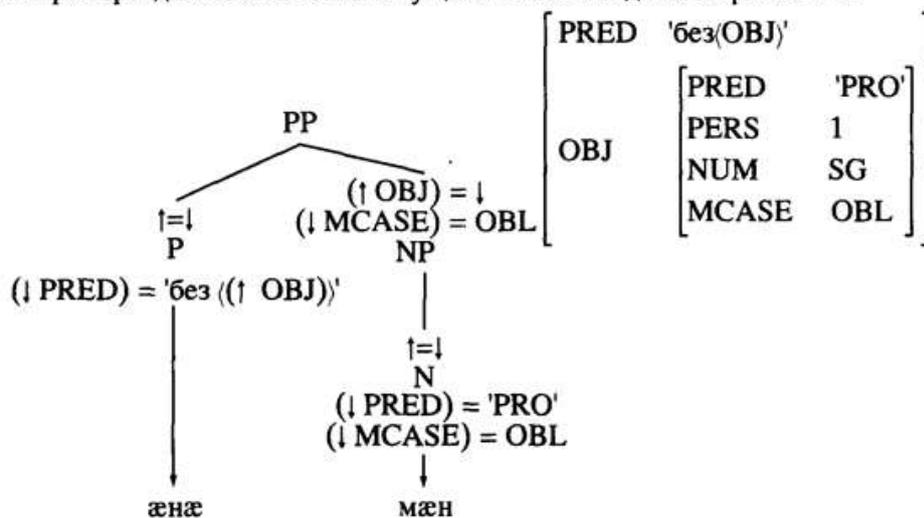

Рис. 8. Анализ примера (166) с местоимением

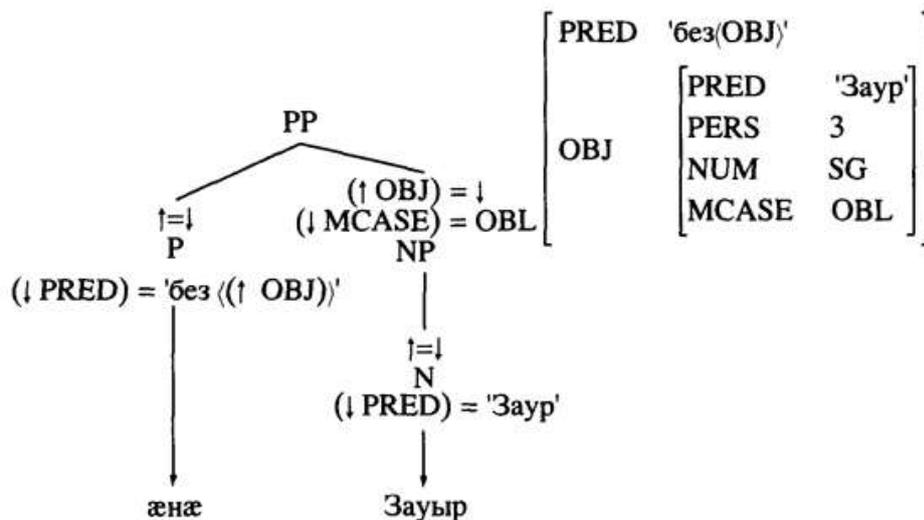

Рис. 9. Анализ примера (16а) с существительным

¹⁹ В осетинском языке *æнæ* – единственный полноценный предлог. Послелого же в большинстве своем являются именами и обладают именными свойствами. Поэтому я буду считать PP именно *предложной* группой, тогда как послеложные группы являются NP.

²⁰ Указывать значение MCASE в данном случае необязательно, так как наличие ECASE однозначно определяет значение MCASE = OBL.

Вопросительные слова не могут использоваться ни в номинативе, ни в «генитиве», так как форма *кай* вводит не NP, а CaseP, а форма *чи*, хотя и вводит NP, имеет значение MCASE, равное DIR (рис. 10).

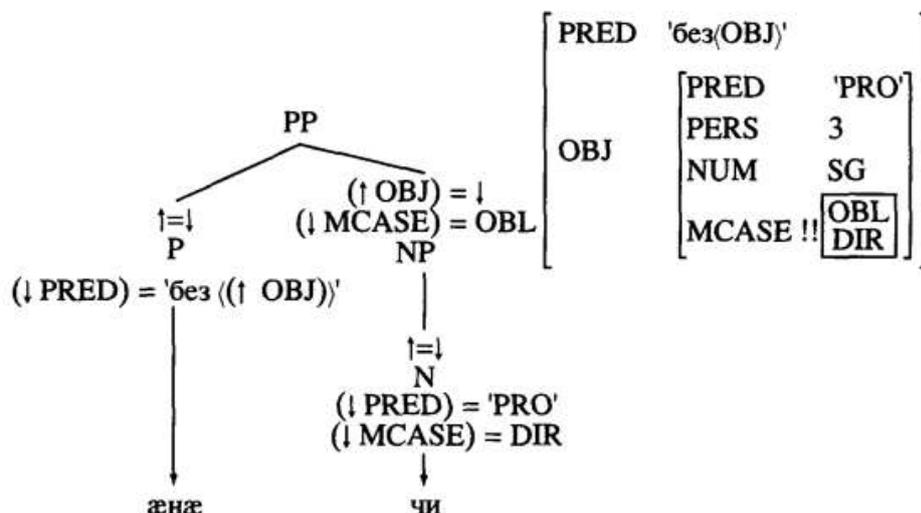

Рис. 10. Анализ неграмматичного примера (24)

5.5. Прямой объект

Маркирование прямого объекта устроено аналогично маркированию зависимого предлога: глагол может управлять либо обликвусом (36), либо генитивом (37).

(36) $(\uparrow \text{OBJ MCASE}) = \text{OBL}$
 $\neg (\uparrow \text{OBJ ECASE})$

(37) $(\uparrow \text{OBJ ECASE}) = \text{GEN}$

Данные правила можно считать лексически заданными в вершине V у переходных глаголов.

Поскольку прямой объект в осетинском языке не имеет фиксированной структурной позиции, мы не можем, приписывая ему падеж, определить, выражен он NP или CaseP²¹. Поэтому в (36) используется дополнительное утверждение, эксплицитно запрещающее прямому объекту обладать признаком ECASE, что фактически эквивалентно требованию, чтобы он был всегда выражен только NP.

5.6. Сопоставление с альтернативными формализациями

В данном разделе предложенная выше формализация будет сопоставлена с двумя альтернативами: классическим лексикализмом и распределенной морфологией. Для краткости я буду рассматривать только формализации групповой флексии, так как описание остальных конструкций мало различается между разными подходами.

5.6.1. Классический лексикализм

В принципе описанный в данной статье анализ довольно легко формализуется в рамках строгого лексикализма, без совместного выражения двух вершин. Действитель-

²¹ Точнее, это возможно, если использовать обратную проекцию f^{-1} от f-структуры к c-структуре, однако этого следует избегать в случае, если есть возможность оставаться в пределах f-структуры.

но, можно считать ECASE недистрибутивным признаком, который «передается» от последнего конъюкта всей конструкции:

$$(38) \text{ NP} \rightarrow \begin{array}{ccc} \text{NP}^* & \text{C}_{nj} & \text{NP} \\ \downarrow \in \uparrow & (\uparrow \text{ NUM}) = \text{PL} & \downarrow \in \uparrow \\ \neg (\downarrow \text{ ECASE}) & & (\uparrow \text{ ECASE}) = (\downarrow \text{ ECASE}) \end{array}$$

Однако этот анализ имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, как указано в работе [Broadwell 2008], из правила (38) неясно, почему именно последний конъюнкт выражает признак ECASE: с тем же успехом подобную аннотацию мог бы получить первый конъюнкт, предпоследний или второй с начала. В то же время теорема гомоморфического лексикализма (раздел 5.1) требует, чтобы одним словом могли выражаться только соседние вершины; следовательно, групповой аффикс может присоединяться только к крайним конъюнктам; в осетинском языке, как языке по преимуществу левоветвящемся, – к последнему конъюнкту.

Во-вторых, предложенный здесь анализ не требует практически никаких изменений синтаксических правил (кроме правила для РР, которое в любом случае должно содержать падежные ограничения). В частности, сочинение может описываться общепринятым в ЛФГ простым правилом (39). Если же придерживаться классического лексикализма, то необходимо задавать отдельное правило сочинения (38), применимое только к ИГ и к тому же снабженное особыми, не вполне стандартными аннотациями. Это явно избыточно, поскольку союз *æma* в осетинском языке способен сочинять составляющие любых типов.

$$(39) \text{ XP} \rightarrow \begin{array}{ccc} \text{XP}^+ & \text{C}_{nj} & \text{XP} \\ \downarrow \in \uparrow & (\uparrow \text{ NUM}) = \text{PL} & \downarrow \in \uparrow \end{array}$$

В-третьих, правило (38) в нынешнем виде не допускает присоединения «внешнего» падежного аффикса ко всем конъюнктам, возможного в осетинском. Для этого необходимо дополнительное правило, в котором аннотация $(\uparrow \text{ ECASE}) = (\downarrow \text{ ECASE})$ относится ко всем конъюнктам. При этом в предложенном мною анализе такая возможность следует просто из возможности CaseP стоять на месте XP в правиле (39).

5.6.2. Распределенная морфология

Альтернативой лексикалистскому подходу является радикальный отказ от лексикализма, представленный в таких теориях, как распределенная морфология (*distributed morphology*). В рамках этой теории принято описывать групповую флексию как показатель, присоединяющийся к сочиненной группе – комплементу [Kornfilt 1996; Hankamer 2012]²². Этот анализ аналогичен нашему, но словоформа, маркированная падежом, не занимает сразу две позиции; напротив, основа и падеж занимают отдельные позиции (N и Case/K) в дереве.

У этого анализа также есть недостатки в сравнении с предложенным здесь. Во-первых, в распределенной морфологии принято считать, что все словоизменительные аффиксы возглавляют функциональные проекции – то есть именная группа расщепляется на PIP, CaseP и т. д. В таком случае необходимо как-то специально объяснять, почему можно сочинить две PIP под одной CaseP, но нельзя сочинить две NP под одной PIP (36). В работе [Hankamer 2012] указывается, что это связано с тем, что сочинению

²² Альтернативный анализ предложен в [Kharytonava 2012], где групповая флексия рассматривается как удаление некоторых признаков (*improvement*) со всех конъюнктов, кроме последнего. Таким образом, речь идет о чем-то вроде эллипсиса, но с удалением не морфем, а признаков, что, в отличие от анализа в [Erschler 2012], совместимо с осетинскими данными и с предложенным здесь разложением падежной системы. Однако неясно, применим ли такой анализ к другим фактам, рассмотренным в данной статье.

могут подвергаться не все составляющие. Такое решение возможно, но не оптимально, так как для каждого конкретного языка придется указывать, что может сочиняться, а что – нет (так, в турецком возможна групповая флексия показателя числа и глагольных показателей, а в осетинском – нет). Таким образом, в распределенной морфологии возможность группового оформления зависит от свойств сочинительной конструкции, а в предложенном здесь анализе – от свойств самих аффиксов (точнее, содержащих их словоформ). Оценить, какой из этих подходов компактнее, сложно; однако второй представляется более естественным.

Во-вторых, распределенная морфология предполагает, что внутренняя структура словоформ непосредственно отражает их синтаксическую структуру, т. е., поскольку PI обладает приоритетом над N, а Case – над PI, соответствующие аффиксы присоединяются именно в этом порядке. На первый взгляд, в применении к осетинскому языку это свойство скорее является достоинством, так как ГП обычно находится дальше от корня, чем МП, тогда как в нашем анализе такой порядок ниоткуда сам по себе не следует. Однако достоинство превращается в недостаток, если взглянуть на структуру форм множественного числа вопросительных местоимений (раздел 2), где показатели числа и МП (-тæ, -ты) следуют за показателями ГП. Поскольку наш анализ не требует прямого соответствия морфологической структуры синтаксической, мы можем легко это описать, просто добавив правила для этих показателей:

- (40) III, $X_{N[wh]}$ {NUM:PL, MCASE:DIR} → *Xтæ*
 III, $X_{N[wh]}$ {NUM:PL, MCASE:OBL} → *Xты*

В рамках распределенной морфологии придется либо прибегать к специальным правилам, задающим нужный порядок аффиксов, либо постулировать дополнительную проекцию выше Case, в которой вторично выражаются признаки NUM и MCASE. На мой взгляд, сама необходимость использовать подобные приемы, чтобы описать порядок аффиксов в осетинском языке, ставит под сомнение исходную посылку распределенной морфологии и подобных ей теорий, состоящую в отрицании наличия четкой границы между морфологией и синтаксисом.

Кроме того, существенно, что в иронском зафиксированы альтернативные формы комитатива и экватива мн. ч. вопросительных местоимений, имеющие регулярный порядок аффиксов: *кæй-т-имæ* 'с кем (мн. ч.)', *цæй-т-имæ* 'с чем (мн. ч.)'; *кæй-т-ау* 'как кто (мн. ч.)', *цæй-т-ау* 'как что (мн. ч.)' [Кулаев 1957: 268]. Насколько можно судить, никаких существенных семантических отличий от форм с «обратным» порядком аффиксов такие формы не имеют. Следовательно, разумно предположить, что порядок числа и падежа в осетинском является чисто формальным параметром, связанным со свойствами конкретных лексем и падежей и вызванным, скорее всего, историческими причинами. В связи с этим, как кажется, предпочтителен анализ, в котором подобная вариативность эксплицитно описывается как частный признак отдельных словоформ, а не выводится каким-то образом из базовых свойств лексем или путем постулирования дополнительных проекций или передвижений.

6. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Необходимо отметить, что осетинская падежная система не является уникальным случаем «двухуровневости» падежа. Очень похожее поведение групповой флексии имеется в армянском языке [Архангельский 2012], где у местоимений и некоторых существительных вместо ожидаемого номинатива используется датив, который также является косвенной основой для остальных падежей:

- (41) inj / *es u k'ez-anic'
 1SG.DAT 1SG.NOM и 2SG.DAT-ABL
 'от меня и тебя'

Во многом похожи на осетинские падежи постпозитивные показатели в индоарийских языках, сосуществующие с реликтами санскритской падежной системы:

- (42) *yasin=ne* [*kutt-e* or *g^hoṛ-e*]=*ko*
 Ясин.М.СГ=ЕРГ собака-М.СГ.ОБЛ и конь-М.СГ.ОБЛ=АСС
dek^h-a *he*
 видеть-РЕРФ.М.СГ быть.ПРЕС.3.СГ
 'Ясин увидел собаку и лошадь' (хинди-урду, [Butt, King 2004]).

В индоарийском языкознании, однако, вопрос о статусе этих показателей является спорным [Зограф 1976; Spencer 2005]. Собственно говоря, возможность примеров вида (42) М. Батт и Т. Кинг приводят как один из аргументов против падежного статуса этих единиц в хинди. Однако осетинские данные показывают, что подобные явления возможны и с несомненно морфологическими показателями (впрочем, в хинди есть и другие основания считать вторичные «падежи» клитиками). В других индоарийских языках вторичные падежи бывают как более, так и менее морфологизированными; так, в цыганском языке примеры, подобные (42), невозможны (А.Ю. Русаков, л. с.), что говорит о том, что степень грамматикализации вторичных падежей в этом языке достигла своего предела.

Напоминают осетинский и данные калмыцкого языка, в котором имеются формы «немаркированной» косвенной основы, не омонимичные ни одному из падежей и употребляющиеся в некоторых конструкциях, например при числительных [Сай 2009: 655]:

- (43) ...*ma* *dörvən-igə* *av-č* *ir-äd...*
 мы четыре-АСС брат-СВ.ИПФV приходить-СВ.АНТ
 '...взяв нас четверых...' [Сай 2009: 655]

При этом формой номинатива местоимения 'мы' является *madən*, генитива – *mana*, а остальные падежи образуются путем присоединения аффиксов к косвенной основе.

В тохарском А языке «вторичные» падежи, в основном грамматикализованные из послелогов, присоединяются к одному из «первичных» падежей, унаследованных из праиндоевропейского, – аккузативу. При групповой флексии все конъюнкты, кроме последнего, стоят в аккузативе [Бурлак 2002]:

- (44) *ñäkt-as* *paṛeṃ-s-aṃ*
 бог-РЛ.АСС человек-РЛ.АСС-ЛОС
 'среди богов и людей' [Бурлак 2002]

Интересно, что подобное явление наблюдается также, если сочиненная группа маркирована генитивом, хотя генитив с синхронной точки зрения нельзя однозначно считать «вторичным» падежом (С.А. Бурлак, И.Б. Иткин, л. с.), а диахронически показатель генитива единственного числа унаследован от праиндоевропейского состояния [Carling 2012]:

- (45) (*sä*)*rk* *mokone* *wläluneyis*
 болезнь:СГ.АСС старость:СГ.АСС смерть:ГЕН.СГ
 'болезни (?), старости и смерти' (304 b7, И.Б. Иткин, л. с.).

Это напоминает осетинский язык, в котором групповыми являются все падежные аффиксы, хотя генитив, инэссив, экватив, а также, возможно, аблатив восходят к единицам, которые были аффиксами еще на праиранском уровне [Belyaev 2010].

По-видимому, это связано с позднейшей перестройкой системы в результате грамматикализации большого числа новых падежей из послелогов и других служебных слов²³.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье было показано, что из данных групповой флексии, приписывания падежа предлогом и маркирования прямого объекта следует, что осетинская падежная система в действительности включает в себя две грамматические категории: бинарный «морфологический» падеж (МП), состоящий из граммем ректуса и обликвуса, и восемь косвенных групповых падежей (ГП), выражаемых групповыми аффиксами. Была предложена формализация данного анализа в терминах лексико-функциональной грамматики, так что ГП всегда выражается в вершине Case, а МП может выражаться как в вершине N, так и в вершине Case; при этом имена, маркированные по ГП, занимают сразу обе вершины. Это позволяет сочетать преимущества лексикалистского подхода к синтаксису с тем наблюдением, что показатели ГП представляют собой групповые аффиксы.

Две рассмотренные альтернативные формализации осетинской падежной системы фактически представляют собой два логически возможных варианта анализа групповой флексии: «аффикс присоединяется только к последнему конъюнкту» (лексикализм) vs. «аффикс присоединяется ко всей сочинительной группе»²⁴ (распределенная морфология). Было показано, что каждый из этих подходов обладает своими недостатками; иного трудно было бы ожидать, поскольку групповая флексия по определению представляет собой случай, который нельзя однозначно описать ни как энклитизацию (тогда групповые показатели были бы не аффиксами, а послелогоми), ни как обычную морфологическую флексию (тогда аффикс не присоединялся бы только к последнему конъюнкту).

Предложенный в данной статье анализ снимает это противоречие, так как позволяет рассматривать словоформы, содержащие групповые аффиксы, и как занимающие позицию последнего конъюнкта, и как занимающие позицию внешней по отношению к сочинительной группе вершины. При этом сохраняется фундаментальное разграничение между морфологией и синтаксисом, что позволяет не считать все аффиксы возглавляющими свои функциональные проекции, но в каждом конкретном случае принимать решение на основании синтаксического поведения словоформ.

Исходя из данных осетинского языка и краткого обзора в разделе 6, можно утверждать, что за многими противопоставлениями прямой и косвенной основ стоят двухпадежные системы, «скрытые» под агглютинативными и часто более поздними по происхождению²⁵ многопадежными [Аркадьев 2006: 224–232; Kulikov 2009]. Граммемы первой категории выражаются полностью морфологическими показателями, второй – групповыми аффиксами. Подобное сосуществование двух разных систем в рамках одного языка говорит о том, что эти системы следует различать и в типологическом плане. Иначе говоря, сопоставляя, к примеру, русскую или латинскую систему с турецкой, следует иметь в виду, что первая носит чисто морфологический характер, тогда как во второй падежные аффиксы являются групповыми показателями. Возможно, что типологические обобщения, верные относительно одного из видов «падежа», не верны относительно другого²⁶.

²³ Р. Кимом [Kim 2003] был предложен более радикальный подход к эволюции падежей в осетинском, состоящий в том, что к праиранскому уровню восходят только номинатив и генитив, а все остальные падежи произошли из послелогов и других служебных элементов. Однако даже такой анализ принципиально не меняет картину, так как объяснения требуют групповой статус генитива. Кроме того, критику концепции Кима см. в работе [Cheung 2008].

²⁴ Вариант «аффикс присоединяется ко всем конъюнктам, а затем удаляется» я не рассматриваю, так как выше была показана его несостоятельность, во всяком случае в применении к осетинскому языку.

²⁵ В осетинском языке это не так однозначно, см. конец раздела 6.

²⁶ Ср. в этой связи работу [Spencer 2008], где предлагается не считать венгерские «падежи» показателями именно этой категории в типологической перспективе (впрочем, на других, нежели здесь, основаниях).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL – аблатив, ACC – аккузатив, ADD – аддитив, ALL – аллатив, ANT – относительное прошедшее время, COMIT – комитатив, CONTR – контраст, CV – конверб, DAT – датив, DIR – ректус, DIST – дальний дейксис, ENCL – энклитика, ERG – эргатив, FUT – будущее время, GEN – генитив, IN – локализация 'в', INF – инфинитив, INTR – непереходность, IPFV – имперфектив, LOC – локатив, M – мужской род, NEG – отрицание, NOM – номинатив, NUM – аднумератив, OBL – обликвус, PERF – перфект, PFV – перфектив, PL – множественное число, POSS – посессив, PROX – ближний дейксис, PRES, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PV – преверб, RECP – реципрок, REFL – рефлексив, SG – единственное число, SUPER – локализация 'на', TR – переходность, UNIV – обобщающее местоимение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1949 – Абаев В.И. Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов // Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 357–493. [Abaev V.I. An essay of differences in Iron and Digor dialects. Abaev V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 1949. Pp. 357–493.]
- Абаев 1959 – Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. [Abaev V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Ossetian grammar]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe Knizhnoe Izd., 1959.]
- Аркадьев 2006 – Аркадьев П.М. Типология двухпадежных систем: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения, 2006. [Arkad'ev P.M. *Tipologiya dvukhpadezhnykh sistem*. Kand. diss. [A typology of two-case systems. Cand. Diss.]. Moscow: Institute of Slavic studies, Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Архангельский 2012 – Архангельский Т.А. Групповая флексия в именной сочинительной конструкции восточноармянского языка // Асатрян Г.С. и др. (ред.). IX Международная конференция по армянскому языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 25–29. [Arkhangel'skii T.A. Group inflection in the nominal co-ordinating construction in East Armenian. *IX Mezhdunarodnaya konferentsiya po armyanskomu yazykoznaniiyu*. Asatryan G.S. et al. (eds). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. Pp. 25–29.]
- Ахвледиани 1963 – Ахвледиани Г.С. (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963. [Akhvlediani G.S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka*. T. 1: *Fonetika i morfologiya* [Ossetian grammar. Vol. 1: Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Inst., Council of Ministers of North Ossetian ASSR, 1963.]
- Багаев 1965 – Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. [Bagaev N.K. *Sovremennyy osetinskii yazyk*. Ch. 1. Fonetika i morfologiya [Modern Ossetian. P. 1. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe Knizhnoe Izd., 1965.]
- Беляев 2012 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция и конструкция относительного предложения с внутренней вершиной в бесермянском диалекте удмуртского языка // Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю., Сай С.С., Калинина Е.Ю. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 647–679. [Belyaev O.I. Correlatives and internally-headed relative clauses in the Besermyan dialect of Udmurt. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A.I., Serdobol'skaya N.V., Toldova S. Yu., Sai S.S., Kalinina E. Yu. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 647–649.]
- Беляев 2014 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. [Belyaev O.I. *Korrelyativnaya konstruktziya v osetinskom yazyke v tipologicheskom osveshchenii*. Kand. diss. [Ossetic correlatives in typological perspective. Cand. Diss.]. Moscow: Moscow State Univ., 2014.]
- Бурлак 2002 – Бурлак С.А. Групповая флексия и «групповая суффиксация» в тохарском А языке // Подлеская В.И. (отв. ред.). Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2002. С. 117–118. [Burlak S.A. Group inflection and "group suffixation" in Tocharian. Podlesskaya V.I. (ed.). *Tret'ya zimnyaya tipologicheskaya shkola. Materialy lektzii i seminarov*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2002. Pp. 117–118.]

- Выдрин 2013 – Выдрин А.П. Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в литературном осетинском языке. Рукопись. http://www.ossetic-studies.org/vydrin/files/6113/7172/9776/___last_1.pdf [Vydrin A.P. *Nekanonicheskoe markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v literaturnom osetinskom yazyke* [Non-canonical marking of actants of binary predicates in Standard Ossetian]. Unpublished.]
- Гагкаев 1952 – Гагкаев К.Е. Очерк грамматики осетинского языка. Орджоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952. [Gagkaev K.E. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [An essay of the Ossetian grammar]. Ordzhonikidze: Gos. Izd., North Ossetian ASSR, 1952.]
- Ганенков и др. 2012 – Ганенков Д.С., Ландер Ю.А., Майсак Т.А. Удинский язык без эндоклитик. Доклад на Семинаре по теоретической и прикладной лингвистике МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012 // http://udilang.narod.ru/field/Udi_mgggu_2012.pdf [Ganenkov D.S., Lander Yu.A., Maisak T.A. *Udinskii yazyk bez endoklitik. Doklad na Seminare po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike MGGU im. M.A. Sholokhova* [Udi without endoclitics. A paper read at the workshop on theoretical and applied linguistics in Sholokhov Moscow State Univ. for the Humanities], 2012.]
- Зограф 1976 – Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. М.: Наука, 1976. [Zograf G.A. *Morfologicheskii stroi novykh indoariiskikh yazykov* [Morphological structure of modern Indo-Aryan languages]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Исаев 1966 – Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. М.: Наука, 1966. [Isaev M.I. *Digorskii dialekt osetinskogo yazyka* [The Digor dialect of the Ossetian language]. Moscow: Nauka, 1966.]
- Казенин 2002 – Казенин К.И. Современные формальные теории синтаксиса: сопоставление трактовок грамматической анафоры // Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. (ред.). Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: УРСС, 2002. С. 403–433. [Kazenin K.I. Contemporary formal syntactic theories: a comparison of the treatments of grammatical anaphora. *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya*. Kibrik A.A., Kobozeva I.M., Sekerina I.A. (eds). M.: URSS, 2002. Pp. 403–433.]
- Кибрик, Кодзасов 1990 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1990. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika* [A comparative study of Dagestani languages. Noun. Phonetics]. Moscow: Moscow State Univ., 1990.]
- Кулаев 1957 – Кулаев Н.Х. К вопросу о проблеме падежей осетинского языка // Известия СОНИИ. 1957. Т. 19. С. 255–268. [Kulaev N.Kh. The problem of Ossetian case revisited. *Proc. of the North Ossetian Research Inst.* 1957. Vol. 19. Pp. 255–268.]
- Перепись 2010 – Владение языками населением Российской Федерации // Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf [Language competence of the Russian Federation population. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 g.* Т. 4: Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo.]
- Сай 2009 – Сай С.С. Грамматический очерк калмыцкого языка // *Acta linguistica petropolitana*. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 622–709. [Sai S.S. An essay of the Kalmyk grammar. *Acta linguistica petropolitana*. 2009. Vol. V. Part 2. Pp. 622–709.]
- Сосенская 1999 – Сосенская Т.Б. Сравнительные конструкции // Кибрик А.Е., Тестелец Я.Г. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 560–581. [Sosenskaya T.B. Comparative constructions. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoi osveshchenii*. Kibrik A.E., Testelecs Ya.G. (eds). Moscow: Nasledie, 1999. Pp. 560–581.]
- Токазов 1977 – Токазов Х.А. О количестве падежей в осетинском языке // Габараев Н.Я. (ред.). Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 264–279. [Tokazov Kh.A. About the number of cases in Ossetian. *Voprosy iranskoj i obshchej filologii*. Gabaraev N.Ya. (ed.). Tbilisi: Metsniereba, 1977. Pp. 264–279.]
- Якобсон 1936/1985 – Якобсон Р.О. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175. [Jakobson R.O. General case grammar revisited. General meaning of the Russian case. *Jakobson R.O. Izbrannyye raboty*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 133–175.]
- Anderson 1969 – Anderson S.R. *West Scandinavian vowel systems and the ordering of phonological rules*. PhD diss. Cambridge (MA): Massachusetts institute of technology, 1969.
- Andrews 1990 – Anderson S.R. Unification and morphological blocking. *Natural language and linguistic theory*. 1990. Vol. 8. No. 4. Pp. 507–557.

- Arkhangelskiy, Belyaev 2011 – Arkhangelskiy T., Belyaev O. A comparison of Eastern Armenian and Iron Ossetic spatial systems. *Languages and cultures in the Caucasus*. Tomelleri V.S., Topadze M., Lukianowicz A. (eds). München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2011. Pp. 285–299.
- Belyaev 2010 – Belyaev O. Evolution of case in Ossetic. *Iran and the Caucasus*. 2010. Vol. 14. No. 2. Pp. 287–322.
- Bierwisch 1967 – Bierwisch M. Syntactic features in morphology: general problems of so-called pronominal inflection in German. *To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his seventieth birthday*. The Hague: Mouton, 1967. Pp. 239–270.
- Blevins 1995 – Blevins J.P. Syncretism and paradigmatic opposition. *Linguistics and Philosophy*. 1995. Vol. 18. Pp. 113–152.
- Bresnan 2001 – Bresnan J. *Lexical-functional syntax*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Broadwell 2008 – Broadwell G.A. Turkish suspended affixation is lexical sharing. *Proceedings of the LFG08 conference*. Butt M., King T.H. (eds). Stanford: CSLI Publications, 2008. Available at: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/13/papers/lfg08broadwell.pdf>
- Butt, King 2004 – Butt M., King T.H. The status of case. *Clause structure in South Asian languages*. Dayal V., Mahajan A. (eds). Dordrecht: Springer, 2004. Pp. 153–198.
- Carling 2012 – Carling G. Development of form and function in a case system with layers: Tocharian and Romani compared. *Tocharian and Indo-European studies*. 2012. Vol. 13. Pp. 55–74.
- Cheung 2008 – Cheung J. The Ossetic case system revisited. *Evidence and counter-Evidence: Essays in honour of Frederik Kortlandt*. Lubotsky A., Schaecken J., Wiedenhof J. (eds). Amsterdam; New York: Rodopi, 2008. Pp. 87–105.
- Dalrymple 2001 – Dalrymple M. *Lexical functional grammar*. New York: Academic press, 2001.
- Erschler 2012 – Erschler D. Suspended affixation in Ossetic and the structure of the syntax-morphology interface. *Acta linguistica hungarica*. 2012. Vol. 59. No. 1–2. Pp. 153–175.
- Falk 2001 – Falk Y.N. *Lexical functional grammar. An introduction to parallel constraint-based syntax*. Stanford: CSLI Publications, 2001.
- Hankamer 2012 – Hankamer J. *Ad-phrasal affixes and suspended affixation*. Presentation at Workshop on suspended affixation, Cornell University, 2012. Available at: http://conf.ling.cornell.edu/WOSA/Hankamer_handout.pdf
- Harris 2002 – Harris A. *Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Johannessen 1998 – Johannessen J.B. *Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Kaplan, Maxwell 1995 – Kaplan R.M., Maxwell J.T. III. Constituent coordination in Lexical-functional grammar. *Formal issues in Lexical-functional grammar*. Dalrymple M., Kaplan R.M., Maxwell J.T. III, Zaenen A. (eds). Stanford: CSLI Publications, 1995. Pp. 199–210.
- Kharytonava 2012 – Kharytonava O. Taming affixes in Turkish: with or without residue? *Irregularity in morphology (and beyond)*. Stoltz T., Otsuka H., Urdze A., van der Auwera J. (eds). Berlin: Akademie Verlag, 2012. Pp. 167–185.
- Kim 2003 – Kim R.I. On the historical phonology of Ossetic: The origin of the oblique case suffix. *Journal of the American oriental society*. 2003. Vol. 123. No. 1. Pp. 43–71.
- Kornfilt 1996 – Kornfilt J. On some copular clitics in Turkish. *ZAS papers in linguistics*. 1996. Vol. 6. Pp. 96–114.
- Kulikov 2009 – Kulikov L. Evolution of case systems. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 439–457.
- Lewis et al. 2014 – Lewis M.P., Simons G.F., Fennig Ch.D. (eds). *Ethnologue: Languages of the world*. Dallas: SIL International, 2014. Available at: <http://www.ethnologue.com>
- Lewis 1967 – Lewis G. *Turkish grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1967.
- Masica 1991 – Masica C. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Müller 2002 – Müller G. Remarks on nominal inflection in German. *More than words: A Festschrift for Dieter Wunderlich*. Kaufmann I., Stiebels B. (eds). Berlin: Akademie Verlag, 2002. Pp. 113–145.
- Spencer 2005 – Spencer A. Case in Hindi. *Proceedings of the LFG05 Conference*. Butt M., King T.H. (eds). Stanford: CSLI Publications, 2005. Available at: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/10/lfg05spencer.pdf>
- Spencer 2008 – Spencer A. Does Hungarian have a case system? *Case and grammatical relations. Studies in honor of Bernard Comrie*. Corbett G., Noonan M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 35–56.
- Stump 2001 – Stump G.T. *Inflectional morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Wescoat 2002 – Wescoat M.T. *On lexical sharing*. PhD diss. Stanford: Stanford University, 2002.

Wescoat 2005 – Wescoat M.T. English nonsyllabic auxiliary contractions: An analysis in LFG with lexical sharing. *Proceedings of the LFG05 conference*. Butt M., King T.H. (eds). Stanford: CSLI Publications, 2005. Available at: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/10/lfg05wescoat.pdf>

Сведения об авторе:

Олег Игоревич Беляев
Институт языкознания РАН / МГГУ
им. М.А. Шолохова
obelyaev@gmail.com

Information about the author:

Oleg I. Belyaev
Institute of linguistics (RAS) /
Sholokhov Moscow state university for the
humanities
obelyaev@gmail.com
Moscow / Russia

Статья поступила в редакцию 7.04.2014.

© 2014 г. С.Ю. ТОЛДОВА, Н.В. СЕРДОБОЛЬСКАЯ

ГЛАГОЛ РЕЧИ *MANAŞ* В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ*

Настоящая работа посвящена грамматикализации глагола речи *manaş* ('говорить', 'называть') в лугово-восточном мари́йском языке. Деепричастие данного глагола (*manən*) употребляется десемантизировано в функции подчинительного союза; при этом оно теряет синтаксические свойства исходного глагола. В современном языке можно наблюдать различные стадии грамматикализации данного показателя: в ряде контекстов оно функционирует как цитатив, в других контекстах – как подчинительный союз. Мы выделяем два пути грамматикализации данного показателя: первый наблюдается в контексте глаголов речи, ментальных и эмотивных глаголов, второй в контексте (речевой) каузации и потенциальной ситуации (в актантных предложениях) и в обстоятельственных предложениях цели и причины. Аргументы за такой анализ основаны на следующем: ограничения на кодирование зависимого предиката (допустимость нефинитных клауз), выбор стратегии оформления актантов зависимого предиката [анафорическое vs. дейктическое кодирование текстового («исходного» в [Aikhenvald 2008]) говорящего и слушающего] и выбор наклонения в сентенциальном актанте. Мы показываем, что в современном языке анализируемый показатель выступает в следующих функциях: цитатив, подчинительный союз в актантных и обстоятельственных предложениях, дискурсивный маркер гезитации и автокоррекции, десемантизированный подчинительный показатель для введения отрицания при инфинитиве.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, глагол речи, мари́йский язык, полипредикация, анафора, дейксис, инфинитив, союз, комплементаризер, цитатив, грамматикализация

This paper focuses on the paths of grammaticalization of the verb of speech *manaş* ('say', 'name') in Eastern Mari. The converb of this verb (*manən*) is desemantized, it loses the syntactic properties of the verb of speech and shifts to the category of subordinators. Successive grammaticalization steps of this marker can be observed in Modern Mari: in some contexts it functions as a quotation marker, while in others as a subordinator. We suggest two paths of grammaticalization of this form on the basis of the given analysis: the first path involves the context of verbs of speech, mental and emotive complement-taking predicates, the second path involves the contexts of causation and potential situation (in complementation), purpose and causal adverbial clauses. The argumentation for this grammaticalization pattern is based on the constraints on subordinate predicate encoding (acceptability of non-finite clauses with *manən*), the choice of pronouns [we focus on the choice of the anaphoric vs. deictic strategy of encoding the textual («original» in [Aikhenvald 2008]) speaker and hearer] and the mood of the verb in the complement clause. We show that in Modern Mari the analyzed form can have the following functions: as a quotation marker, as a subordinator in complement and adverbial clauses, as a discourse marker of hesitation and autocorrection, and as a semantically empty subordinator that is used to express negation with the infinitive.

Keywords: complementation, verbs of speech, Mari, subordination, subordinator, complementizer, anaphora, deixis, infinitive, conjunction, grammaticalization

* Работа посвящена памяти А.Е. Кибрика. Основные материалы были получены в первой мари́йской экспедиции 2000 г. Эта экспедиция состоялась благодаря его активной поддержке и при его личном участии. Она стала первой в целой серии полевых исследований финно-угорских языков кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В инициативную группу по подготовке и проведению исследований во главе с Е.Ю. Калининой и С.Ю. Толдовой входили ученики А.Е. Кибрика, ранее принимавшие участие в его экспедициях.

1. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ГЛАГОЛОВ РЕЧИ И ОСНОВНЫЕ ПУТИ ИХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

1.1. Глаголы речи и кодирование чужой речи: вводные замечания

Класс глаголов речи занимает особое положение в целом ряде лингвистических исследований. Глаголы данного класса имеют валентность на сентенциальный актанта, представляющий собой чужую речь. Иными словами, основной сферой их употребления являются репортивные контексты, главная особенность которых – «удвоение» коммуникативной ситуации и ее участников. В связи с этим возникает проблема различения разных режимов кодирования чужой речи: прямой речи и косвенной. Вопрос о средствах кодирования прямой и косвенной речи, проблема существования промежуточных стратегий кодирования являются предметом многих теоретических и типологических исследований [Coulmas 1986, Güldemann, von Roncador 2002; Aikhenvald 2004].

Основная функция глаголов речи – введение чужой речи в конструкциях с сентенциальными актантами – имплицитно еще одно свойство данного класса глаголов: они являются типологически широко распространенным источником грамматикализации (см., например, [Harris, Campbell 1995; Hopper, Traugott 2003; Lord 1976; Lehmann 2002; Saxena 1995]). В частности, от них образуются показатели эвиденциальности и показатели подчинительной связи в полипредикативных конструкциях (*complementizers*), например подчинительные союзы и показатели цитации.

В данной работе подробно рассматривается поведение глагола речи *manaʃ* 'говорить, называть' в марийском языке¹. Деепричастная форма данного глагола грамматикализуется в функции подчинительного союза [Тимофеева 1961; Исанбаев 1961б и др.]. Материал марийского языка интересен тем, что позволяет проследить разные стадии грамматикализации. На примере марийского языка мы можем наблюдать синхронное сосуществование нескольких типов конструкций: функционирование деепричастия и других форм данного глагола как дискурсивного маркера, как цитатного показателя, вводящего чужую речь, и как подчинительного союза.

В основу настоящей статьи легли материалы полевых исследований экспедиций кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ 2000–2001 и 2004 гг. под руководством А.И. Кузнецовой. Это устные тексты и примеры, полученные в ходе опроса носителей сернурского диалекта лугового марийского языка в с. Старый Торъял. В работе также использовались материалы, собранные А.А. Ильевской [Ильевская рук.]. Примеры, взятые из текстов, помечены [Т]; примеры без помет содержат элицированный материал.

Прежде чем перейти к анализу материала марийского языка (раздел 2), в разделе 1 мы рассмотрим более подробно, какие способы кодирования используют языки для передачи чужой речи, и проанализируем, что собой представляет грамматикализация глаголов речи в типологической перспективе. Итоги исследования подведены в разделе 3.

1.2. Особенности передачи чужой речи

1.2.1. Противопоставление прямой и косвенной речи

Как отмечалось выше, сложность интерпретации высказываний, передающих чужую речь, заключается в том, что в данном случае мы имеем «удвоение» ситуации общения: реальную ситуацию общения с реальным говорящим и слушающим и «ментальную» ситуацию общения, описываемую в данном высказывании, со своими говорящим

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РНФ № 14-18-03270 и РФФИ № 13-06-00179 и 13-06-00884. Мы глубоко признательны анонимному рецензенту, предложившему рассматривать свойства *manəp* исходя из выбора наклонения в зависимой предикации, а не из семантики матричного предиката.

и слушающим. Реальной ситуации общения соответствует речевой акт, содержащий сообщение о речевом акте, производимом в «ментальной» ситуации общения². Двум коммуникативным ситуациям могут соответствовать два разных типа кодирования чужой речи: прямая речь (дейктические отсылки даются с точки зрения субъекта глагола речи, например *Он сказал, мол, ухажу*) vs. косвенная речь (дейктические отсылки даются с точки зрения автора текста, т. е. реального говорящего, например *Он сказал, что ухаживает*). Здесь и далее мы будем использовать термины «реальный говорящий / слушающий» для обозначения автора / адресата текста, «текстовый говорящий / слушающий» – для обозначения субъекта / датива главной предикации (с некоторой долей условности в том числе при неречевых глаголах).

Соответственно, возможны два разных режима интерпретации дейктических элементов: интерпретация относительно реального говорящего vs. интерпретация относительно текстового говорящего. Разные режимы интерпретации обсуждаются в работах Е.В. Падучевой (см., например, [Падучева 2001] или [Падучева 1996]). В частности, она говорит о диалогическом (речевом) режиме и гипотаксическом (синтаксическом) режиме интерпретации дейктических элементов соответственно ([Падучева 2001], цитируется по [Падучева 2009: 464]).

Прямую речь определяют обычно как точное воспроизведение речевого акта от лица текстового говорящего с сохранением всех экспрессивных и дейктических элементов. Косвенная речь представляет собой пересказ с точки зрения реального говорящего (ср. [Partee 1973; Есперсен 1958: 338]).

1.2.2. Формальные признаки прямой и косвенной речи

В исследованиях, посвященных прямой и косвенной речи, перечисляются основные признаки, отличающие прямую речь от косвенной (см., например, [Coulmas 1986; Li 1986; Подлеская 1993; Толдова 1999; Литвиненко и др. 2009]). Следующие формальные признаки можно считать базовыми для данного противопоставления:

- оформление зависимого предиката: независимое временное оформление предиката vs. зависимое (согласование времен, различные нефинитные формы, например *Он велел нам уйти*);
- наличие / отсутствие показателя подчинения, в частности цитатных частиц или подчинительных союзов (ср. союзы *that, чтобы*);
- выбор типа местоименных средств для кодирования текстового говорящего: дейктические местоимения (местоимения 1-го и 2-го лица соответственно) vs. анафорические местоимения (*Он сказал: «Я приду»* vs. *Он сказал, что (он) придет*);
- выбор средств кодирования места и времени ситуации (*Он сказал, мол, завтра приду* vs. *Он сказал, что придет на следующий день*);
- наличие специальных единиц, характерных для прямой речи, таких как вокативы и др. обращения, восклицания и т. п. (*Он закричал: «Ух ты! Вася, ты поедешь в Тверь?»* vs. *Он спросил, поеду ли я в Тверь*);
- наличие аппроксиматоров и других единиц, характерных для косвенной речи (*мол, типа, вроде (бы)* и др., ср. *Он сказал: «Наверное, приду»* vs. *Он сказал, вроде бы придет*);
- просодическое оформление чужой речи.

До недавнего времени большинство исследований исходило из дихотомического противопоставления прямой и косвенной речи. Отклонения от канонической ситуации рассматривались многими авторами как характерные для особого типа дискурса (ср. обсуждение различных способов передачи чужой речи в нарративе в [Падучева 1996]). Однако, как показывают типологические исследования конструкций с так называемыми показателями цитации, четкую границу между прямой и косвенной ре-

² Ср. «speech within speech» в [Якобсон 1990].

чью можно провести далеко не всегда (см., например, [Aikhenvald 2008; Толдова 1999]). Сравним следующие примеры из русского языка:

- (1) а. Он₁ написал в письме, я₁, мол, очень занят, приехать не смогу.
б. Он₁ написал в письме, он₁, мол, очень занят, приехать не сможет.
в. Он₁ написал в письме, я₁, мол, должен ему денег.

Во всех трех примерах частица *мол* сигнализирует о том, что происходит передача чужой речи. При этом (1а) и следующие два примера имеют различную интерпретацию с точки зрения референции местоимений. В (1а) местоимение *я* обозначает текстового говорящего, в (1б) в этой цели используется анафорическое местоимение *он*, в (1в) местоимение *я* кодирует реального говорящего, а текстовый говорящий вводится формой *ему*. Таким образом, (1а) демонстрирует «прямооречные» свойства: референт местоимения 1-го лица вычисляется исходя из «системы координат» текстового говорящего (как при прямой речи, ср. *Он написал: «Я занят»*); в (1б) и (1в) референция местоимений определяется с точки зрения реального речевого акта и реального говорящего (как при подчинительном союзе в конструкции косвенной речи, ср. *Он написал, что он занят*). Однако в (1а), как и в остальных двух примерах, можно наблюдать некоторые свойства косвенноречной конструкции: данные предложения могут быть проинтерпретированы так, что зависимая предикация передает сказанное в письме не слово в слово, а лишь основную суть. При этом просодическое оформление зависимой предикации во всех случаях может имитировать передачу чужой речи или же следовать закономерностям просодического оформления сложного предложения, см. подробнее [Литвиненко и др. 2009].

В языках мира возможна также ситуация, при которой текстовый говорящий выражен местоимением 1-го лица в зависимой предикации, а зависимый предикат выражен нефинитной формой (ср. примеры (2) и (9)):

Андийский

- (2) *ilu-di hit'on dijo još-i haGidija-Rod:u*
мать,-ERG сказать.AOR я₁.1SG дочь.2-AFF видеть.MSD-CIT
'Мать сказала, (что) дочь увидит (букв. я дочь увижу)' [Бергельсон рук.: 5].

Приведем исчисление возможных способов оформления чужой речи в русском языке с точки зрения первых трех признаков (см. таблицу 1). (Мы не рассматриваем подробно последние четыре признака из перечисленных выше. Что касается временной референции, в рассматриваемом говоре марийского языка нет эффекта так называемого согласования времен. Временная форма в зависимой предикации выбирается вне зависимости от времени в главной предикации, ср. (20) и (21б) далее. Последние три признака из перечисленных выше не рассматривались нами в марийском языке.)

Таким образом, можно видеть, что в русском языке представлены «смешанные» конструкции, которые не могут быть однозначно отнесены ни к прямой, ни к косвенной речи. Отметим, что комбинации признаков, недопустимые в русском языке, зафиксированы в других языках, например предложение, аналогичное (7), допустимо в андийском языке (2); ср. понятие «полупрямой речи» в [Aikhenvald 2008]. Подробно о проблеме сочетания различных признаков косвенной и прямой речи в русском устном дискурсе см. [Литвиненко и др. 2009].

«Удвоение» говорящего (реальный и текстовый говорящий) характерно не только для глаголов речи, но и для более широкого круга предикатов: предикатов чувств, восприятия, ментальных действий и т. п. Это так называемые модусные глаголы, или предикаты пропозициональной установки. Функции текстового говорящего переносятся на субъект такого модусного глагола – субъект сознания. Нередко при таких глаголах также допустима конструкция прямой речи, ср.: *Он подумал: «Как мне это нравится!»*. Соответственно, еще одним параметром конструкций передачи чужой речи является семантический класс главного предиката, который допускает то же оформление зависимой предикации, что и при глаголах речи, в том числе оформление с помощью конструкции прямой речи.

Таблица 1

Конstituирующие грамматические признаки	Замена местоимений 1-го, 2-го лица на анафорические	Зависимая форма глагола	Наличие показателя подчинительной связи
Косвенная речь			
(3) а. <i>Петя сказал, что принесет книгу.</i>	+	+	+
б. <i>Петя велел Васе принести ему книгу.</i>	+	+	-
в. <i>Он принесет книгу. Он так сказал.</i>	+	-	-
Смешанные конструкции			
(4) <i>Петя_i сказал, мол, он_i принесет книгу.</i>	+	-	+
(5) <i>Петя_i сказал, мол, я_i принесу книгу.</i>	-	-	+
(6) * <i>Петя_i велел Васе принести мне_i книгу.</i>		+	-
(7) * <i>Петя_i договорился, чтобы мне_i принесли книгу.</i>	-	+	+
Прямая речь			
(8) а. <i>Петя сказал: «Я принесу книгу».</i>	-	-	-
б. <i>Петя сказал Васе: «Принеси книгу»</i>			

1.2.2.1. Цитативы vs. подчинительные союзы в языках мира

Как правило, в литературе показатели цитации и подчинительные союзы принято включать в одно множество показателей подчинительной связи. Обычно к цитативам относят показатели, «сохраняющие» конструкцию прямой речи, т. е. дейктические отсылки, экспрессивы и т. п., ср.:

Годоберинский

(9) а. ʃali-di hiL'-i w=ač̣u-qi den du-li
 Али_i-ERG сказать-AOR M=брат_j-AD я_{i/k} ты_j-DAT
 hanqw'u b=iŋi-ŋibu-L'u
 дом N=строить-PTCP.FUT-CIT

'Али сказал брату, что построит ему дом / что я (реальный говорящий) построю ему дом (букв. «Али сказал брату, я, мол, тебе дом построю»)'

б. ...inšo hoŋu-ŋi hanqw'u b=iŋi-ŋibu-L'u
 сам_{i/k} он_j-DAT дом.ABS N=строить-PTCP.FUT-CIT

'Али сказал брату, что построит ему дом / кто-то другой построит ему дом (букв. «сам ему, мол, построит дом»)'

В (9а) текстовый говорящий в зависимой предикации выражен местоимением 1-го лица, а текстовый слушающий – местоимением второго лица. В (9б) для обозначения текстовых говорящего и слушающего используется анафорический тип отсылки. В обоих примерах глагол оформлен нефинитной формой с показателем цитации. Нефинитные формы при цитативах характерны для многих дагестанских языков, ср. [Толдова 1999; Мерданова 2003].

Аналогично примеру (9) «пряморечная» кодировка говорящего при глаголах речи сохраняется в татарском языке в случае оформления зависимой предикации подчинительным показателем – деепричастием от глагола *dip* ‘говорить’:

Татарский
 (10) sin_i [$min_{i,j}$] $bütän$ $kil-mi-m$ $di-p$] $_{3п}$
 ты я в.другой.раз приходить-NEG-1SG говорить-CONV
 ät-te-п.
 говорить-PRT-2SG
 ‘Ты_i сказал, что [ты_j больше не придешь]_{3п} (= Ты сказал: «Я больше не приду»);
 *Ты_i сказал, что [я больше не приду]_{3п}’ [Ханина 2006: 132].

Отличительной чертой показателей цитации является возможность использования дейктических местоимений при отсылке к текстовому говорящему. Наряду с дейктическими местоимениями возможно использование анафорических средств (9б). Подчинительные союзы, как правило, запрещают дейктический способ кодирования актантов зависимой предикации, кореферентных текстовым говорящему и слушающему. В примерах (1) дейктическая отсылка к говорящему возможна только в контексте частицы цитации *мол.* Сравним пример (1а) и (1г):

(1) г. # Он_i сказал, что я_j приду.

Такие примеры широко распространены в устной речи [Литвиненко и др. 2009], однако не являются нормативными в письменном регистре.

Итак, мы определяем цитативы как показатели, не накладывающие ограничений на наличие дейктических отсылок и допускающие обе стратегии кодирования текстовых говорящего и слушающего. К подчинительным союзам мы относим единицы, требующие анафорической стратегии кодирования. Ниже мы продемонстрируем, что показатель *танән*, находящийся в центре внимания настоящей работы, в одних конструкциях выступает как союз, в других – как цитатив.

1.3. Грамматикализация глаголов речи. Типологическая перспектива

Грамматикализации посвящено немало работ, включая [Lehmann 2002; Heine, Reh 1984; Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991; Hopper, Traugott 2003]. Под ней понимают процесс, «в ходе которого лексические единицы и конструкции в определенных контекстах начинают выполнять грамматические функции» [Hopper, Traugott 2003: xv]. Существует множество различных подходов к трактовке этого процесса, однако обсуждение всего их многообразия не входит в цели настоящего исследования. Для нас существенным является вопрос о том, какие изменения в поведении языковой единицы ведут к утрате языковой единицей ее лексической автономности и к приобретению ею грамматических функций. Как отмечают Хайне и Ре, эти изменения являются постепенными и характеризуются следующими признаками: «языковые единицы теряют семантическую сложность, прагматическую значимость, синтаксическую свободу и фонетический материал соответственно» ([Heine, Reh 1984: 15], цит. по [Майсак 2005: 39]). Иными словами, процесс грамматикализации лексической единицы начинается с семантических изменений, в ходе которых происходит «размывание» исходного значения и расширение лексической сочетаемости. В то же время происходит утрата грамматической / синтаксической автономности данной единицы. Существенным для нашего исследования является также взгляд на грамматикализацию как на градуальный процесс, включающий

различные стадии [Heine, Claudi, Hünneymeier 1991]. При этом в языке в один и тот же период времени могут быть представлены разные стадии грамматикализации. Наряду с грамматическими элементами, представляющими собой результат грамматикализации, в языке могут функционировать лексемы, являющиеся источником грамматикализации (см. [Lehmann 2002]), – как это происходит с марийским глаголом речи.

Глаголы речи являются широко распространенным в языках мира источником грамматикализации (см., например, [Harris, Campbell 1995; Hopper, Traugott 2003; Lord 1976; Lehmann 2002; Saxena 1995; Кононов 1953] и др.). Выделяют следующие распространенные стратегии: грамматикализация глаголов речи в показатели цитации, образование подчинительных союзов, развитие показателей эвиденциальности. Процесс перехода глаголов речи в разряд комплементаризеров рассматривается в работах [Lord 1976; Klamer 2000; Güldemann, von Roncador 2002]. Как показывают типологические исследования путей грамматикализации глаголов речи (см., например, [Heine, Kuteva 2002]), расширение функций может происходить следующим образом: некоторая форма одного из глаголов речи начинает употребляться регулярно при передаче чужой речи совместно с другим полнозначным глаголом речи, утрачивая автономность и превращаясь в показатель цитации. Сравним, например, (11a) и (11б) (см. также (9a) и (9б)):

Бесермянский диалект удмуртского языка

(11) а.	apaj-ez	vera-z	ataj-ez-lã	mone	kwaret-i-z
	мать-Р.3SG	говорить-РРТ.3	отец-Р.3SG-DAT	я.ACC	ругать-РРТ-3
	kuž'ãj-e		šuã-sa.		
	начальник-Р.1SG		сказать-CONV		
б.	apaj-ez	vera-z	ataj-ez-lã	soje	kwaret-i-z
	мать-Р.3SG	говорить-РРТ.3	отец-Р.3SG-DAT	этот.ACC	ругать-РРТ-3
	kuž'ãj-ez	šuã-sa.			
	начальник-Р.3SG	говорить-CONV			

'Мать, сказала отцу, что ее, начальник ее, отругал (букв. а. «...что мой, начальник меня, отругал»'; б. «...что ее, начальник отругал ее,») [Serdobolskaya, Toldova 2011: 287].

В (11) присутствует как автономный полнозначный глагол речи *verãñ*, так и деепричастная форма *šuãsa* от другого глагола речи. Если в (11a) референция к текстовому говорящему осуществляется с помощью местоимения 1-го лица и посессивный показатель на существительном *kuž'ãj-e* 'начальник' также имеет форму 1-го лица (дейктический тип отсылки), то в (11б) представлен анафорический тип отсылки. Таким образом, при глаголах речи могут сохраняться свойства прямой речи (11a), хотя это и необязательно (11б). При неречевых главных предикатах чаще используется конструкция с анафорическим типом отсылки, как в (11б).

Как отмечается в [Heine, Kuteva 2002], следующим шагом в процессе грамматикализации глаголов речи является расширение контекстов употребления их форм. Они начинают использоваться при других «неречевых» глаголах, таких как ментальные, эмотивные глаголы. Постепенно они утрачивают непосредственную связь с передачей речи и преобразуются в показатель подчинения (комплементаризер). Такой путь грамматикализации засвидетельствован во многих языках мира, не связанных генетически: в тюркских языках [Кононов 1953], малайско-полинезийских [Klamer 2000], нахско-дагестанских [Daniel 2007], а также в марийском и удмуртском языках [Serdobolskaya, Toldova 2011].

Таким образом, при определении различных стадий грамматикализации глаголов речи следует учитывать следующие параметры³:

- наличие семантических сдвигов: размывание границ значения, расширение сферы употребления; для глаголов речи это возможность употребления форм данных глаголов в контексте «неречевых» матричных предикатов (например, эмотивных), в контексте целевых оборотов, придаточных причины и т. п.;

³ При образовании союзов от данного класса глаголов можно говорить о «грамматикализации через стадию лексикализации» (см. [Lehmann 2002; Майсак 2005]).

- утрата грамматической и семантической автономности: наличие конструкций, в которых позиция глагола в предложении строго фиксирована, а также фиксирована форма глагола;
- возможность анафорической и невозможность дейктической отсылки к текстовому говорящему.

2. ГЛАГОЛ РЕЧИ *manaš*: ПУТИ ЕГО ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

2.1. Глагол *manaš* и вопрос о подчинительном союзе в марийском языке

2.1.1. Трактовка показателя *manən* в литературе по марийскому языку: *деепричастие или союз*

Семантико-синтаксические свойства показателя *manən* привлекают внимание специалистов по марийскому языку. Отмечается, что из других генетически близких финно-угорских языков, случаи грамматикализации глагола речи в функции маркера подчинения засвидетельствованы лишь в удмуртском (удм. *шуыса* от *шуыны* 'сказать'), см. подробнее [Тимофеева 1961; Исанбаев 1961а; 1961б]).

При этом аналогичный процесс грамматикализации глаголов речи в маркеры подчинения широко распространен в тюркских языках. Таким образом, наличие конструкций с деепричастием от глагола речи в марийском и удмуртском языках может объясняться ареальным влиянием тюркских языков [Исанбаев 1961а: 107].

В словарях и работах, посвященных марийскому языку, деепричастие *manən* в репортажных контекстах трактуется как показатель подчинительной связи (см., например, [Галкин 1964: 180; Майтинская 1982: 87]), а также как союз со значением «что, чтобы, так как» (ср. [Современный марийский язык 1961: 75; Тимофеева 1961; Галкин 1964: 297; Коведяева 1976: 86; Васильев, Учаев 2003; Словарь марийского языка 1998: 20]). В работе Н.И. Исанбаева, посвященной, в частности, употреблению формы *manən*, указывается, что «деепричастие *manən*... обычно употребляется для передачи чужой речи и выполняет при ней функцию вводящего слова» [Исанбаев 1961а: 96]. В работе «Служебные слова в финно-угорских языках» К.Е. Майтинская следующим образом описывает образование союза: *manən* – «союз, занимающий замыкающее место в предложении-компоненте... слово, объясняющее статус чужой речи, стояло после чужой речи и сохранило это место и после преобразования в союз» [Майтинская 1982: 85, 87]. (Ср. описание удмуртского показателя *шуыса* в работе [Серебрянников 1963].)

Таким образом, выделяется самостоятельный глагол речи *manaš* и союз *manən*, который оформляет зависимую предикацию в полипредикативной конструкции. Однако не все конструкции с показателем *manən* описываются в вышеприведенных терминах. На основании анализа стратегий кодирования кореферентных участников в предикации с *manən* мы покажем, что в ряде конструкций данный показатель выступает в роли цитатива. Кроме того, личные формы глагола *manaš* могут употребляться как дискурсивные частицы. Соответственно, в современном языке представлено несколько «состояний» глагола *manaš* – полнозначный глагол, дискурсивная частица, цитатный показатель и подчинительный союз.

2.1.2. Формы глагола речи *manaš* в независимом предложении

В марийском языке имеется полнозначный глагол речи *manaš* 'говорить':

- (12) *kugu-rak-še* *man-eš* «*təj* *ajda* *onč'al*, *kudo*
старший-СМРР-Р.3SG говорить-PRS.3SG ты давай смотреть.ИМР который
omarta-že *nelə-rak*, *tudo* *omarta-m* *nal* *kuč'-o*...
улей-Р.3SG тяжелый-СМРР тот улей-АСС взять держать-ИМР
'Старший (брат) говорит: «Ты иди посмотри, какой из ульев тяжелее, тот и возьми» [Т].

- (13) kaste urem-ašte mur-o, dokan «oj tide jü-šö jü-šö
сейчас улица-INESS пить-IMP наверное ой это пить-PTCP.ACT пить-PTCP.ACT
da mur-a» man-ət «jüšö da mur-a».
и поет-PRS.3SG сказать-PRS.3PL пить-PTCP.ACT и пить-PRS.3SG
'Сейчас попробуй-ка запеть на улице, наверное «Ой, он пьяный, пьяный, вот и поет», скажут,
«пьяный, вот и поет»' [Т].

В (12) глагол *manaš* является матричным предикатом, зависимая предикация оформляется как прямая речь. Глагол в зависимой предикации в повелительном наклонении, для референции к текстовому слушающему в ней используется дейктический тип кодирования, то есть местоимение 2-го лица. Главная предикация с рассматриваемым глаголом в предложениях с прямой речью может занимать любую позицию по отношению к собственно прямой речи. В (12) она предшествует прямой речи, в (13) вставлена внутри прямой речи. Таким образом, рассматриваемый глагол выступает как полнозначный и имеет лично-числовую парадигму.

Заметим, что в самостоятельном употреблении глагол *manaš* допускает только дейктический тип кодирования:

- (14) [kol-əm kuč'-aš kaj-em / *kaj-et] man-ən-at
рыба-ACC ловить-INF идти-PRS.1SG идти-PRS.2SG говорить-PRT-2SG
a ške-že diskotek-aš kaj-en-at.
a REFL-P.3SG дискотека-LAT идти-PRT-2SG
'Ты сказал, что идешь ловить рыбу, а сам пошел на дискотеку'.

В (14) субъект зависимой предикации оформляется 1-м лицом, выражая кореферентность текстовому говорящему. Кодирование с точки зрения реального говорящего – 2-м лицом – недопустимо.

Наряду с употреблением данного глагола как полнозначного существуют примеры, где данный глагол используется в функции цитатного показателя или маркера хезитации аналогично таким единицам, как *как говорится*, *грю (говорю)*, *мол*, ср. [Майтинская 1982: 135]. Пример (15) иллюстрирует данную функцию глагола:

- (15) tač'e man-əna ənde š'əla molod'ož-et pogəp-en-na.
сегодня говорить-PRS.1PL теперь вся молодежь-P.2SG собраться-PRT-1PL
'Сегодня мы, вся молодежь, собрались' [Т].

В (15) глагол *manaš*, как и главный глагол, выступает в форме 1-го лица множественного числа, согласуясь с подлежащим главной предикации, т. е. имеет дейктический тип отсылки к реальным участникам речи. С другой стороны, глагол в (15) не обозначает ситуацию речи; данное предложение является началом текста, рассказываемого одним говорящим; далее в тексте нет никакого указания на множественность рассказчиков. Таким образом, нельзя проинтерпретировать *manəna* в (15) как «мы рассказываем». Множественность глагольной формы, по-видимому, связана с эффектом прайминга, т. е. отражает множественность на форме *pogəpetna* 'мы собрались'. То есть форма *manəna* в данном предложении используется не как полнозначный глагол речи, а в качестве маркера хезитации. Рассмотрим также следующий пример:

- (16) me-že tud-lan ojl-əna «jom-əp-na man-əna
мы-PTCL он-DAT говорить-PRS.1PL теряться-PRT-1PL сказать-PRS.1PL
ona pale kuš kaj-aš».
NEG.1PL знать куда идти-INF
'Мы же ей отвечаем: «Потерялись, говорим, не знаем, куда идти»' [Т].

В (16) прямая речь вводится другим полнозначным глаголом речи *ojlaš*, глагол же *manaš* функционирует в данном случае как цитатный показатель, при этом он согласуется с текстовым говорящим.

Примеры (15) и (16) иллюстрируют утрату глаголом самостоятельного значения и самостоятельной функции в предложении в части употреблений. Хотя связь функции глагола с его основным значением не утрачена, в данных примерах он используется как цитатный показатель или маркер хезитации. При этом, в отличие от русской частицы *мол*, глагол речи выступает в финитной форме: сохраняется лично-числовое согласование.

В спонтанных текстах зафиксирована также усеченная форма *тан* от глагола *танаџ* (можно предположить, что это усечение деепричастия *танэн*):

- (17) mōŋgə-štō televizor-əm onč'-ena. ere televizor... man televizor-əm
 дом-INESS телевизор-ACC смотреть-PRS.1PL всегда телевизор говорить телевизор-ACC
 onč'-en-ak šinč'-en ertar-eda žap-šə-m?
 смотреть-CONV-EMPH сидеть-CONV проводить-PRS.2PL время-Р.3SG-ACC
 '[Что вы делаете вечером?] – Дома смотрим телевизор. – Всегда проводите время за телеви-
 зором? (букв. «телевизор... телевизор-асс смотря сидя проводите время）」 [Т].

В этом случае, как можно видеть из контекста, данная форма служит не для передачи ситуации речи, а в целях автокоррекции: говорящий изменяет форму слова 'телевизор' на аккузативную. В текстах также зафиксированы примеры, где данная форма вводит чужую речь.

В говоре с. Старый Торъял также зафиксированы случаи десемантизированного употребления номинализованной формы глагола *танаџ* – пассивного причастия *танте*. Данная форма может использоваться в своем прямом значении, т. е. 'называемое' или 'то, о чем говорят', ср.:

- (18) kəzət-at jal vokte-ne ūžvek šugar man-me ver ul-o.
 сейчас-add деревня около-iness Южвек могила говорить-nzg место быть-prs.3sg
 'И сейчас возле деревни есть место, которое называется «могила Южвека」 [Т].

Однако носители также используют данную форму как комплементаризер в актантных предложениях:

- (19) gveze [[ške iza-ž-lan ūdər-ən sər-en ogəl]
 мальчик REFL старший.брат-Р.3SG-DAT девушка-GEN сердиться-CONV NEG.3SG
 man-mə-lan] kuan-en.
 говорить-NZR-DAT радоваться-PRТ(3SG)
 'Парень обрадовался, что девушка не на его брата обиделась'.

В данном случае *танте* употребляется десемантизированно, т. е. не имеет семантики речи (согласно интерпретации носителей). Согласно нашей выборке такие конструкции возникают при наличии отрицания в актантном предложении, если главный глагол вводит фактивный контекст (см. об оформлении фактивных контекстов в говоре с. Старый Торъял [Сердобольская и др. 2012]). Фактивные контексты требуют номинализации зависимого предиката, в то время как номинализация практически не допускает отрицания (в говоре с. Старый Торъял случаи, когда номинализация выступает с отрицанием, маргинальны). Перифрастическая конструкция с *танте* в примерах, аналогичных (19), вводится именно для выражения отрицания зависимого предиката (в данном случае *sər-en ogəl* 'не сердится'). Таким образом, форма *танте* в (19) не имеет семантики речи и используется десемантизированно, в целях введения отрицания в зависимую предикацию.

2.2. Полипредикативные конструкции с формой *танэн* и зависимым предикатом в индикативе

2.2.1. Поведение *танэн* при глаголах речи

Деепричастие глагола речи *танаџ*, имеющее форму *танэн*, широко используется в репортивных контекстах. Как и во многих других языках, включая русский (ср. *мол*, *грю*), в этих контекстах оно приобретает функции цитатного показателя. Рассмотрим подробнее, каким образом в данной конструкции оформляется чужая речь.

Во-первых, возможно оформление зависимой предикации как прямой речи, т. е. с согласованием глагола в зависимой предикации с текстовым говорящим по 1-му лицу:

(20) *nastač'i jəvan-lan [[jərat-em] manən] ojl-a.*
 Настачи Иван-DAT любить-PRS.1SG COMPL говорить-PRS.3SG
 'Настачи говорит Ивану, что она его любит'.

(21) а. *iza-že šüžar-lan [[joŋələš ul-at] manən] kalas-en.*
 брат-Р.3SG сестра-DAT ошибочно быть-PRS.2SG COMPL сказать-PRТ(3SG)
 'Брат сказал сестре, что она неправ'.

б. *iza-že šüžar-lan [[joŋələš ul-am] manən] kalas-en.*
 брат-Р.3SG сестра-DAT ошибочно быть-PRS.1SG COMPL сказать-PRТ(3SG)
 'Брат сказал сестре, что он неправ'.

В (20) и (21б) кореферентность субъекту главной и зависимой предикации кодируется 1-м лицом (показатель 1-го лица на глаголе в зависимой предикации), в (21а) кореферентность дативному дополнению – 2-м, то есть выбирается дейктический тип кодирования аргументов. Время глагола зависимой предикации выбирается в соответствии с правилами оформления прямой речи: вне зависимости от времени главного глагола (настоящее в (20), прошедшее в (21б)) зависимый предикат выступает в настоящем, отражая одновременность действий главной и зависимой предикации. Глагол *manaš* имеет форму деепричастия, что исключает оформление показателями времени и лично-числового согласования. Форма глагола имеет фиксированное положение – замыкает чужую речь. Речевая ситуация обозначается с помощью другого глагола речи (*kalasaš*).

На такие свойства глагола *manaš* указывают М.П. Чхаидзе, Н.И. Исанбаев и В.Т. Тимофеева [Чхаидзе 1941; Исанбаев 1961а; 1961б; Тимофеева 1961; 1975]. В работе В.Т. Тимофеевой отмечается, что деепричастие допускает дейктический тип кодирования текстового говорящего: «В марийской художественной литературе... отсутствует необходимость замены личной формы глагола-сказуемого, в результате чего косвенная речь по форме совпадает с прямой» [Тимофеева 1975: 101].

В то же время *manən* допускает и анафорический тип кодирования (см. [Тимофеева 1975: 98]), как в косвенной речи:

(22) *üdəg [[ava-že tud-əm molo joč'a de-č' de-č' ot-rak jərat-a] manən] moktan-en.*
 девочка мать-Р.3SG он-ACC другой ребенок около-EL
 много-СМР любить-PRS.3SG COMPL хвастаться-PRТ(3SG)
 'Девочка хвасталась, что мать ее любит больше всех детей'.

Такой тип кодирования недопустим при однозначном употреблении глагола *manaš*, см. (14).

Кодирование временной референции зависимой предикации не зависит от временного плана, к которому относится главный предикат: в (22), как и при дейктической стратегии кодирования (20), используется настоящее для отражения одновременности действий при прошедшем времени главного предиката.

В спонтанных текстах при глаголах речи зафиксирована редуцированная форма данного показателя:

(23) *da teve p'at'ikursn'ik-vlak kalaskal-at dək man*
 да вот пятикурсник-PL рассказывать-PRS.3PL дык говорить
vič' ij tunem-me ik keč'e semən ert-en.
 пять год учение-NZR один день подобно проходить-PRТ(3SG)
 'Да, вот пятикурсники рассказывают, что пять лет учебы прошли как один день' [Т].

Данная форма может использоваться и в простом независимом предложении в функции частицы автокоррекции (17). Отметим, что в (23) *man* занимает неконечную

позицию в зависимой предикации. Подобных примеров с полной формой показателя *manən* нами не зафиксировано.

Таким образом, можно отметить следующие свойства *manən* в рассматриваемом типе контекстов:

- при *manən* зависимая предикация может оформляться как независимое предложение (как прямая речь);
- возможно кодирование актантов прямой речи, совпадающих с текстовыми участниками коммуникации, 1-м и 2-м лицом;
- предикат имеет независимое оформление, включая наклонение и время, согласуется с текстовым говорящим и слушающим по 1-му и 2-му лицу соответственно;
- сохраняется полная деепричастная форма глагола *manaš* (в спонтанной речи, однако, возможна фонетическая редукция);
- сохраняется связь с основным лексическим значением.

Данные свойства свидетельствуют о том, что рассматриваемая форма выступает как показатель цитации: допускается как дейктическая, так и анафорическая отсылка к текстовым говорящему и слушающему.

В этом классе контекстов проявляются следующие свойства, говорящие о грамматикализованности данной формы в функции цитатива:

- возможно (реже, чем дейктическое) анафорическое кодирование актантов;
- данная форма употребляется в присутствии другого матричного глагола речи, не создавая тавтологии;
- данная форма имеет фиксированное положение – замыкает чужую речь.

Таким образом, *manən* при глаголах речи функционирует как цитатный показатель.

Особым образом ведет себя редуцированная форма *man*, допускающая нефинальную позицию в зависимой предикации. Примеры с редуцированной формой, однако, единичны в нашей выборке, поэтому мы не рассматриваем ее подробно.

2.2.2. Сочетание *manən* с неречевыми главными предикатами

В марийском языке возможно расширение функций глагола *manən* с обозначения речи на контекст других модусных глаголов – ментальных и эмотивных. В следующих примерах данная форма употребляется с ментальными глаголами *šonaš* ‘думать’ и *üšanaš* ‘верить’:

(24) akpars [[mal-em] manən] šon-a.
 Акпарс спать-PRS.1SG COMPL думать-PRS.3SG
 ‘Акпарс думает, что он спит’.

(25) iza üšan-a [[šüzar-že ok šojəšt] manən].
 старший.брат верить-PRS.3SG младший.сестра-Р.3SG NEG.3SG врать COMPL
 ‘Брат верит, что сестра его не обманет’.

Как видно из (24), при ментальных глаголах также возможен дейктический тип отсылки к текстовому говорящему: при кореферентности субъектов главной и зависимой предикации зависимый предикат *mal-em* имеет форму 1-го лица. Зависимый глагол оформляется так же, как при прямой речи. В (25) представлена анафорическая стратегия кодирования: для отсылки к текстовому говорящему используется посессивный показатель 3-го лица.

Примеры с ментальными глаголами с некоторой долей условности допустимо трактовать как передачу внутренней речи («Он думает, говоря про себя: ...»), т. е. можно считать, что *manən* выполняет в данном случае функции показателя цитации. Однако данный показатель возможен и при эмотивных глаголах. В (26)–(28) главные предикаты

представляют собой эмотивные глаголы *vožalaš* ‘стесняться’, *kelšaš* ‘нравиться’ и глагол *vuč'aš* ‘ждать’:

(26) māj [[kurtk-əm ė'ij-et] manən] vuč'-em.
я куртка-ACC надевать-PRS.2SG COMPL ждать-PRS.1SG
'Я жду, что ты наденешь куртку'.

(27) ava-ž-lan [[ergə-že saj-ən tunem-eš] manən] kelš-a.
мать- P.3SG-DAT сын- P.3SG хороший-ADV учиться-PRS.3SG COMPL нравиться-PRS.3SG
'Мать довольна, что ее сын хорошо учится'.

(28) iza-m [[šükšö-n mur-em] manən] vožal-eš.
брат- P.1SG плохо-ADV петь-PRS.1SG COMPL стесняться-PRS.3SG
'Мой брат стесняется, что он плохо поет'.

В (27) представлена анафорическая стратегия кодирования: существительное *ergə-že* имеет посессивный показатель 3-го лица, относящийся к субъекту главной предикации (а не 1-го, как было бы при дейктической стратегии кодирования). В (28) зависимый глагол имеет показатель 1-го лица, т. е. используется дейктическая стратегия кодирования актантов. Данная стратегия более редка при эмотивных глаголах, чем при ментальных, однако также является допустимой.

При глаголах восприятия показатель *manən* предпочтителен в том случае, если они употребляются не в своем прямом значении (непосредственное восприятие), а в значении так называемого «когнитивного восприятия» (см. подробнее [Noonan 1985: 129]), поэтому мы не рассматриваем данные глаголы подробно. При предикатах оценки обсуждаемый показатель практически не употребляется.

Во всех приведенных выше примерах глагол в зависимой предикации оформляется индикативом. В зависимости от наличия каузации и желания, чтобы ситуация в зависимой предикации осуществилась, возможно использование в зависимой предикации косвенных наклонений – императива и оптатива. При некоторых матричных предикатах, допускающих конструкцию с косвенным наклонением, зависимый предикат также может выступать в инфинитиве. Случаи, когда зависимый предикат оформляется императивом, оптативом или инфинитивом, рассматриваются в разделе 2.3.

На основе анализа примеров можно сделать следующие выводы о свойствах показателя *manən* в конструкции с индикативом в зависимой предикации:

- в марийском языке класс глаголов, сочетающихся с данной формой в качестве показателя подчинения, достаточно широк; при матричных глаголах, не имеющих семантики речи, форма *manən* употребляется десемантизировано;
- *manən* имеет строго фиксированную позицию;
- для неречевых матричных предикатов более частотно анафорическое кодирование актантов, чем для глаголов речи;
- чем дальше значение глагола от передачи речи, тем более вероятна анафорическая стратегия кодирования актантов; соответственно, эмотивные глаголы чаще присоединяют анафорическую стратегию, чем ментальные.

Таким образом, при эмотивных матричных предикатах *manən* чаще функционирует как подчинительный союз. Ментальные предикаты с равной частотой допускают оба типа конструкций – и конструкции с цитативом, и конструкции с подчинительным союзом.

2.3. *Manən* в конструкциях с императивом, оптативом и инфинитивной формой зависимого предиката

2.3.1. *Manən* в конструкциях речевой каузации

Отдельного внимания заслуживают конструкции с оптативом и императивом в сентенциальном актанте. Императив или оптатив выбирается, если главный предикат обозначает речевую или внеречевую каузацию ('велеть', 'приказать' и т. п.), контроль

субъекта над зависимой ситуацией ('спешить что-л. сделать', 'готовиться что-л. сделать') или выражает стимул при нефактивных эмотивных глаголах ('ждать', 'бояться', 'стесняться', 'остерегаться'). В данном подразделе мы рассмотрим поведение обсуждаемого показателя в контекстах речевой каузации.

(29) məj ava-m-lan kalas-en-am [[mə-lan-em kniga-m pu] manən].
я мать-Р.1SG-DAT говорить-РРТ-1SG я-ДАТ-Р.1SG книга-АСС дать.ИМП COMPL
'Я сказал маме, чтобы она дала мне книгу (букв. «дай мне книгу»)'.

(30) ač'a üdər-lan [[pört muš-šo] manən] küšt-en.
отец дочь-ДАТ дом мыть-ОРТ.СГ COMPL велеть-РРТ(3SG)
'Отец велел дочери вымыть дом (букв. «пусть вымоет дом»)'.

Эта ситуация передачи чужой речи отличается от рассмотренной в п. 2.2 тем, что обычно предполагается кореферентность актанта главной предикации субъекту зависимой: реципиент главного глагола становится тем лицом, которое подвергается побуждению. При передаче чужой речи в данном случае глагол чаще всего оформляется повелительным наклонением (что соответствует дейктической стратегии кодирования аргументов в прямой речи) (29). Возможно также кодирование зависимого предиката оптативом (что соответствует анафорическому типу кодирования актантов) (30).

Такие конструкции рассматриваются в настоящей работе отдельно от конструкций с индикативом, в силу того что при многих главных предикатах они допускают также вариант, где зависимый предикат выступает в инфинитивной форме:

(31) ač'a-že üdər-žə-lan [[küvar-əm mušk-aš] manən] kalas-en.
отец-Р.3SG дочь-Р.3SG-ДАТ пол-АСС мыть-ИМП COMPL говорить-РРТ(3SG)
'Отец велел дочери вымыть пол'.

(32) ava erg-əž-lan [[pareŋg-əm kond-aš] manən] küšt-en.
мать сын-Р.3SG-ДАТ картошка-АСС приносить-ИМП COMPL велеть-РРТ(3SG)
'Мать велела сыну принести картошки'.

Если в (29) и (30) *manən* выступает как цитатив, допускающий и дейктическую, и анафорическую стратегии кодирования, то при инфинитиве в зависимой предикации используется только анафорическая стратегия. Зависимый предикат оформляется инфинитивом, а не финитной формой, как в независимом предложении⁴, т. е. не передает чужую речь буквально – еще одно свойство косвенной речи. Таким образом, в ситуации речевой каузации *manən* функционирует не как цитатив, а как подчинительный союз, в отличие от ситуации передачи чужой речи (когда зависимый предикат оформляется индикативом), ср. п. 2.2.1. В силу этого конструкции речевой каузации представляют собой особый тип, отличный от конструкции передачи речи.

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

- в конструкции с *manən* возможна дейктическая или (реже) анафорическая стратегия кодирования актантов;
- зависимый предикат может выступать в инфинитивной форме, т. е. имеет место не «пряморечное» оформление глагола.

Итак, при наличии в предложении семантики каузации показатель *manən* функционирует или как цитатив, или как союз, присоединяя два различных типа конструкций. Заметим, что это происходит как при глаголах речи (*ojlaš* и *kalasaš* 'говорить'), так и собственно при предикатах речевой каузации (*küštaš* 'приказывать, велеть', *šüdaš* 'приказывать' и др.).

⁴ В марийском языке инфинитив может возглавлять независимое предложение, ср. [Васикова 1976: 47–48]. Однако это возможно при наличии особых модальных значений, например, категорический приказ, необходимость и т. п.

2.3.2. Манэн в сентенциальных актантах с неречевыми предикатами каузации и потенциальной ситуации

Как и в п. 2.2, происходит расширение класса глаголов, с которыми употребляется *манэн*, с глаголов речевой каузации на каузативные глаголы, необязательно предполагающие наличие речевого компонента (*kōnaš* 'соглашаться', *koltaš* 'отпускать' и т. п.), и неречевые глаголы контроля и потенциальной ситуации (*jamdəlaltaš* 'готовиться', *təršaš* 'стараться' и др.).

- (33) а. ач'а ergə-žə-m [[mod] манэн] kolt-əš.
отец сын-Р.3SG-ACC играть.IMP COMPL отпускать-NARR.3SG
б. ач'а ergə-žə-m [[mod-šo] манэн] kolt-əš.
отец сын-Р.3SG-ACC играть-OPT.SG COMPL отпускать-NARR.3SG
в. ач'а ergə-žə-m mod-aš kolt-əš.
отец сын-Р.3SG-ACC играть-INF отпускать-NARR.3SG
'Отец отпустил сына поиграть'.

- (34) joč'a [[ava-že tud-əm muš-šo] манэн] jamde.
ребенок мать-Р.3SG он-ACC мыть-OPT.SG COMPL готов
'Ребенок готов, чтобы мама его искупала'.

Данные типы глаголов допускают как дейктическую, так и анафорическую стратегию, однако анафорическая более частотна. Если субъект зависимой клаузы корреспондент аргументу главной (т. е. в контексте контроля), предпочтителен инфинитив с показателем *манэн* или (чаще) без него (33в).

Те же свойства демонстрирует глагол *kūlaš* 'быть нужным' в конструкции с показателем *манэн* и косвенным наклонением в зависимой предикации:

- (35) [[erg-əže polš-əžo] манэн] ач'а-ž-lan kül-eš.
сын-Р.3SG помогать-OPT.SG COMPL отец-Р.3SG-DAT быть.нужным-PRS.3SG
'Отцу нужно, чтобы сын ему помог'.

В (35) используется анафорическая стратегия кодирования актантов, ср. 3-е лицо посессивного показателя для отсылки к дативу в главной предикации.

При неречевых глаголах данной группы наряду с оптативом / императивом в зависимой предикации может также использоваться индикатив:

- (36) [[tud-əm jod-ət / jod-əšt] манэн] jamdəlalt-en.
он-ACC спрашивать-PRS.3PL спрашивать-OPT.PL COMPL спешить-PRT(3SG)
'Он готовился к тому, чтобы его спросили'.

- (37) [[koč'kəš jamde lij-že] манэн] мəj tunem-ən-am.
еда готов стать-OPT.SG COMPL я привыкать-PRT-1SG
'Я привык, чтобы еда была готова [к моему приходу]'.

- (38) [[ava-m er kən'el-eš] манэн] мəj tunem-ən-am.
мать-Р.1SG рано вставать-PRS.3SG COMPL я привыкать-PRT-1SG
'Я привык, чтобы мама рано вставала'.

Конструкция «инфинитив + *манэн*» встречается в некотором подмножестве контекстов, характерных для инфинитива, – в целевых конструкциях, в контексте предикатов каузации (33в) и потенциальной ситуации, см. [Сердобольская и др. 2012]; при остальных типах матричных предикатов данная конструкция не употребляется.

В этот же класс конструкций попадают конструкции с ментальными и эмотивными предикатами, которые в одном из своих значений допускают оптатив, например глаго-

лами *šonaš* ‘думать’ и *kelšaš* ‘нравиться’ (такое значение они имеют при *manən* с индикативом) в значениях ‘хотеть’ и ‘соглашаться’ соответственно:

(39) ergə-že [[ava-že melna-m küeš-še] manən] šon-a.
сын-р.3sg мать-р.3sg блины-acc печь-опт.sg compl думать-прс.3sg
‘Сын хочет, чтобы мать напекла блинов’.

(40) joč'a [[tud-əm musk-əšt manən] kelš-en.
ребенок он-acc мыть-опт.pl compl нравиться-прт(3sg)
‘Ребенок согласился, чтобы его искупали’.

Как и при каузативных глаголах, в этих конструкциях чаще всего используется анафорическая стратегия (ср. в (39) 3-е лицо посессивного показателя, обозначающего текстового говорящего, и анафорическое местоимение для обозначения текстового говорящего в (40)), однако возможна и дейктическая.

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

- в конструкции с *manən* чаще всего используется анафорическая стратегия кодирования актантов, хотя возможна и дейктическая стратегия;
- ряд неречевых глаголов потенциальной ситуации допускает как косвенные наклонения, так и индикатив;
- при кореферентности субъекту зависимой клаузы чаще всего используется инфинитив; в этом случае возможна конструкция без *manən* (при некоторых матричных предикатах она предпочтительна, ср. (33в)).

2.3.3. Manən в сентенциальных актантах с эмотивными глаголами

Конструкция с косвенными наклонениями при *manən* используются при нефективных эмотивных глаголах *lüdaš* ‘бояться’, *šeklanaš* ‘опасаться’, *vuč'aš* ‘ждать’, *öraš* ‘удивляться, сомневаться’ (в нефективном употреблении) и др. Приведенные ниже примеры иллюстрируют употребление формы *manən* с матричными предикатами ‘бояться’ и ‘ждать’:

(41) [[iktaž-mo ən-že lij] manən] lüd-am.
indef-что neg-опт.sg стать compl бояться-прс.1sg
‘Я боюсь, как бы чего не вышло’.

(42) а. [[una-vlak tol-ət] manən] vuč'-em.
гость-pl приходить-прс.3pl compl ждать-прс.1sg
б. [[una-vlak tol-əšt] manən] vuč'-em.
гость-pl приходить-опт.pl compl ждать-прс.1sg
‘Я жду прихода гостей’.

В этих примерах семантика главного глагола не связана с ситуацией передачи чужой речи. Оптатив зависимого предиката вместо императива гораздо частотней, чем при глаголах речевой каузации. Таким образом, в данных конструкциях *manən* чаще выступает в роли подчинительного союза.

Следует уточнить, что предикаты данного типа допускают в зависимой предикации, кроме оптатива, индикатив (42). Выбор наклонения зависит от наличия компонента желательности: в частности, носители комментируют примеры (42а) и (42б) как «Я хочу, чтобы гости пришли» vs. «Я ожидаю, что гости придут (неизвестно, хочу я этого или нет)». Аналогичное различие прослеживается в семантических сдвигах, наблюдаемых при глаголах *šonaš* ‘думать’ и *kelšaš* ‘нравиться’ (примеры (39) и (40) соответственно), а также при предикатах каузации и потенциальной ситуации, ср. (37) и (38).

В конструкциях, рассматриваемых в настоящем подразделе, инфинитив при *manən* недопустим. Рассмотрим примеры с глаголом *šeklanaš* 'остерегаться, опасаться':

(43) [[memna-m ənəšt pušt] manən] šeklan-ena.
мы-ACC NEG.OPT.PL убить COMPL опасаться-PRS.1PL
'Мы остерегаемся, чтобы нас не убили'.

(44) *[[təšte košt-aš] manən] šeklan-em.
здесь ходить-INF COMPL опасаться-PRS.1SG
'Я опасаюсь там ходить'.

Из примера (43) видно, что данный глагол присоединяет конструкцию с показателем *manən* и оптативом, однако инфинитив с *manən* невозможен (44).

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

- в конструкции с *manən* и формой косвенного наклонения при эмотивных глаголах преимущественно используется анафорическая стратегия кодирования актантов;
- предикаты данного типа допускают как косвенные наклонения, так и индикатив;
- зависимый предикат не может выступать в инфинитивной форме.

Таким образом, учитывая строгие ограничения на стратегию оформления аргументов зависимой предикации, *manən* при эмотивных глаголах чаще всего выступает в роли подчинительного союза.

2.3.4. Поведение *manən* в обстоятельственных предложениях цели и причины

Следующим шагом «отдаления» формы *manən* от передачи чужой речи является распространение функций этой формы на обстоятельственные предложения со значением цели (39) и причины (40):

(45) [[məj-ən joč'a-vlak-em institut-əšto tunem kert-əšt] manən]
я-GEN ребенок-PL-P.1SG институт-INESS учиться мочь-OPT.PL COMPL
məj č'ot paša-m əšt-aš tūgal-am.
я много работа-ACC делать-INF начать-PRS.1SG
'Я буду много работать, чтобы мои дети смогли учиться в институте'.

(46) [[en onč'əč' kurž-ən tol-ən] manən] pet'a-lan ikəmše
самый впереди бегать-CONV приходить-PRT(3SG) COMPL Петя-DAT первый
ver-əm pu-en-ət.
место-ACC давать-PRT-3PL
'Пете дали первое место за то, что он прибежал быстрее всех'.

В таких конструкциях чаще всего используется анафорическая стратегия кодирования аргументов, ср. в (46) 3-е лицо зависимого предиката при обозначении кореферентности дативному участнику в главной предикации.

При кореферентности субъектов главной и зависимой предикации в целевых конструкциях чаще всего используется инфинитив без *manən*:

(47) jadəkplak-əšte ilə-še č'omək kugəza da tošto torjal-əšte ilə-še
Ядыкплак-INESS жить-PTCP.ACT Чомык старик и старый Торьял-INESS жить-PTCP.ACT
kori kugəza [unala vaš-vaš košt-aš] pikš de-ne lūj-en-ət ulmaš.
Кори старик в.гости RECP ходить-INF стрела около-INESS стрелять-PRT-3PL EVID
'Чтобы ходить друг к другу в гости, дед Чомык из Ядыкплака и дед Кори из Старого Торьяла пускали стрелы' [T].

Однако показатель *manən* употребляется, если в зависимой клаузе содержится отрицание:

(48) [[paša-lan tül-aš ogəl] manən] kəč'altəl-eš.
работа-DAT платить-INF NEG.PRS.3SG COMPL придирается-PRS.3SG
'Он придирается, чтобы не заплатить за работу'.

Выражение отрицания непосредственно при инфинитиве затруднительно (нами зафиксированы примеры, где в этих целях используется форма отрицательного глагола *ogəl* и *ogəl-lan* с дательным падежом [Сердобольская и др. 2012: 397], однако данные примеры достаточно редки и не всегда допускаются носителями), поэтому конструкция с *manən* в этом случае выбирается для введения отрицания (ср. использование формы *mante* для выражения отрицания в номинализации (19)).

В обстоятельственных конструкциях при кореферентности субъектов также возможна дейктическая стратегия кодирования (49а). Такие примеры признаются не всеми носителями, в отличие от (49б), где используется конструкция с инфинитивом при *manən*, и (46), где выбирается анафорическая стратегия (зависимый предикат согласуется с дативным участником по 3-му лицу).

- (49) а. [[korem-əʃ kaj-em] manən] tudo kem-əm ɕ'ij-en.
 овраг-ЛАТ идти-PRS.1SG COMPL он сапог-ACC надевать-PRТ(3SG)
 б. [[korem-əʃ kaj-aʃ] manən] tudo kem-əm ɕ'ij-en.
 овраг-ЛАТ идти-INF COMPL он сапог-ACC надевать-PRТ(3SG)
 'Он надел сапоги, чтобы пойти к оврагу'.

По мнению носителей, несмотря на дейктическую стратегию кодирования в (49а), данное предложение не требует «речевой» интерпретации *manən* (букв. «говоря "Я пойду к оврагу"») – т. е. возможна полная утрата рассматриваемой формой семантической связи с исходным глаголом речи и приобретение ею функции подчинительного союза.

Конструкция с инфинитивом, как уже говорилось выше, также является частным случаем употребления *manən* в роли подчинительного союза.

Заметим, что в обстоятельственных конструкциях допустим как индикатив, так и косвенные наклонения в зависимой предикации⁵, ср. (45) и (49а).

Перечислим свойства рассмотренных конструкций:

- в обстоятельственных конструкциях с *manən* допустим как индикатив, так и косвенное наклонение зависимого предиката;
- используется преимущественно анафорическая стратегия кодирования актантов, однако дейктическая стратегия также допустима;
- в случае кореферентности субъектов зависимый предикат чаще всего выступает в инфинитивной форме.

Таким образом, *manən* в обстоятельственных предложениях чаще всего демонстрирует свойства подчинительного союза, однако может выступать и как цитатив, как в (49а).

2.4. Выбор стратегии кодирования актантов (дейктическая vs. анафорическая) и их синтаксическая позиция в зависимой клаузе

На выбор стратегии кодирования аргументов зависимой клаузы оказывает влияние не только наличие ситуации речи, тип главного предиката и т. п., но и синтаксическая позиция аргумента в зависимой клаузе. Сравним следующие примеры:

- (50) а. iza-že šūžar-lan [[joŋələʃ ul-at] manən] kalas-en. (= 21)
 брат-Р.3SG сестра-ДАТ ошибочно быть-PRS.2SG COMPL сказать-PRТ(3SG)
 'Брат сказал сестре, что она была не права'.
 б. iza-že šūžar-lan [[joŋələʃ ul-am] manən] kalas-en.
 брат-Р.3SG сестра-ДАТ ошибочно быть-PRS.1SG COMPL сказать-PRТ(3SG)
 'Брат сказал сестре, что он был не прав'.

⁵ По-видимому, в целевых конструкциях чаще используется оптатив, в ситуации причины – индикатив. Однако данные выводы являются предварительными и требуют проверки.

- (51) *iza-že_i šūžar-žə-lan [[maska tud-əm_i susərt-en]*
 брат-Р.3SG сестра-Р.3SG-DAT медведь он-ACC ранить-РРТ(3SG)
manən] kalas-əš.
 COMPL говорить-NARR(3SG)
 'Брат сказал сестре, что медведь его поранил'.

Как показано в п. 2.2.1, при глаголах речи наиболее частотна дейктическая стратегия кодирования актантов зависимой предикации, однако анафорическая также возможна. По нашим данным, дейктическая стратегия высокочастотна в том случае, если кореферентный участник в зависимой предикации является подлежащим, как в (50). При этом нерелевантно, кодирует данная группа текстового говорящего (50б) или слушающего (50а). Если кореферентный участник не является подлежащим в зависимой клаузе (мы проверяли следующие типы аргументов: прямое дополнение, не прямое дополнение и посессивный показатель на одной из именных групп), анафорическая стратегия выбирается чаще (51). Приведем аналогичные примеры для контекста главного глагола *šonaš* 'думать': в (52а) 1-е лицо согласования на зависимом глаголе обозначает кореферентность подлежащего текстовому говорящему, в том время как в (52б) прямое дополнение, кореферентное текстовому говорящему, кодируется анафорическим местоимением и используется посессивный показатель 3-го лица для отсылки к текстовому говорящему.

- (52) а. *jəvan [[ola-ške kaj-em] manən] šon-a.*
 Иван город-ИЛЛ идти-PRS.1SG COMPL думать-PRS.3SG
 'Иван думает, что он поедет в город'.
 б. *jəvan [[veŋ-əže tud-əm pagal-a] manən] šon-a.*
 Иван зять-Р.3SG он-ACC уважать-PRS.3SG COMPL думать-PRS.3SG
 'Иван думает, что зять его уважает'.

В ситуации речевой каузации при кореферентности подлежащего зависимой предикации текстовому слушающему может использоваться как дейктическая (29), так и анафорическая (30) стратегия; при кореферентности посессивного показателя текстовому слушающему чаще используется анафорическая стратегия:

- (53) *[[šūžar-že mannoj kaše koč'-šo] manən]*
 младшая.сестра-Р.3SG манной каша есть-OPT.SG COMPL
ava-že ergə-ž-lan šūd-en.
 мать-Р.3SG сын-Р.3SG-DAT велеть-РРТ(3SG)
 'Мать велела сыну, чтобы (его) сестренка поела манной каши'.

Данное обобщение верно для всех типов контекстов, в которых употребляется показатель *manən*: в общем и целом в одном и том же контексте анафорическая стратегия встречается чаще, если кореферентный участник не является подлежащим.

Таблица 2 суммирует данные о частотности стратегий кодирования актантов для разных типов кореферентности актантов главной и зависимой предикации в зависимости от типа контекста. Частотность той или иной стратегии определялась по имеющемуся у нас корпусу примеров.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели свойства глагола *manaš* и показателя *manən* в различных конструкциях. Поведение этой формы в полипредикативных конструкциях при разных семантических классах предикатов отражает разную степень ее грамматикализации, постепенную утрату связи с основным значением глагола *manaš* и переход в разряд служебных частей речи. При определении степени и пути грамматикализации данной формы мы анализировали следующие параметры: стратегия кодирования кореферентности актантов главной и зависимой предикации (дейктическая, т. е. «пряморечная»,

Таблица 2

Тип кореферентности Класс глагола	П/ПД/НД ⁶ в главной клаузе кореферентен П в зависимой клаузе	П/ПД/НД в главной клаузе кореферентен ПД/НД/ПОСС в зависимой клаузе
Конструкции с индикативом⁷ в зависимой предикации		
глаголы речи: 'сказать', 'говорить'	дейктическая>> анафорическая	дейктическая/анафорическая
ментальные глаголы: 'думать', 'знать', 'верить'	дейктическая/ анафорическая	анафорическая>> дейктическая
эмотивные глаголы: 'радоваться', 'сердиться'	анафорическая>> дейктическая	анафорическая
Конструкции с косвенным наклонением или инфинитивом в зависимой предикации		
речевая каузация: 'приказывать', 'просить', 'велеть' и др.	дейктическая/ инфинитив>> анафорическая	дейктическая/анафорическая
предикаты каузации: 'согласиться', 'научить', 'отпускать' и др.	инфинитив>> анафорическая/ дейктическая	анафорическая>> дейктическая
предикаты потенциальной ситуации: 'стараться', 'спешить', 'готовиться' и др.	инфинитив>> анафорическая>> дейктическая	анафорическая
нефактивные эмотивные глаголы: 'стесняться', 'ждать', 'бояться' и др.	анафорическая>> дейктическая	анафорическая
обстоятельственные конструкции цели	инфинитив>> анафорическая>> дейктическая	анафорическая
обстоятельственные конструкции причины	анафорическая>> дейктическая	анафорическая

vs. анафорическая как характерная для косвенной речи) и возможность инфинитива в зависимой предикации. Предполагается, что цитатив сочетается с обеими стратегиями кодирования аргументов и не допускает инфинитив, в то время как подчинительный союз требует анафорической стратегии кодирования или инфинитива в зависимой предикации.

Согласно данным параметрам, конструкции с показателем *тапэн* разбиваются на классы, зависящие от семантики (наличия компонента каузации, потенциальности и

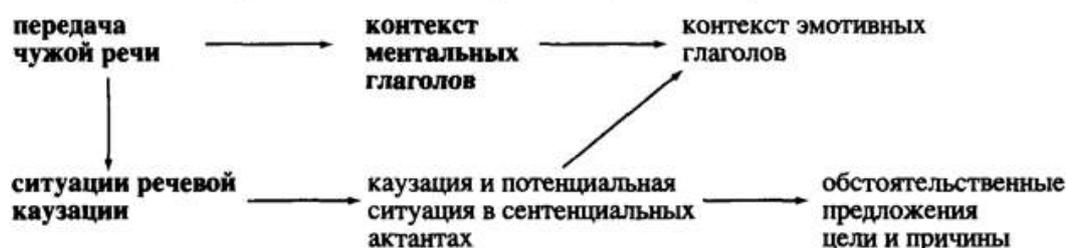
⁶ Обозначения в таблице: П – подлежащее, ПД – прямое дополнение, НД – не прямое и косвенное дополнение, ПОСС – посессивный показатель на одной из именных групп; знак '/' обозначает, что обе стратегии одинаково частотны; знак '>>' обозначает, что первая стратегия более частотна, чем вторая.

⁷ Уточним, что один и тот же матричный предикат может попадать в оба класса конструкций, например, глаголы речи ('сказать', 'говорить') могут вводить ситуации речевой каузации; нефактивные эмотивные глаголы могут присоединять как индикатив, так и косвенные наклонения и т. п.

желательности ситуации в зависимой предикации) и от наклонения в зависимой предикации (индикатив vs. косвенные наклонения). При глаголах речи в конструкции с индикативом *танэп* ведет себя как цитатив. В ситуации речевой каузации, однако, данный показатель может функционировать как подчинительный союз (т. е. допускать инфинитив). С ментальными глаголами показатель *танэп* может проявлять свойства цитатива или подчинительного союза. При эмотивных глаголах, а также при предикатах каузации и потенциальной ситуации анализируемый показатель выступает в роли подчинительного союза; реже допустимы конструкции, характерные для цитатива. То же верно для обстоятельственных предложений со значением причины и цели. Таким образом, чем дальше значение конструкции от семантики передачи чужой речи, тем менее частотна дейктическая стратегия кодирования.

Опираясь на обсуждаемые параметры, мы предполагаем, что грамматикализация показателя *танэп* в марийском языке происходила в несколько этапов. На первом этапе анализируемая единица выступает в роли цитатива, на втором функционирует как подчинительный союз. Этапы грамматикализации глагола *танаӥ* в марийском языке можно представить в виде схемы 1.

Схема 1. Показатель *танэп* как цитатив и как подчинительный союз в полипредикативных конструкциях лугового марийского языка

Полужирным на схеме отмечены классы контекстов, в которых анализируемый показатель может выступать как цитатив (т. е. допускает дейктическую стратегию кодирования актантов и не допускает инфинитив). В остальных случаях данная конструкция возможна, однако предпочтительна конструкция, где *танэп* функционирует как подчинительный союз.

Следует уточнить, что для выбора стратегии кодирования актанта важна его синтаксическая позиция в зависимой предикации. Анафорическая стратегия более вероятна, если кореферентный участник не является подлежащим.

Конструкции с индикативом, по-видимому, проходят путь от передачи чужой речи через ментальные глаголы к контексту эмотивных глаголов в синтаксическом актанте (верхняя строка схемы 1). Конструкции с косвенными наклонениями возникают как средство обозначения речевой каузации и затем начинают употребляться для обозначения неречевой каузации и потенциальной ситуации при глаголах 'готовиться', 'стараться' и т. п., а также в обстоятельственных конструкциях (нижняя строка схемы 1). В этих контекстах, как и при эмотивных глаголах, допустим как индикатив, так и косвенные наклонения. Поскольку из эмотивных глаголов такое употребление возможно только при нефактивных глаголах, у которых ситуация в зависимой предикации является потенциально возможной (например, 'Жду / боюсь, что встречу Петю (сейчас)') или генерической ('Я боюсь ходить в лес (вообще)'), можно предположить, что данное употребление развивается из контекста глаголов потенциальной ситуации. Это соответствует выбору стратегии кодирования актантов в зависимой предикации: и при предикатах потенциальной ситуации, и при эмотивных глаголах чаще всего выбирается анафорическая стратегия. Обстоятельственные употребления, по-видимому, развиваются из глаголов потенциальной ситуации – как и последние, они допускают и косвенные наклонения, и индикатив и в основном требуют анафорической стратегии кодирования.

Итак, можно охарактеризовать процесс грамматикализации показателя *танэн* следующим образом:

- 1) деепричастная форма *танэн* начинает употребляться для кодирования прямой речи в качестве показателя цитации;
- 2) происходит расширение класса конструкций, в которых употребляется эта форма: она начинает употребляться при глаголах, не имеющих семантики речи (ментальных, эмотивных и др.);
- 3) с другой стороны, в качестве показателя цитации *танэн* употребляется при глаголах речевой каузации с оформлением зависимого глагола императивом;
- 4) расширяется класс глаголов (на неречевые предикаты каузации и потенциальной ситуации) – императив чаще заменяется оптативом и инфинитивом;
- 5) в ситуациях каузации и потенциальной ситуации утрачивается независимое финитное оформление зависимого предиката, характерное для ситуации передачи чужой речи, начинает употребляться инфинитив с показателем *танэн*;
- 6) дейктическая стратегия кодирования актантов зависимого предиката становится более редкой в неречевых контекстах;
- 7) происходит распространение рассматриваемых конструкций на обстоятельственные предложения;
- 8) показатель *танэн* грамматикализуется в подчинительный союз.

Таким образом, марийский материал является дополнительным подтверждением путей грамматикализации глаголов речи. При этом пример марийского языка представляет интерес в силу того, что в нем на синхронном уровне сосуществуют различные стадии грамматикализации глагола *манаӧ*. Далее, уточняется схема грамматикализации глаголов речи, имеющая в типологических работах вид *глагол речи > цитатив > подчинительный союз*, ср. [Güldemann, von Roncador 2002]. Мы показываем, что для марийского языка разный путь грамматикализации проходят конструкции передачи речи (мысли, эмоции и т. п.) vs. конструкции речевой каузации и потенциальной ситуации. Во втором типе контекстов процесс грамматикализации, по-видимому, идет быстрее, чем в первом: в конструкции речевой каузации при глаголах речи обсуждаемый показатель довольно часто ведет себя, как подчинительный союз (допускающий нефинитную зависимую предикацию), в то время как в ситуации передачи речи при тех же глаголах такого не происходит (показатель *танэн* практически всегда выступает как цитатив, что проявляется в выборе стратегии оформления актантов).

Распределение функций различных форм данного глагола представлено на схеме 2.

Схема 2. Функции различных форм глагола *манаӧ* в луговом марийском языке

СПИСОК ГРАММАТИЧЕСКИХ ГЛОСС

ABS	абсолютив	INESS	инессив
ACC	аккузатив	INF	инфинитив
AD	локализации «около»	LAT	латив
ADD	аддитивная частица	M	мужской согласовательный класс
ADV	адвербиализатор	MSD	масдар
AFF	аффектив	N	средний согласовательный класс
AOR	аорист	NARR	нарративное прошедшее
CIT	цитатив	NZR	номинализатор
CMPR	сравнительная частица	NEG	отрицание
COMPL	комплементаризатор	OPT	оптатив
CONV	конверб	1/2/3SG/PL	лично-числовые показатели
DAT	датив	P	посессивный показатель
EL	элатив	PL	множественное число
EMPH	эмфатическая частица	PRS	настоящее время
ERG	эргатив	PRT	претерит
EVID	показатель эвиденциальности	PTCL	частица
FUT	будущее время	PTCP	причастие
GEN	генитив	PTCP.ACT	активное причастие
ILL	иллатив	REFL	рефлексив
IMP	императив	RECP	реципрок
INDEF	показатель неопределенности	SG	единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бергельсон рук. – Бергельсон М.Б. Конструкции с сентенциальными актантами в андийском языке. Отчет по материалам экспедиции в с. Анди Республики Дагестан. Рукопись. [Bergel'son M.B. *Complementation in Andi. The report on the fieldtrip in the village of Andi in the Republic of Dagestan*. Unpublished.]
- Васикова 1976 – Васикова Л.П. Некоторые особенности инфинитивов в современном марийском языке // Гордеев Ф.И. (ред.). Вопросы марийского языкознания. Киров: Кировский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, 1976. [Vasikova L.P. Some peculiarities of the infinitives in Modern Mari. *Voprosy mariiskogo yazykoznaniya*. Gordeev F.I. (ed.). Kirov: Kirov State Ped. Inst., 1976.]
- Васильев, Учаев 2003 – Васильев В.М., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. Т. 4. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. [Vasil'ev V.M., Uchaev Z.V. *Mariisko-russkii slovar'* [Mari-Russian dictionary]. Vol. 4. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 2003.]
- Галкин 1964 – Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964. [Galkin I.S. *Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of Mari. Morphology]. Part 1. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1964.]
- Есперсен 1958 – Есперсен О. Философия грамматики. М.: ИИЛ, 1958. [Jespersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow: Inostrannaya Literatura, 1958.]
- Ильевская рук. – Ильевская А.А. Конструкции с сентенциальными актантами в марийском языке. Отчет по материалам экспедиции в с. Старый Торьял республики Марий Эл. Рукопись. [Il'evskaya A.A. *Complementation in Mari. The report on the fieldtrip in the village of Staryi Toryal in the Republic of Marii El*. Unpublished.]
- Исанбаев 1961a – Исанбаев Н.И. Особенности употребления *маньн* и *лийьн* в марийском языке // Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1961. Вып. 15. [Isanbaev N.I. Peculiarities of the use of *manən* and *lijən* in Mari. *Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. 1961. No. 15.]
- Исанбаев 1961б – Исанбаев Н.И. Употребление деепричастия *маньн* «говоря» // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1961. Вып. 15. С. 96–111. [Isanbaev N.I. The use of the converb *manən* 'saying'. *Voprosy yazyka, literatury i fol'klora. Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. 1961. No. 15. Pp. 96–111.]

- Коведяева 1976 – Коведяева Е.И. Марийский язык // Лыткин В.И., Майтинская К.Е., Редей К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. [Kovedyayeva E.I. Mari. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Mariiskii, permskie i ugorskie yazyki*. Lytkin V.I., Maitinskaya K.E., Redei K. (eds). Moscow: Nauka, 1976.]
- Кононов 1953 – Кононов А.Н. О союзном слове *diye* в турецком языке // Баскаков Н.А. (отв. ред.). Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. М.: Издательство АН СССР, 1953. [Kononov A.N. On the conjunction *diye* in Turkish. *Akademiku V.A. Gordlevskomu k ego 75-letiyu*. Baskakov N.A. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1953.]
- Литвиненко и др. 2009 – Литвиненко А.О., Коротаев Н.А., Кибрик А.А., Подлеская В.И. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.). Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 288–308. [Litvinenko A.O., Korotaev N.A., Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Quotative constructions, or constructions with indirect speech. *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 288–308.]
- Майсак 2005 – Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T.A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [A typology of grammaticalization of the constructions with verbs of motion and position]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]
- Майтинская 1982 – Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. [Maitinskaya K.E. *Sluzhebnye slova v finno-ugorskikh yazykakh* [Connective words in Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Мерданова 2003 – Мерданова С.Р. Нестандартная грамматикализация глагольных конструкций (на материале агульского языка) // Храковский В.С. (отв. ред.). Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. СПб.: Наука, 2003. [Merdanova S.R. Non-standard grammaticalization patterns of verbs (based on Agul). *Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeistvie*. Khrakovskii V.S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2003.]
- Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Studies in semantics. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantic of the narrative]. Moscow: Shkola Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2001 – Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Белошапкова Т.В., Шмелева Т.В. (ред.). Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти В.А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001. С. 184–197. [Paducheva E.V. Modality in the light of deixis. *Traditsionnoe i novoe v russkoi grammatike. Sbornik statei pamyati V.A. Beloshapkovoi*. Beloshapkova T.V., Shmeleva T.V. (eds). Moscow: Indrik, 2001. Pp. 184–197.]
- Падучева 2009 – Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. [Paducheva E.V. *Stat'i raznykh let* [Selected papers]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009.]
- Подлеская 1993 – Подлеская В.И. Сложное предложение в современном японском языке: материалы к типологии полипредикативности. М.: ИВРАН, 1993. [Podlesskaya V.I. *Slozhnoe predlozhenie v sovremennoi yaponskom yazyke: materialy k tipologii polipredikativnosti* [Subordination in Modern Japanese: materials to a typology of subordination]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1993.]
- Сердобольская и др. 2012 – Сердобольская Н.В., Ильевская А.А., Минор С.А., Митева П.С., Файнвейц А.В., Матвеева Н.С. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках // Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю., Сай С.С., Калинина Е.Ю. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 382–476. [Serdobol'skaya N.V., Il'evskaya A.A., Minor S.A., Miteva P.S., Fainveits A.V., Matveeva N.S. Complementation in Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A.I., Serdobol'skaya N.V., Toldova S.Yu., Sai S.S., Kalinina E.Yu. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 382–476.]
- Серебренников 1963 – Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Издательство АН СССР, 1963. [Serebrennikov B.A. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of Permic languages]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963.]

- Словарь марийского языка 1998 – Словарь марийского языка. Т. 4. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998. [*Mari dictionary*. Vol. 4. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1998.]
- Современный марийский язык 1961 – Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [*Modern Mari. Morphology*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1961.]
- Тимофеева 1961 – Тимофеева В.Т. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [Timofeeva V.T. *Sovremennyi mariiskii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Mari. Syntax of subordination]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe Knizhnoe Izd., 1961.]
- Тимофеева 1975 – Тимофеева В.Т. Особенности косвенной речи в марийском языке // Исанбаев Н.И. (ред.). Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: НИИ при Совете министров МарССР, 1975. С. 95–101. [Timofeeva V.T. Peculiarities of indirect speech in Mari. *Voprosy mariiskogo yazyka*. Isanbaev N.I. (ed.). Ioshkar-Ola: Mari Research Institute for Languages, Literature, and History, 1975. Pp. 95–101.]
- Толдова 1999 – Толдова С.Ю. Особенности местоименной референции при передаче чужой речи (между дейксисом и анафорой) // Нариньяни А.С. (ред.). Труды Международного семинара «Диалог'99» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: РосНИИ искусственного интеллекта, 1999. [Toldova S.Yu. Peculiarities of pronoun reference in direct and indirect speech (between deixis and anaphora). *Trudy Mezhdunarodnogo seminar «Dialog'99» po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam*. Moscow: Russian Research Institute of Artificial Intelligence, 1999.]
- Ханина 2006 – Ханина О.В. Конструкции с грамматикализованным конвербом глагола речи // Казенин К.И., Лютикова Е.А., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2006. С. 126–140. [Khanina O.V. Constructions with the grammaticalized converb of the verb of speech. *Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Oчерki po sintaksisu i semantike*. Kazenin K.I., Lyutikova E.A., Solov'ev V.D., Tatevosov S.G. (eds). Kazan: Magarif, 2006. Pp. 126–140.]
- Чхайдзе 1941 – Чхайдзе М.П. Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М.: Учпедгиз, 1941. [Chkhaidze M.P. *Sintaksis lugovo-vostochnogo mariiskogo yazyka* [Syntax of Eastern Mari]. Moscow: Uchpedgiz, 1941.]
- Aikhenvald 2004 – Aikhenvald A.Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2008 – Aikhenvald A.Yu. Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language sciences*. 2008. Vol. 30. No. 4. Pp. 383–422.
- Coulmas 1986 – Coulmas F. Reported speech: Some general issues. *Direct and indirect speech: A functional study*. Coulmas F. (ed.). New York: Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 1–28.
- Daniel 2007 – Daniel M.A. Reported illocution: data from several Daghestanian languages. *Handout from the Conference on the languages of the Caucasus, Leipzig, 7–9 December 2007*.
- Güldemann, von Roncador 2002 – Güldemann T., von Roncador M. (eds). *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Harris, Campbell 1995 – Harris A., Campbell L. *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Heine, Claudi, Hünnemeyer 1991 – Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization: a conceptual framework*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Heine, Kuteva 2002 – Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Heine, Reh 1984 – Heine B., Reh M. *Grammaticalization and reanalysis in African languages*. Hamburg: Helmut Buske, 1984.
- Hopper, Traugott 2003 – Hopper P.J., Traugott E.C. *Grammaticalization*. 2d rev. ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Klamer 2000 – Klamer M. How report verbs become quote markers and complementizers. *Lingua*. 2000. Vol. 110. Pp. 69–98.
- Lehmann 2002 – Lehmann Ch. *Thoughts on grammaticalization*. 2d rev. ed. Erfurt: Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität, 2002.
- Li 1986 – Li Ch.N. Direct and indirect speech: a functional study. *Direct and indirect speech: A functional study*. Coulmas F. (ed.). New York: Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 29–46.
- Lord 1976 – Lord C. Evidence for syntactic reanalysis: from verb to complementizer in Kwa. *Papers from the parasession on diachronic syntax*. Chicago: Chicago linguistic society, 1976. Pp. 179–191.
- Noonan 1985 – Noonan M. Complementation. *Language typology and syntactic description*. Shopen T. (ed.). Vol. 2: Complex constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 42–140.

- Partee 1973 – Partee B.H. The syntax and semantics of quotation. *A Festschrift for Morris Halle*. Anderson S.R., Kiparsky P. (eds). New York: Holt, Reinhart and Winston, 1973. Pp. 410–418.
- Saxena 1995 – Saxena A. Unidirectional grammaticalization: diachronic and cross-linguistic evidence. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1995. Bd 48. Ss. 350–372.
- Serdobolskaya, Toldova 2011 – Serdobolskaya N.V., Toldova S.Yu. Grammaticalization of the verb of speech in Finno-Ugric languages. *Proceedings of the Congressus XI internationalis fenno-ugristarum*. Budapest: Reguly Társaság, 2011.

Сведения об авторах:

Светлана Юрьевна Толдова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» / Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова
toldova@yandex.ru

Наталья Вадимовна Сердобольская
Российский государственный гуманитарный
Университет / Московский государственный
гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
serdobolskaya@gmail.com

Information about the authors:

Svetlana Yu. Toldova
National research university «Higher
school of economics» / Lomonosov
Moscow state university
toldova@yandex.ru
Moscow / Russia

Natalia V. Serdobolskaya
Russian state university for the
humanities / Sholokhov Moscow state
university for the humanities
serdobolskaya@gmail.com
Moscow / Russia

Статья поступила в редакцию 26.01.2014.

© 2014 г. А.С. ЗВЕРЕВ

**ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ КОНЦА ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ ПИСЬМЕННОГО
ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА***

Несмотря на исключительно важную роль знаков препинания в структуре японского текста, пунктуация по-прежнему остается практически неизученным компонентом японской письменности. В настоящей статье пунктуационные единицы получают развернутое описание на основе теоретического аппарата, разработанного для непунктуационных служебных показателей, и в результате наравне с последними встраиваются в общую систему письменного языка. Возможности развиваемого подхода демонстрируются на материале японских знаков препинания конца предложения, которые обнаруживают определяющие свойства модально-экспрессивных заключительных частиц.

Ключевые слова: японский язык, знаки препинания, пунктуация, заключительные частицы, модально-экспрессивные частицы, точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, тильда

The Japanese punctuation should be considered as an integral part of the authentic writing system. However, the importance of this field used to be underestimated and until the mid-1980s there appeared to be very few linguistic works on this subject. The latest years' burst of interest in punctuation is mostly aimed at the needs of natural language processing.

The study approaches the phenomenon of punctuation drawing a clear distinction between grapheme classes and POS categories, which tend to be readily confused with each other. When not treated as a purely graphical phenomenon but considered from the point of view of grammar, the concept of punctuation appears to involve a rather diverse set of language units. The grammatical features and functions of punctuation marks within the system of written language are found to be identical or close to those of various conventional language units, mainly syntactic grammatical markers.

This paper is intended to demonstrate the efficiency of the proposed approach and is confined to the punctuation marks that are placed in the end of a sentence in modern Japanese texts. The punctuation units of this type are argued to possess the defining properties of sentence-final discourse particles used in written language.

Keywords: Japanese, punctuation marks, EOS-punctuation, sentence-final particles, full stop, question mark, exclamation mark, ellipsis, swung dash

ВВЕДЕНИЕ

Японская пунктуация – неотъемлемый компонент оригинальной системы письма, который до сих пор почти не подвергался научному описанию. Формирование пунктуационных норм в японском языке происходило главным образом в послевоенный период, а становление японской пунктуации как предмета лингвистических исследований приходится только на 1980-е годы. К настоящему времени эта сторона письменного языка остается практически неизученной, и наша статья в некоторой степени восполняет пробел в этой области японистики.

* Работа поддержана грантом РФФИ № 14-06-00211а.

Наиболее развитое направление в общей теории пунктуации, в рамках которого выделяются исследования [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988; Nunberg 1990], рассматривает ее как внутреннее явление письменного языка и изучает обусловленность расстановки знаков препинания структурно-смысловыми факторами вне связи с интонацией или паузацией. С точки зрения авторов данных работ, современная пунктуация представляет собой самостоятельный лингвистический феномен – нечто большее, чем искусственную надстройку, введенную в систему письменного языка для более точной передачи устной речи. В выполненных ими исследованиях наблюдается осознанный отход от синкретичного восприятия знаков препинания и их устных коррелятов, которое характеризует представления грамотных носителей и находит неизменное выражение в ориентированных на широкую аудиторию пособиях и справочниках, подобных [Oogui 2006; Shoogakukan 2007]. В терминах [Алпатов 1993] эту особенность подхода следует расценивать как проявление системоцентризма; в то же время взгляды указанных авторов сохраняют и антропоцентричные черты. В области пунктуации все еще не проводится различия между разными уровнями письменного языка (в частности, графическим и синтаксическим): знаки препинания описываются только как графемы – единицы самого нижнего уровня. Видимо, во многом именно это метонимическое отождествление способствовало закреплению подхода к знакам препинания как к некоторому специальному классу письменных показателей, ограничивая при этом применение выработанных лингвистической наукой инструментов описания. Такое мышление препятствует самому возникновению идеи о приложении к знакам препинания понятий вроде «союз» или «субстантиватор»; их использование, напротив, предполагает отход от традиционных представлений о пунктуации как о чисто графическом явлении. В названных работах пунктуация предстает системой вспомогательных графических помет, которая рассматривается на одном уровне с лексико-грамматическими средствами языка и в то же время видится как нечто отдельное от них. В фундаментальных исследованиях [Шапиро 1955] и [Шварцкопф 1988], выполненных на материале русского языка, убедительно обосновывается обусловленность расстановки знаков препинания грамматическими факторами – но сами эти знаки не рассматриваются в качестве полноценных служебных показателей, в отличие от синонимичных им единиц письменного языка с сегментными устными коррелятами. В монографии [Nunberg 1990] английская пунктуация связывается с особой «текстовой грамматикой», которая описывает исключительно формальные пунктуационные явления письменного языка и существует параллельно обычной «лексической грамматике» [Nunberg 1990: 17–23].

Более того, все указанные работы являются антропоцентричными в своей основе, поскольку в самом выборе предмета исследования их авторы исходят из априорных представлений о классификации знаков письма – информации, изначально доступной им как носителям и составляющей часть общей языковой компетенции. Эти представления могут выступать хорошим ориентиром, когда речь идет о родном языке исследователя, могут относительно успешно применяться к близкой письменной традиции, но оказываются недостаточной базой для описания иноязычной графической экзотики. Поэтому носитель русского языка, приступая к изучению японского материала, испытает затруднения при интерпретации знаков вроде нотки ♪, звездочки ☆ (★) или сердечка ♥ (♡), которые в условиях неформального электронного общения употребляются подобно вопросительному и восклицательному знакам [Akizuki 2009: 247–250]; такое же употребление имеет и символ W, известный любому европейцу как буква (расширенного) латинского алфавита. Важно и то, что молодежный сленг – не самая престижная для изучения область языка – практически не охватывается малочисленными японскими источниками по проблемам пунктуации, так что сторонний исследователь, вероятнее всего, даже не сможет заимствовать необходимые знания о статусе этих знаков из описательной литературы.

Потребность в объективно-научном подходе к пунктуации, который бы не только мог применяться к материалу любых письменных систем, но и соблюдал принципы классического уровневого подхода, наблюдается и в практических приложениях лингвистической науки. В морфологический словарь [Unidic], ставший ценной лексико-

графической базой для многих проектов по автоматической обработке японского языка, тильда ~ оказалась включена и в качестве специального символа (補助記号 *hojokigoo*) и – отдельно – в качестве падежной частицы (格助詞 *kakujoshi*). Тем самым вследствие одновременной классификации единиц письменного языка по разным основаниям тильда была охарактеризована и как представитель класса графем и как элемент канонического частеречного класса с известными свойствами – лексико-грамматическая категоризация оказалась смешанной с классификацией графем. Точно так же единица % вошла в словарь не только как спецсимвол, но и как существительное-классификатор (как, например, 割 *wari* 'десять процентов' – ср. 5割の地域 *go wari no chiiki* '50% территории' и 50%の地域 *gojuu paasento no chiiki* с тем же значением). На материале английского языка проявления похожего подхода встречаются в ориентированных на машинный анализ работах [Fornell 1996; Jones 1996], где единицы вроде %, \$ или & рассматриваются в одном ряду с точками и запятыми, несмотря на наличие сегментных устных соответствий, и вместе с тем характеризуются наравне со своими буквенными синонимами. Таким образом, по крайней мере в отношении такого рода пунктуационной периферии можно видеть явные признаки критического переосмысления традиционных представлений о знаках препинания с позиций научного системноцентризма.

Стоит подчеркнуть, что свойства устных коррелятов (как и само их наличие или отсутствие) де-факто не являются единственно решающими для отнесения к средствам пунктуации тех или иных графем – как и другие объективные критерии, этот фактор только обнаруживает некоторую выраженную корреляцию. Представления о классификации знаков письма, отраженные в популярных пособиях, нормативных документах и перенесенные в готовом виде в теоретические работы, оказываются в этом отношении слишком непоследовательными и неполными. Ситуация, которая наблюдается в японском языке, не составляет исключения. Уже упоминавшаяся тильда ~ в сочетаниях вида А ~ В при чтении вслух нормативно озвучивается как *naishi* или *kara... (made)* 'от... (до)' и при этом уверенно относится современными авторами к разряду знаков препинания [Данилов, Сыромятников 2001; Fornell 1996; Oogui 2006; Shoogakukan 2007]. В то же время редкие источники безусловно включают в перечень знаков препинания пробел и переход на новую строку, и только исключительно неконсервативные авторы решаются рассматривать вместе с традиционными пунктуационными средствами единицы типа ♪, ☆ и ♪ – эмоциональные маркеры без сегментных соответствий в системе устного языка (ср. [Akizuki 2009: 247–250]). Такие единицы описываются как специфические элементы молодежного языка сетевого общения, и мы не можем быть уверены, что они равно могут быть причислены к знакам препинания с точки зрения старшего поколения (сказанное справедливо и для устойчивых графических сочетаний вроде смайликов-*kaomaji*). Наконец, такой базовый знак препинания, как кавычки 「」, вообще не мыслится в терминах устных коррелятов, но прямо ассоциируется с определенной семантико-синтаксической информацией (см. описания [Данилов, Сыромятников 2001; Oogui 2006; Shoogakukan 2007]).

Отсутствие сегментных устных коррелятов стоит в ряду других критериев-признаков пунктуации, которые согласованно выделяют ее прототипическое ядро, но допускают разнообразные отклонения на спорной периферии – как в рамках конкретных языков, так и в условиях распространенного обобщающего взгляда на пунктуацию как на относительно единообразное межъязыковое явление. Так, символы % и № обладают вполне определенными сегментными устными коррелятами, знак повтора иероглифов ♪ в японском языке наделяется таковыми в конкретных речевых контекстах, но не в системе языка, апостроф ' употребляется внутри слов¹, капитализация супрасегментна, а пробел не имеет материального выражения. В этом смысле пунктуация как (межъязыковой феномен с уверенно выделяемым ядром и нечеткой периферией не отличается от многих других лингвистических понятий.

¹ Мы полагаем тем не менее, что некоторые элементы «внутрисловной пунктуации» могут рассматриваться в качестве отдельных синтаксем-интраклитик, которые своим клитическим статусом не выделяются среди прочих пунктуационных единиц. Но вопросы линейно-синтагматического статуса знаков препинания мы оставляем за рамками данной статьи.

Все эти обстоятельства следует принимать во внимание при выработке научного подхода к изучению пунктуации и письменного языка в целом – в том числе определяя, в какой степени описание визуальных средств передачи информации можно ставить в зависимость от их связи с явлениями параллельно функционирующей знаковой системы акустической природы. При антропоцентричной ориентации исследований, очевидно, следует учитывать то, что элементы двух систем в сознании носителей массово образуют тесные парадигматические единства, а одна из этих систем является первичной. Подход к «пунктуационной периферии» письменного языка, развиваемый в работах [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988; Nunberg 1990], отчетливо направлен на снижение указанной зависимости.

Предлагаемый подход к изучению пунктуации продолжает системоцентричное развитие той позиции, которая была представлена в упомянутых работах [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988; Nunberg 1990]. Знаки препинания также рассматриваются нами не как несовершенное средство для передачи интонации и пауз, но как самодостаточное явление письменного языка. Однако знакам препинания не придается статуса какого-то обособленного класса графических показателей: они органично встраиваются в общую систему непунктуационных единиц. Это сближает наши взгляды с подходом, предлагаемым в монографии [Шаляпина 2007: 190]: «в письменной форме языка союзам и частицам <...> вполне аналогичны знаки препинания, которые также рассматриваются при описываемом подходе как служебные лингвистические сущности». Наше описание основывается на следующих принципах:

1) Знаки препинания могут рассматриваться не только как графемы, но и как единицы более высоких уровней языка, записанные при помощи этих графем. К пунктуации применим тот же самый многоступенчатый подход, что так удачно демонстрируется на примере латинского «I» [Реформатский 2000].

2) При таком рассмотрении знаки препинания проявляют разностороннее сходство с прочими языковыми средствами, прежде всего служебными показателями, и могут быть описаны по тем же самым принципам.

3) Интегрированные таким образом в систему письменного языка, с точки зрения своих функций внутри этой системы знаки препинания не сохраняют того единства, которое приписывается им на графическом уровне, но распределяются по разным классам таких показателей.

Графическая специфика признается нами релевантным свойством знаков препинания, имеющим большое значение для выделения этих показателей в тексте. Но это важное свойство, как и особенности их устных коррелятов или характер соответствий между явлениями графики и синтаксиса, не имеет прямого отношения к проблемам собственно грамматического описания, в частности частеречной классификации единиц письменного языка.

В данной статье мы демонстрируем возможности развиваемого подхода на избранном материале наиболее распространенной японской пунктуации конца предложения. Употребляемые в этой позиции знаки препинания рассматриваются нами как заключительные частицы, функционирующие в письменной форме языка. Такое избирательное освещение предметной области, вероятно, расходится с традиционным представлением о пунктуации как о едином графическом явлении. Однако стремление описать все заключительные знаки препинания в одной статье привело бы к неприемлемому увеличению ее объема, а описание других пунктуационных средств вроде падежного показателя ~, связки = или союзного наречия ……., помимо прочего, потребовало бы привлечения совсем иного теоретического аппарата и углубления во множество разных разделов лингвистики.

1. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Заключительные частицы (яп. 終助詞 *shuujoshi*, англ. *sentence-final particles*) – признанный класс служебных показателей японского языка [Алпатов и др. 2008: 452–471; Кизда 2008: 615–625; Прасол 1999; Martin 2004: 914–958]. Располагаясь в абсолютном

конце предложения, эти частицы маркируют его правую границу. Завершение предложений при помощи заключительных частиц чрезвычайно распространено в устной бытовой речи [Алпатов и др. 2008: 452–453; Прасол 1999: 13–14]; употребление заключительных знаков препинания, прежде всего точки, – норма современного письменного языка. В следующем примере предложение оканчивается группой из двух вопросительных частиц *の? no?*:

- (1) 君はなにが怖いの?
 kimi wa nani ga kowa-i no?
 ты TOP что NOM страшный-PRS PTCL
 'Что же ты боишься?' [BCCWJ]²

Частицы этого класса могут обозначать и правую границу в составе придаточного предложения-цитаты:

- (2) めぐみさんは私に、日本語ができるかと聞いた。
 megumi san wa watashi ni, nihongo ga
 Мэгуми сан TOP я DAT японский_язык NOM
 deki-ru ka to ki-ita.
 мочь-PRS PTCL QUOT спрашивать-PST
 'Мэгуми-сан спросила меня, говорю ли я по-японски' [BCCWJ].

- (3) この調子ですよ！と先生にも褒められました。
 kono chooshi des-u yo! to
 этот состояние COP.ADR-PRS PTCL QUOT
 sensei ni mo home-rare-mash-ita.
 учитель DAT тоже хвалить-PASS-ADR-PST
 'И учитель меня похвалил: «Вот так и надо!»' [BCCWJ]

В примере (2) на правую границу цитаты указывает вопросительная частица *か ka* (левая граница отмечена запятой); в примере (3) прямую речь завершает последовательность заключительных частиц *よ!yo!*.

Следует подчеркнуть, что функция сегментации речевого потока не является прерогативой пунктуации. В частности, в обозначении правой границы предложений на письме задействованы как конечные знаки препинания, так и заключительные частицы с сегментными устными коррелятами (которые выполняют указанную функцию в устной речи наряду с просодическими средствами).

Выделение предложений в потоке устного или письменного дискурса – базовая синтаксическая функция заключительных частиц. Вместе с тем оформление квантов-предложений показателями одного класса обеспечивает формальное единство всего текста.

Еще одна важная функция заключительных частиц состоит в придании модально-экспрессивной окраски ограниченными ими фрагментам текста. Эта роль отражена в другом распространенном названии этих показателей – «модально-экспрессивные частицы» (МЭЧ). Данный термин широко применяется и в настоящей статье.

Модально-экспрессивная маркированность накладывает заметные ограничения на сферу употребления частиц этого класса. При описании МЭЧ внимание исследователей обращается главным образом на устную форму языка: именно бытовая устная речь называется в качестве основной области распространения этих частиц [Алпатов и др. 2008: 452–453; Прасол 1999: 13–14]. При этом справедливо отмечается определяющее значение иных характеристик дискурса, отличных от собственно канала передачи информации: его неформальности, эмоциональности, пониженного уровня вежливости.

² Следуя традиции, мы не глоссировали знаки препинания во избежание излишней громоздкости записи и необходимого углубления в проблематику линейно-синтагматического статуса.

В данной статье акцент смещен на явления письменного языка. Те из заключительных знаков препинания, которые активно употребляются в чисто синтаксической функции, лишённые модально-экспрессивной нагрузки (точка, многоточие), менее всего подвержены стилистическим ограничениям. Знаки конечной экспрессивной пунктуации можно встретить в заголовках газет или броской рекламе, в имитирующих устную речь диалогах в художественных произведениях [Данилов, Сыромятников 2001]. Такие знаки обильно используются в японских комиксах-*manga*, в неформальных бытовых текстах вроде кратких записок или объявлений [Маевский 2000: 114]. Но главная область распространения пунктуационных МЭЧ, где наблюдается их наибольшее разнообразие, – это эмоциональная и персонализированная речь, представленная в сфере неформальной электронной коммуникации.

Выраженная жанровая специализация МЭЧ отражена в следующей таблице, где представлены основные результаты поверхностного статистического анализа материала «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» [BCCWJ]. Корпус составлен из 13 противопоставленных по жанру подкорпусов: книги (два подкорпуса, объединённых нами при анализе), газеты, журналы, «белые книги», бестселлеры, блоги, тексты вопросно-ответного сервиса, законы, парламентские протоколы, рекламные журналы, учебники и поэтические произведения. В таблице приведены нормализованные по объёму подкорпусов данные о встречаемости в конце предложения пунктуационных и непунктуационных МЭЧ, отобранных по признакам наибольшей употребительности или функционального сходства. Для каждой из рассмотренных МЭЧ указаны два подкорпуса, в которых содержится основная масса ее употреблений в [BCCWJ], а также суммарная доля, приходящаяся на два подкорпуса интернет-дискурса – Yahoo! ブログ *Burogu* (блоги) и Yahoo! 知恵袋 *Chiebukuro* (вопросно-ответный сервис, ВиО).

Представленный в корпусе интернет-дискурс обеспечивает основную массу вхождений для рассмотренных как пунктуационных, так и непунктуационных МЭЧ. Кроме того, заметно распространение МЭЧ в наименее консервативной художественной литературе. Сравнительно малая доля интернет-дискурса в употреблении многоточия может быть связана с выполнением функции, не предполагающей обязательной модально-экспрессивной нагрузки, – указанием на незавершённость при неполном цитировании, – а также с исключением из рассмотрения многочисленных нестандартных графических вариантов этого показателя (см. описание ниже). В распределении стилистически немаркированной вопросительной частицы *ka*, вероятно, решающим фактором явилось распространение предложений с вопросительной модальностью.

Как сообщает монография [Akizuki 2009: 250], описывая многообразные пунктуационные инновации языка электронного общения, «конец предложения понимается как место, куда должны помещаться знаки и символы, выражающие отношение пишущего». Эта формулировка в точности соответствует замечанию С. Мартина о «тенденции присоединять [к концу предложения] заключительные частицы с целью как-то дополнительно указать на отношение говорящего к тому, что он говорит» [Martin 2004: 914].

2. ОСНОВНЫЕ ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

В данной главе предлагается содержательная характеристика основных пунктуационных МЭЧ японского языка, составленная с опорой на терминологию и классификацию, предложенную в исследовании [Прасол 1999]. В значении разных пунктуационных заключительных частиц сочетаются модальный и экспрессивный компоненты. Освещение всех семантических нюансов конечной пунктуации составляет не менее сложную задачу, чем описание других частиц, и мы обращаем внимание только на главные черты, определяющие место этих показателей в общей системе МЭЧ.

Таблица 1

МЭЧ в [BCCWJ]: употребительность в интернет-дискурсе

МЭЧ	2 подкорпуса с наибольшей долей от общего числа употреблений МЭЧ		Всего в 2 интернет-подкорпусах
か	Yahoo! ВиО 102339 (44,84 %)	Учебники 2189 (10,60 %)	116501 (51,09 %)
?	Yahoo! ВиО 141334 (56,32 %)	Yahoo! Блоги 46755 (18,75 %)	188089 (75,07 %)
よ	Yahoo! ВиО 26568 (27,89 %)	Бестселлеры 5583 (16,06 %)	38535 (40,52 %)
!	Yahoo! Блоги 90558 (48,79 %)	Yahoo! ВиО 32482 (17,39 %)	123040 (66,19 %)
が	Yahoo! ВиО 6042 (41,26 %)	Yahoo! Блоги 3280 (22,54 %)	9322 (63,80 %)
...	Yahoo! Блоги 13184 (24,93 %)	Бестселлеры 3744 (19,28 %)	17532 (33,10 %)
ね	Yahoo! ВиО 34370 (28,63 %)	Yahoo! Блоги 29269 (24,53 %)	63639 (53,17 %)
~ ³	Yahoo! Блоги 18348 (78,28 %)	Yahoo! ВиО 3176 (13,47 %)	21524 (91,75 %)

2.1. Вопросительный знак

В отличие от письменных европейских языков, где вопросительный знак служит нейтральным показателем вопроса в конце предложения, в японских текстах эта роль отводится частицам с сегментными устными коррелятами, в числе которых выделяется частица *か* *ka* – стандартный грамматический показатель вопроса. Вопросительный знак 疑問符 *gimonfu* ? используется главным образом для усиления вопросительной экспрессии [Данилов, Сыромятников 2001: 85–86; Zverev 2013]; в соответствии с выполняемой функцией основная доля его употреблений в [BCCWJ] приходится на позицию после других вопросительных частиц в конце предложения [Zverev 2013]. Типичный пример:

(4) なぜ付き合うのを止めましたか？

naze tsukia-u no o
почему общаться-PRS NML ACC
tome-mash-ita ka?
прекращать-ADR-PST PTCL
'Почему же [вы] прекратили отношения?' [BCCWJ]

³ Интерфейс [BCCWJ] дает возможность ограничить поиск позициями в конце предложения – в сочетании с элементами ручной проверки это позволило исключить из рассмотрения ряд омонимичных употреблений.

Экспрессивная неформальная окраска отличает японский вопросительный знак от европейских аналогов и других вопросительных МЭЧ письменного языка и отражается на сфере распространения этого показателя: 80,6 % его употреблений в [BCCWJ] приходится на эмоциональный и персонализированный дискурс интернет-подкорпусов⁴ [Zverev 2013].

Иногда вопросительный знак может служить единственным отличительным признаком вопросительного высказывания, так что его грамматическая нагрузка возрастает и на первый план выходит неэкспрессивный компонент значения.

- (5) 「<...>犯行現場の報告書を読んだ？」
 «hankoo-genjoo no hookokusho o yon-da?»
 преступление-место.действия GEN отчет ACC читать-PST
 «[Ты] прочитал отчет с места преступления?» [BCCWJ]

Ср. с утверждением:

- (6) 「犯行現場の報告書を読んだ」

В отличие от ? частица か в роли единственного маркера-вопроса в позиции после неадресивных глагольных форм придает предложению слишком резкий и грубый оттенок [Akizuki 2009: 245–246]; не исключено, что и в контекстах типа (4) добавление ? на месте точки может делать вопрос не только более эмоциональным, но и более мягким и вежливым.

Распространенные в японистике представления, согласно которому распределение ? и か приближается к дополнительному, не принимают в расчет основной сферы употребления вопросительного знака. Между тем, по нашим подсчетам, в [BCCWJ] в целом случаи совместного использования в конце предложения составляют более 30 % употреблений⁵ каждой из этих частиц, а в интернет-подкорпусах ка сопровождается вопросительным знаком в 84,7 % случаев (? сочетается с ка в 58,0% своих употреблений).

В терминах [Прасол 1999] вопросительный знак характеризуется нами как экспрессивная вопросительная МЭЧ письменного языка.

Как и многие другие привнесенные элементы европейской пунктуации, вопросительный знак оказался вовлечен в обычный для межъязыковых заимствований процесс адаптации, допускающий изменения в значении и функции. Встраивание ? в систему вопросительных МЭЧ письменного языка происходит во взаимодействии с другими показателями вопроса с сегментными устными коррелятами, и на современном этапе этого процесса ведущая роль принадлежит сфере электронной коммуникации.

2.2. Восклицательный знак

Если вопросительный знак естественно сопоставлять со стандартным вопросительным маркером ка ka и другими вопросительными частицами, то восклицательный знак 感嘆符 *kantanfu* ! по модальному компоненту значения относится нами к группе МЭЧ, усиливающих категоричность высказывания, и сближается в первую очередь с такими частицами, как よ yo и ぞ zo (см. описания [Прасол 1999]). Семантика восклицательного знака тоже отличается сильным побудительно-апеллятивным компонентом, что проявляется в его активном употреблении при обращениях и императивных формах. Справочник [Oogui 2006: 68] сообщает, что с помощью этого показателя может передаваться приказание, требование, твердое утверждение; по данным [BCCWJ], в сочетаниях с восклицательным знаком доля императива (命令形 *meireikei*) среди глагольных форм возрастает в 26 раз (χ^2 , $p < 0,001$). Как экспрессивный маркер восклицательный знак может применяться для подчеркнутого выражения широкого спектра эмоциональных со-

⁴ Последовательности длиной 1–5 символов в любых позициях с учетом нормализации по объему подкорпусов.

⁵ Без нормализации по объему подкорпусов – более половины.

стояний: радости, удивления, недоумения, нетерпения, негодования и др. [Shoogakukan 2007: 34]. Примеры:

- (7) 「陸が見える！」と、彼は叫んだ。
 «giku ga mie-ru!» to, kare wa saken-da.
 земля NOM виднеться-PRS QUOT он TOP кричать-PST
 '«Земля!» – закричал он' [BCCWJ].
- (8) あれえ！助けてえ！
 aree! tasuke-tee!
 INTJ помочь-IMP
 'Э-эй! Помоги-ите!' [Shoogakukan 2007: 34]
- (9) 「今度こそおまえを殺してやる！友姫！」
 「よせ、漁！」
 «kondo koso omae o korosh-ite yar-u! tomoaime!»
 теперь FOC ты ACC убивать-CNV AUX.BEN-PRS Томохимэ
 «yoos-e, guoo!»
 переставать-IMP Pë
 '– Вот теперь я тебя прикончу, Томохимэ!
 – Хватит, Pë!' [BCCWJ]
- (10) 次郎！始めるぞ！仕事だ、仕事だ！
 jiroo! hajime-ru zo! shigoto da,
 Дзиро начинать-PRS PTCL работа COP.PRS
 shigoto da!
 работа COP.PRS
 'Давай, Дзиро! За работу, за работу!' [Прасол 1999: 163]

Следует обратить внимание, что в последнем примере (10) именно комбинация заключительных МЭЧ **ぞ!** *zo!* сообщает о побудительном характере высказывания, тогда как сам глагол употреблен в немаркированной (индикативной) форме **始める** *hajimeru*. В примере (8) отраженное на письме эмфатическое удлинение гласного и примыкание восклицательного знака отличает императивное **助けてえ** от формы незаключительного сказуемого **助けて** *tasukete* 'помогать-CNV'.

Итак, в целом восклицательный знак можно описать как эмотивно-апеллятивную МЭЧ, усиливающую категоричность высказывания.

2.3. Многоточие

В японском языке многоточие **リーダ** *riidaa* отличается богатым набором графических вариантов. Стандартной формой этого показателя является двухграфемная последовательность из шести точек [Данилов, Сыромятников 2001: 69, 108; Shoogakukan 2007: 64–67]; в текстах также встречаются последовательности меньшей или большей длины, в том числе образованные при помощи выходящей из употребления графемы [Сыромятников 1983: 134; Shoogakukan 2007: 64–67]. В сфере неформальной электронной коммуникации чрезвычайно распространены последовательности разной длины, состоящие из точек *maru* ◦, срединных точек *.* или запятых *,* [Shoogakukan 2007: 12, 17, 22, 66]. Кроме того, те же функции приписываются употребленному в конце предложения «длинному» тире **ダッシュ** *dashshu* — ⁶ [Данилов, Сыромятников 2001: 67–71; Shoogakukan 2007: 48–55, 64–66]. Характер противопоставлений между этими вариантами может служить темой отдельного исследования – в данной статье внимание на этих различиях не акцентируется.

⁶ Имеется целый ряд омонимичных показателей, которые не относятся к классу МЭЧ и не рассматриваются в данной статье.

Завершающее высказывание многоточие смягчает его категоричность, чем противопоставляется восклицательному знаку. Эта пунктуационная МЭЧ служит распространённым hesitantным маркером, который может передавать недоумение, незнание, колебание, затруднение с ответом [Данилов, Сыромятников 2001: 71; Shoogakukan 2007: 50, 64]. В то же время справочник [Shoogakukan 2007: 50, 65] описывает семантику многоточия (и тире) через идею своеобразного послевкусия, некоторого затаенного значения; в изложении [Данилов, Сыромятников 2001: 67–71] для выражения такой глубокомысленной недосказанности предлагаются довольно удачные русские эквиваленты «кто знает?», «как знать?»

- (11) 昔、友達の家で読んだのですが……

mukashi, tomodachi no ie de yon-da no
 давно друг GEN дом в читать-PST NML
 des-u ga...
 COP.ADR-PRS PTCL

‘Кажется, когда-то давно в гостях у друга я [что-то такое] читал’ [BCCWJ].

- (12) 「まあ、それ本当—」

«maa, sore hontoo —»
 INTJ это правда

‘«М-да-а, но вот так ли это в действительности... [кто знает]»’ [Данилов, Сыромятников 2001: 68].

- (13) 上司に言い出しにくいです・・・

jooshi ni iidash-iniku-i des-u・・・
 начальник DAT заговорить-FAC-PRS COP.ADR-PRS
 ‘С начальником заговорить трудно...’ [BCCWJ]

В терминах теоретической грамматики [Алпатов и др. 2008] употребленные таким образом многоточия и тире характеризуются нами как суггестивные заключительные частицы.

Многоточие и тире выполняют также чисто синтаксическую функцию, не всегда сопряжённую с приданием модально-экспрессивной окраски, – указывают на структурную (синтаксическую, дискурсивную) незавершённость выражений письменного языка. Многоточие широко используется в качестве универсального маркера незавершённости, сигнала о разрывах в потоке письменного дискурса и пропуске единиц любого структурного уровня, выполняя эту функцию не только в конце предложения, но и в начале или середине.

- (14) その作品で、「……旅は人間ドラマの原点で、それを描くのが夢……」と述べている。

sono sakuhin de, «...tabi wa ningen dorama
 этот произведение в поездка TOP человек драма
 no genten de, sore o kak-u no
 GEN причина COP.CNV это ACC рисовать-PRS NML
 ga yume...» to nobe-te i-ru.
 NOM сон QUOT излагать-CNV AUX.PRG-PRS

‘В этом произведении говорится: «...эта поездка стала началом человеческой драмы, картины которой предстают перед нами, как сон...»’ [Данилов, Сыромятников 2001: 71].

- (15) 「と言うのは—いや、よしましょう。」

«to i-u no wa —
 QUOT говорить-PRS NML TOP
 iya, yosh-imash-oo.»
 нет переставать-ADR-HOR

‘«Дело в том, что... Ладно, об этом в другой раз»’ [Данилов, Сыромятников 2001: 68].

Пример (15) представляет собой письменную имитацию фальстарта в устной речи, а в примере (14) наблюдается оmissия части цитаты. В обоих случаях многоточие и

тире служат ценными сигналами для интерпретатора, который не должен стремиться к непременно полному структурному анализу оформленной ими единицы. В этом отношении прежде всего указанные показатели противопоставляются точке.

Таким образом, в роли заключительных частиц многоточие и тире демонстрируют сочетание тех же самых значений, что связываются с их ближайшими аналогами среди МЭЧ с сегментными устными коррелятами – частицами *が ga* и *けど kedo* (см. распространенное сочетание *が……* из примера (11)). Эти две суггестивные частицы ведут свое происхождение от формально совпадающих с ними противительных союзов, употребленных в сложных предложениях, где следующая после союза часть была подвергнута эллипсису [Прасол 1999: 45–51]. По-видимому, и для синонимичных им пунктуационных МЭЧ первичной следует признать именно функцию маркера незавершенности, а способность указывать на неуверенность или пониженную категоричность рассматривать как результат позднейшей эволюции.

Описанные особенности многоточия и тире – показательный пример того, как в своем функционировании и развитии знаки препинания подчиняются общим законам естественного языка.

2.4. Тильда

К области экспрессивной пунктуации конца предложения мы относим также японскую тильду *波形 namigata* (букв. «волнообразный (знак)») ~ в употреблениях, подобных следующим⁷:

- (16) ブドウジュースみたいでおいしいね〜♪
 budoo juusu mitai de oishi-i ne~♪
 виноград сок EVD COP.CNV вкусный-PRS PTCL
 'Как вкусно, похоже на виноградный сок!' [BCCWJ]
- (17) 少しずつですがこのくせは治りますよ〜
 sukoshizutsu des-u ga kono kuse
 понемножку COP.ADR-PRS но этот дурная_привычка
 wa naog-imas-u yo~
 TOP исправляться-ADR-PRS PTCL
 'Хоть и постепенно, но я-таки избавлюсь от этой привычки!' [BCCWJ]
- (18) 応援のワンクリックお願いいたします〜
 ooen no wankurikku o-nega-i itash-imas-u~
 поддержка ATR один.клик HON-просить-CNV AUX.DPR-ADR-PRS
 'Пожалуйста, только один клик!' [BCCWJ] (просьба о поддержке в интернет-голосовании)

Такая тильда, сообщаящая тексту дополнительную эмоциональную экспрессию, в устной речи соответствует удлинению гласного и в силу своего происхождения обладает меньшей автономностью, чем остальные описанные показатели письменного языка. В общем случае тильда является экспрессивным инфиксом: такой статус проявляется при употреблении внутри графически неэлементарных единиц, в частности некоторых наречий или глагольных форм; в МЭЧ же удлинится последний и часто единственный гласный, что и отражается на письме. Так, в словарь проекта [Unidic] вместе с эмоционально нейтральными формами союзного наречия *しかし shikashi* 'однако' и вопросительной частицы *か ka* включены их эмфатические варианты *しかーし* и *かー*

⁷ Следует отличать от тильды в функции интерпозиционного падежного показателя (междуполога) в выражениях вида *東京〜大阪 tookyoo~oosaka* 'Токио – Осака', где она кодирует роли исходной и конечной точки, а также от ряда других омонимичных употреблений, которые в данной статье не обсуждаются.

(а также *し*—*し* и *か* со знаком долготы). Экспрессивная тильда может употребляться и транспозиционно:

(19) わーかーらーなーいー~~~~~

wa-ka-ra-na-i~~~~~

‘Не-по-ни-маа-ю!!!!’ [BCCWJ] (от *わからない* *wakar-ana-i* ‘понимать-NEG-PRS’)

Однако заметная употребительность тильды в конце предложения – непосредственно при заключительном предикате или другой частице – и общее сходство свойств делает целесообразным сопоставление этого показателя с другими МЭЧ. Удлинение конечного гласного в роли своеобразной заключительной частицы упоминает фундаментальная грамматика [Martin 2004: 915]; там же отмечается использование этого средства для эмфатического выделения наречий⁸. Согласно [Прасол 1999: 6], удлинение конечного гласного звука в МЭЧ придает высказыванию большую эмоциональную экспрессию. Опираясь на изложенные в [Прасол 1999: 6; Martin 2004: 915] характеристики устных коррелятов, мы склонны рассматривать тильду в качестве эмоционального маркера и включать в один ряд с другими чисто экспрессивными частицами.

Как регулярный письменный коррелят удлинения гласных в той же функции, что и тильда, используется знак долготы —, а также знаки слоговой азбуки (катаканы или хираганы, верхнего или нижнего регистра) и тире [Shoogakukan 2007].

2.5. Точка

В японском языке сосуществуют два вида точек – японская точка *まる* *maru* (или *句点* *kuten*) ◦ и европейская точка *ピリオド* *periodo*. Круглая точка *maru* играет роль основного графического варианта этого показателя, а европейская черная точка распространена при горизонтальном письме; правила их употребления в целом совпадают [Данилов, Сыромятников 2001: 42–45].

Точка противопоставлена прочим заключительным частицам письменного языка как модально или экспрессивно не маркированный показатель. Ее употребление, в отличие от большинства МЭЧ, не сопряжено с какими-либо стилистическими ограничениями: точка встречается в любых видах текстов и является вторым по распространенности знаком препинания (после запятой).

Обладая крайне бедной по сравнению с другими МЭЧ содержательной стороной, точка сохраняет свойственный показателям этого класса чисто синтаксический компонент значения, сигнализируя о правой границе предложения. Сегментация речевого потока – главная функция этой заключительной частицы.

Активное использование точки в конце предложения и ее строгое противопоставление запятой⁹ в современных текстах во многом компенсирует утрату различий между атрибутивными и заключительными формами предикатов в письменном языке – в этом своем основном употреблении точка приближается к статусу аналитического показателя последних¹⁰. В примере ниже в русском переводе различаются финитная и причастная формы глагола, тогда как противопоставление их японских соответствий обеспечива-

⁸ Грамматика [Martin 2004: 915] сообщает также, что удлинение конечного гласного может выражать вопрос, причем это явление редко отражается на письме. Роль разных просодических средств устного языка (долготы, интонации) и их аналоги в письменной форме требуют в этом случае отдельного исследования.

⁹ В японском языке закрепилось только в первой половине XX в., см. подробнее в историческом экскурсе [Данилов, Сыромятников 2001: 28–41] и [Shoogakukan 2007: 11–15, 45].

¹⁰ Ср. в этом отношении судьбу частиц *よ* *yo* и *な* *na*, эволюционировавших в направлении показателей, соответственно, императива и прохибитива (см. показательное обсуждение в [Кизда 2008: 165–166] со сравнением *yom-e yo* (читать-IMP PTCL) ‘читай!’ и *oki-yo* (вставить-IMP) ‘вставай!’; ср. также описания *な* *na* в [Алпатов и др. 2008] и [Прасол 1999]).

ется только правым контекстом – определяемым именем при атрибуте и точкой при заключительном сказуемом:

- (20) 一人の子どもを育てる費用推計の際に利用した費目群をそのまま利用した。

hitori no kodomo o sodate-ru hiyoo
 один GEN ребенок ACC воспитать-PRS расходы
 suikei no sai ni riyoo-sh-ita
 оценка GEN время DAT использование-VRB-PST
 himokugun o sonomama riyoo-sh-ita.
 перечень_расходов ACC как_есть использование-VRB-PST
 '[Мы] использовали тот же самый перечень статей расходов, использованный при оценке расходов на воспитание одного ребенка' [BCCWJ].

Однако при большинстве неиндикативных форм, не способных к примененному употреблению, на первый план выходит главная функция точки как нейтрального разделителя без какой-либо дополнительной содержательной нагрузки.

Более насыщенной семантикой точка обладает в парцелированной записи, где выступает в роли своеобразного усилителя индикативности или фокусного маркера:

- (21) おつかれ。でした。

o-tsukare. desh-ita.
 HON-усталость COP.ADR-PST
 'Спасибо. Тебе' [Shoogakukan 2007: 12] (парцелированное устойчивое выражение).

- (22) 絶対ダメ。ってことはないよね。

zettai dame. tte koto wa
 совсем нельзя QOUT NML TOP
 na-i yo ne.
 COP.NEG-PRS PTCL PTCL
 'Ну ведь не то чтобы *совсем нельзя*!' [Shoogakukan 2007: 12]

Как отмечает справочник [Shoogakukan 2007: 12], парцелляция служит подчеркиванию некоторого смысла, создает эффект визуального выделения избранного фрагмента. В таком употреблении, по-видимому, точку следует включать в группу МЭЧ, усиливающих категоричность, или рассматривать в одном ряду с выделительными коммуникативными частицами типа *さえ sae*, *こそ koso* (FOC), ср.:

- (23) お前こそ問題だよ。

omae koso mondai da yo.
 ты FOC проблема COP.PRS PTCL
 'Проблема как раз в тебе!' [BCCWJ]

Структура примеров (21) и (22) имеет заметное сходство с избыточным использованием непунктуационных МЭЧ – своего рода «МЭЧ-паразитов», против распространения которых направлено упомянутое в [Martin 2004: 916] движение *ne-sa-yo-undo*. Примеры ниже иллюстрируют многократное употребление контакто-устанавливающей частицы *ね ne* и частиц *な na* и *よ yo* с апеллятивно-императивной семантикой:

- (24) あのね、ちょっとね、君に話があるんだがね。

ano ne, chotto ne, kimi ni hanashi
 INTJ PTCL INTJ PTCL ты DAT разговор
 ga ar-u n da ga ne.
 NOM быть-PRS NML COP.PRS PTCL PTCL
 'Эй, послушай, [у меня] к тебе есть разговор' [Прасол 1999: 3].

(25) いくら正月でもよ、そんなに飲むなよ。

ikura shoogatsu demo yo, sonna ni nom-una yo.
сколько Новый_год даже PTCL такой ADV пить-PRH PTCL
'Даже и по случаю Нового года нечего столько пить!' [Прасол 1999: 4]

(26) おまえな、向こうに行ったらな、よく誤るとけよな。

omae na, mukoo ni it-tara na,
ты PTCL там DAT идти-COND PTCL
yo-ku ayamattoke-yo na.
хороший-ADV извиняться-IMP PTCL
'Ты вот что, как пойдешь туда, извинись-ка как следует' [Прасол 1999: 4].

В примерах (21–22) и (24–26) частицы, стоящие в выделенном ряду не на последнем месте, отличаются от конечных тем, что отграничивают синтаксемы любого типа, в том числе синтаксически несамостоятельные единицы. Иначе говоря, показатели, которые традиционно привязываются к достаточно высокому уровню дискурсивной структуры и рассматриваются в качестве сигналов о границе предложения, в данном случае наблюдаются одновременно и на большей глубине¹¹. Такое нивелирование синтаксических рангов вызывает своеобразный эффект формального «уплощения» структуры высказывания, грамматическое оформление которого приобретает черты паратаксиста.

Указанная синтаксическая особенность дает основания некоторым исследователям японского языка выделять подобные показатели в особый класс «междометийных частиц» с функцией «однократного или многократного выделения фрагментов высказывания» [Прасол 1999: 3; Кизда 2008: 497–507, 615–617, 625–633]. В свете материального совпадения междометийных частиц с подмножеством заключительных МЭЧ и общей сложности их противопоставления стоит снова указать на прежнее ранговое неразличение японской точки *。* и запятой *,*, которые еще в начале XX в. функционировали как две графические формы одного и того же служебного показателя в позициях, характерных для точек и запятых в современном языке [Данилов, Сыромятников 2001: 28–41; Shoogakukan 2007: 11–15, 45].

Примечательно, что аналогичное развитие граничного маркера с бедной семантикой и широкой сочетаемостью в средство экспликации коммуникативной структуры высказывания (маркер фокуса) наблюдается и в случае японской запятой [Зверев 2013; Shoogakukan 2007: 14]. В силу того, что позиция при таких разделителях является графически выделенной, их «избыточное» употребление может служить средством привлечения внимания к примыкающим фрагментам текста.

3. ОСОБЕННОСТИ ПУНКТУАЦИОННЫХ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

В данной главе описываются некоторые особенности пунктуационных МЭЧ, которые сближают их с заключительными частицами с сегментными устными коррелятами или, напротив, составляют их специфику.

Сообщается, что в целях придания более тонкой модально-экспрессивной окраски высказывания могут завершаться неидиоматичным кластером МЭЧ, в составе которого комбинируются разные заключительные частицы [Прасол 1999: 6–13]. Пунктуационные МЭЧ тоже могут составлять такие кластеры – как самостоятельно, так и в сочетании с прочими частицами.

(27) へー、そんなに安いんですかー！？

he~, sonna ni yasui n des-u ka~!?
INTJ такой ADV дешевый-PRS NML COP.ADR-PRS PTCL
'Так дешево??? О_о' [BCCWJ]

¹¹ Здесь мы пользуемся известной метафорой, предложенной в работе [Yngve 1960]: глубина структуры увеличивается по мере продвижения от вершины синтаксического дерева к терминальным узлам.

В финальной последовательности заключительных частиц пунктуационные МЭЧ следуют за частицами с сегментными устными коррелятами; эта закономерность может нарушаться тильдой:

- (28) 値段が安い割りに美味しいーかな
 pedan ga yasu-i warini oishi-i~ kana
 цена NOM дешевый-PRS сравнительно вкусный-PRS PTCL
 'При такой низкой цене вроде вкусно!' [BCCWJ]

Тем самым оппозиция пунктуационных и непунктуационных МЭЧ обеспечивает формальные средства для отсчета расстояния до правой границы предложения внутри заключительного кластера частиц. Крайнее правое положение занимают знаки препинания, тогда как прочие заключительные частицы располагаются во второй позиции с конца.

Среди явлений, которые можно наблюдать внутри кластеров заключительных частиц в письменном языке, отметим вытеснение другими пунктуационными МЭЧ точки – как информационно наименее нагруженного показателя. Примечательно, что авторы японских справочников и нормативных пособий находят необходимым указать на такое поведение вопросительного и восклицательного знака [Oguri 2006: 64, 68; Shoogakukan 2007: 30, 34]. Для прочих рассмотренных знаков препинания подобной нормы не установилось. В частности, многоточие свободно сочетается с круглой точкой в последовательностях вида '...', что может показаться достаточно необычным европейскому читателю, а «многозначительное» тире или многоточие даже может располагаться после точки [Shoogakukan 2007: 50, 65]:

- (29) 急に死んでしまつて、家族が直ぐ店を畳んで国へ帰つてしまつたそのあとは直きカフェーになつてしまつた。 —

kyuu ni shin-de shimat-te, kazoku ga sugu
 вдруг ADV умереть-CNV AUX-CNV семья NOM сразу
 mise o tatan-de kuni e kaet-te
 магазин ACC закрыть-CNV родина к вернуться-CNV
 shimat-ta sono ato wa jiki kafee ni nat-te shimat-ta.-
 AUX-PST этот после TOP тут.же кафе DAT стать-CNV AUX-PST
 'Когда [он] неожиданно умер, семья его тут же закрыла магазин и вернулась на родину, и сразу после этого [там] открыли кафе...' [Shoogakukan 2007: 50]¹²

В отсутствие точки возрастает грамматическая нагрузка многоточия или тильды как показателей правой границы предложения.

Отдельного внимания заслуживает способность пунктуационных МЭЧ к многократной редукации. В сфере неформальной электронной коммуникации протяженные последовательности из повторяющихся заключительных знаков препинания чрезвычайно распространены (ср. примеры (17, 19)). За пределами интернет-дискурса это явление встречается редко. Справочник [Данилов, Сыромятников 2001: 87] отмечает только парные сочетания !! и ??, которые, как и комбинации ? ! и ! ?, обычно не пропускаются корректорами. Повторы конечной тильды или экспрессивное удлинение многоточия не упоминаются. В справочник [Shoogakukan 2007] включены последовательности из двух и трех вопросительных или восклицательных знаков, которые описываются как усиленные, акцентированные формы ? или !.

¹² Пример записан в дореформенной орфографии и датирован 1932 г. В целом справочник [Shoogakukan 2007] весьма аккуратно снабжает устаревшие употребления соответствующими комментариями, но в этом случае такая характеристика отсутствует, как и при аналогичном примере с многоточием.

Вероятно, для знаков препинания такая многократная интенсифицирующая редупликация служит функциональным эквивалентом экспрессивной тильды, выступающей при прочих МЭЧ письменного языка, и является графическим аналогом распространенного в устной речи эмфатического удлинения звуков.

Пунктуационные заключительные частицы могут вытеснять связку, тем самым демонстрируя поведение, которое традиционно отмечается на материале канонических МЭЧ (ср. [Алпатов и др. 2008: 458; Прасол 1999: 6]). В первую очередь эта особенность относится к вопросительному и восклицательному знаку:

(30) 簡単？
kantan?
простой
'Разве ж [это] просто?' [BCCWJ]

(31) 毎日は無理！
mainichi wa muri!
каждый_день TOP чрезмерный
'[Общаться] каждый день – это чересчур!' [BCCWJ]

Исследователями МЭЧ отмечается грамматическая факультативность большинства таких частиц [Прасол 1999: 4]. В связи с этим следует обратить внимание на обязательность употребления точки. Как сообщалось выше, этот показатель служит основным средством деления текста на предложения, обеспечивая различие заключительных форм предикатов и их атрибутивных аналогов. Те же функции принимают на себя и другие пунктуационные МЭЧ, вытесняющие точку. Сильной грамматической нагрузкой наделяются также вопросительный и восклицательный знаки в тех случаях, когда они служат единственными признаками, соответственно, вопросительного или побудительного характера высказывания. В целом грамматическая обязательность более характерна для заключительных знаков препинания, чем для прочих МЭЧ: завершение предложения одним из знаков конечной пунктуации или их сочетанием, за редкими исключениями, является нормой современного письменного языка.

Завершая описание пунктуационных МЭЧ, следует указать на использование тех же графем для записи синонимичных единиц с большей автономностью – в контекстах, подобных следующему:

(32) 「だれがやるの？」
「お前がやるのさ」
「！」
«dare ga yar-u no?»
кто NOM делать-PRS PTCL
«omae ga yar-u no sa»
ты NOM делать-PRS PTCL PTCL
«!»
INTJ
'– Ну и кто [это] будет делать?
– Ты и будешь!
– Я?!' [Shoogakukan 2007: 34]

Справочник [Shoogakukan 2007: 31, 34] отмечает 「！」 в качестве выражения удивления, а 「？」 – сомнения или недоумения; реплика 「……」 понимается как хезитационный сигнал [Данилов, Сыромятников 2001: 71]. Устный коррелят вопросительного и восклицательного знака в таких употреблениях неочевиден. Согласно [Там же], многоточие соответствует молчанию (автором предлагается жестовая интерпретация «растерянно пожимает плечами»).

В таком употреблении знаки препинания сближаются с японскими междометиями **感動詞** *kandooshi*, которые функционально и содержательно сходны с заключительными МЭЧ и отличаются от них в первую очередь позиционной характеристикой и способностью к автономному употреблению (ср. [Алпатов и др. 2008: 511–515; Кизда 2008: 337–343; Martin 2004: 1041–1045]). В силу присутствия кавычек в терминах [Мельчук 1997; Плунгян 2000] данным единицам следует приписывать морфологическую слабую автономность¹³. По данным [BCCWJ], в репликах диалогов могут встречаться и сложные сочетания вида 「 ? ... 」, 「 ? ! 」.

Отметим также возможность автономного употребления заключительных знаков препинания как существительных – в кавычках или без них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье нами предложено описание основных конечных знаков препинания японского языка как заключительных частиц и рассмотрены две базовые функции показателей этого класса – выделение предложений в речевом потоке и сообщение им модально-экспрессивной характеристики. Показано, что пунктуационные МЭЧ функционируют в письменном языке по образцу прочих заключительных частиц с сегментными устными коррелятами, подробно описанных в работах японистов. Два вида МЭЧ демонстрируют сходство, выражая один спектр значений и располагаясь в конце предложения, где служат задачам линейной сегментации дискурса. Можно утверждать, что тенденция к использованию сегментных показателей правой границы, наблюдаемая в предложениях устного японского языка, в его письменной форме оказывается практически возведенной в ранг абсолютного правила.

В основу настоящей статьи положена идея о применении к знакам препинания теоретического аппарата, который был разработан для описания непунктуационных единиц – канонических МЭЧ. Но не менее важным видится шаг в обратном направлении: заключенная в значении последних информация о некоторой границе – обычный объект внимания специалистов в области пунктуации – представляет не меньшую ценность, чем активно исследуемые несинтаксические компоненты.

Как и в случае знаков препинания, на материале канонических МЭЧ можно отметить явные объединяющие тенденции чисто графического (фонетического) характера. Значительное число МЭЧ, которые составляют ядро этого класса (ね, さ, よ и др.), на письме выражаются одной графемой-знаком слоговой азбуки, а в устной речи им соответствует одна **音** *on* (мора) (C)V. Но японская частеречная классификация, насколько нам известно, не уделяет внимания обстоятельствам такого рода. Соответственно, в класс МЭЧ уверенно включаются и фонетически более сложные единицы вроде **もんか** *monka* или **がな** *gana* – хотя примечательно, что именно в таких случаях мнения разных авторов расходятся [Алпатов и др. 2008: 452–471; Кизда 2008: 615–625; Прасол 1999; Martin 2004: 914–958]. Напротив, единицы простейшего формального устройства относятся, например, к падежным послелогам (**が**, **に**, **を** и др.), для которых это свойство тоже не считается определяющим.

Подражая авторам популярных справочников, мы могли бы описать конечные знаки препинания в более традиционном стиле: использовать разработанные для изучения МЭЧ инструменты, обнаружив характерные для МЭЧ свойства, и при всем этом не называть знаки препинания заключительными частицами, ссылаясь на особенности, которые имеют отдаленное отношение к задачам частеречной категоризации и совсем не учитываются в грамматических описаниях. Представляется, однако, что результат такого подхода к заключительной и иной пунктуации оказался бы слишком уязвимым перед бритвой Оккама и имел бы ограниченное практическое применение в обработке письменной речи (см., в частности, упомянутые во введении проблемы [Unidic]).

¹³ Мы не исключаем, что в области неформальной электронной коммуникации может наблюдаться и сильная автономность, однако примеров такого рода нам неизвестно.

Мы полагаем целесообразным приложение к материалу других языков как изложенных в начале статьи общих принципов описания пунктуации, так и представленного подхода к заключительным знакам препинания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC – аккузатив	HOR – гортатив
ADR – адрессив	IMP – императив
ADV – наречие	INTJ – междометие
ATR – атрибут	NEG – отрицание
AUX – вспомогательный глагол	NML – субстантиватор
BEN – бенефактив	NOM – номинатив
COND – условие	PASS – пассив
COP – связка	PRG – прогрессив
CNV – дееспричастие	PRH – прохитив
DAT – датив	PRS – настоящее-будущее время
DPR – депрециатив	PST – прошедшее время
EVD – эвиденциальность	PTCL – частица
FAC – фасилитатив	QUOT – цитационный союз
FOC – фокус	TOP – топик
GEN – генитив	VRB – вербализатор
HON – гоноратив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 1993 – Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26. [Alpatov V.M. On the anthropocentric and system-centric approaches to language. *Voprosy jazykoznanija*. 1993. No. 3. Pp. 15–26.]
- Алпатов и др. 2008 – Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М.: Наталис, 2008. [Alpatov V.M., Arkad'ev P.M., Podlesskaya V.I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of Japanese]. Vol. 1. Moscow: Natalis, 2008.]
- Данилов, Сыромятников 2001 – Данилов А.Ю., Сыромятников Н.А. Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М.: Муравей-Гайд, 2001. [Danilov A.Yu., Syromyatnikov N.A. *Yaponskii yazyk. Puntuatsiya, znaki povtora, vspomogatel'nye pomety* [The Japanese language: punctuation, iteration marks, auxiliary symbols]. Moscow: Muravei Guide, 2001.]
- Зверев 2013 – Зверев А.С. Нестандартное употребление запятой в письменном японском языке: отделение существительных от падежных послелогов // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013». М.: МАКС Пресс, 2013. [Zverev A.S. Non-standard use of the comma in modern written Japanese: detaching nouns from case postpositions. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2013»*. Moscow: MAKS Press, 2013.]
- Кизда 2008 – Кизда М. Грамматика японского языка. Т. 1. М.: ЛКИ, 2008. [Kieda M. *Grammatika yaponskogo yazyka* [Japanese grammar]. Vol. 1. Moscow: LKI, 2008.]
- Маевский 2000 – Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М.: Муравей-Гайд, 2000. [Maevskii E.V. *Graficheskaya stilistika yaponskogo yazyka* [Graphical stylistics of Japanese]. Moscow: Muravei Guide, 2000.]
- Мельчук 1997 – Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.: Прогресс, ЯПК; Вена: WSA, 1997. [Mel'čuk I.A. *Kurs obshchei morfologii* [A course of general morphology]. Vol. 1. Moscow: Progress, YaRK; Vienna: WSA, 1997.]
- Плунгян 2000 – Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. [Plungian V.A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the topic]. Moscow: URSS, 2000.]
- Прасол 1999 – Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток: Издательство ДВУ, 1999. [Prasol A.F. *Zaklyuchitel'nye modal'no-ekspressivnye chastitsy v yaponskoi rechi* [Modal and expressive sentence-final particles in Japanese speech]. Vladivostok: Far Eastern Univ., 1999.]

- Реформатский 2000 – Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2000. [Reformatskii A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Aspekt Press, 2000.]
- Сыромятников 1983 – Сыромятников Н.А. Членение предложений знаками препинания в японской письменности XX в. // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1983. С. 128–136. [Syromyatnikov N.A. Sentence segmentation with punctuation marks in the 20th century Japanese script. *Vostochnoe yazykoznanie: grammaticheskoe i aktual'noe chlenenie predlozheniya*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 128–136.]
- Шалапина 2007 – Шалапина З.М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Восточная литература, 2007. [Shalyapina Z.M. *Trekhmernaya stratifikatsionnaya model' yazyka i ego funktsionirovaniya: k obshchei teorii lingvisticheskikh modelei* [A three-dimensional stratification model of the natural language and its functioning: towards a general theory of linguistic models]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007.]
- Шапиро 1955 – Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. М.: Издательство АН СССР, 1955. [Shapiro A.B. *Sovremennyy russkii yazyk. Puntuatsiya* [Modern Russian punctuation]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1955.]
- Шварцкопф 1988 – Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. [Shvartskopf B.S. *Sovremennaya russkaya puntuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: the system and its functioning]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Fornell 1996 – Fornell J. Punctuation in the Bravice English-to-Japanese machine translation system. *Punctuation in computational linguistics*. Jones B. (ed.). Santa Cruz: UCSC, 1996. Pp. 25–32.
- Jones 1996 – Jones B.E.M. *What's the point? A (computational) theory of punctuation*. PhD thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 1996.
- Martin 2004 – Martin S.E. *A reference grammar of Japanese*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2004.
- Nunberg 1990 – Nunberg G. *The linguistics of punctuation*. Stanford: Center for the study of language and information, 1990.
- Yngve 1960 – Yngve V.H. A model and an hypothesis for language structure. *Proceedings of the American philosophical society*. 1960. Vol. 104. No. 5. P. 444–466.
- Zverev 2013 – Zverev A. The question mark in modern Japanese. *Conference of the Pacific association for computational linguistics – PACLING 2013 proceedings. September 2–4, 2013, Keio University, Tokyo, Japan*. Tokyo, 2013.
- Akizuki 2009 – 秋月高太郎 Akizuki Kootaroo. 日本語ヴィジュアル系 – あたらしいにほんごのかきかた [The visual system of Japanese – a new Japanese way of writing]. Tokyo: Kadokawa, 2009.
- BCCWJ – 現代日本語書き言葉均衡コーパス (中納言) [Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (Chuunagon)]. Available at: <https://chunagon.ninjal.ac.jp>
- Oorui 2006 – 大類雅敏 Oorui Masatoshi. 句読点活用辞典 [A practical dictionary of punctuation]. Tokyo: Eiko, 2006.
- Shoogakukan 2007 – 句読点、記号・符号活用辞典 [A practical dictionary of punctuation, special marks and symbols]. Tokyo: Shoogakukan, 2007.
- Unidic – Morphological dictionary Unidic (v.2.1.2). Available at: <http://sourceforge.jp/projects/unidic/> [Unidic morphological dictionary (v.2.1.2)]

Сведения об авторе:

Алексей Сергеевич Зверев
МГУ им. М.В. Ломоносова /
Институт востоковедения РАН
zvereval@inbox.ru

Information about the author:

Alexey S. Zverev
Lomonosov Moscow state university /
Institute of oriental studies (RAS)
zvereval@inbox.ru
Moscow / Russia

Статья поступила в редакцию 02.03.2014.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

I. Kor Chahine (ed.). Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 331 p. (Studies in language companion series 146.) ISBN 978-90-272-0613-8.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, прочитанных в виде докладов на VI Ежегодной конференции Общества славистов (6th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society), которая прошла в 2011 г. в городе Экс-ан-Прованс, Франция¹.

Сборник состоит из вводной статьи и четырех разделов: морфосинтаксис (раздел 1), синтаксические отношения (раздел 2), имперсональные конструкции (раздел 3), лексическая семантика (раздел 4). Подобное тематическое разделение само по себе небесспорно хотя бы потому, что оно использует классификацию по разным основаниям. Кроме того, содержание конкретных статей не всегда соответствует разделам, в которые они помещены. Так, в разделе «Морфосинтаксис» мы находим статью Антона Циммерлинга «Подъем посессора и славянские клитики», в которой обсуждаются скорее синтаксические, а не морфосинтаксические проблемы. В то же время, статья Максима Макарцева «О маркерах эвиденциальности в двуязычном политическом дискурсе на албанском и македонском языках», помещенная в раздел «Синтаксические отношения», посвящена морфологическому сопоставлению глагольных форм из зоны перфекта в параллельных текстах на двух балканских языках. Наконец, в статье Даниэля Вайса «Ленивый говорящий и очарование пустоты: разговорный русский язык в типологической перспективе» из раздела «Синтаксические отношения» в значительной степени рассматриваются имперсональные конструкции. Таким образом,

композиция сборника представляется не вполне удачной. Тем не менее в защиту составителя можно сказать, что, хотя все статьи так или иначе написаны на материале славянских языков, обсуждаемые явления и подходы к ним (в смысле английского термина «framework») очень разнообразны, так что удачно расположить столь разнородные исследования было бы действительно непросто.

Несмотря на указанное выше разнообразие теоретических установок авторов и интересующих их явлений, во вводной статье Маргерит Гиро-Вебер и Ирины Кор Шаин «Имперсоналы и другие явления в славянских языках» (с. 1–21) отмечается, что тематическим ядром настоящего сборника является исследование имперсональных конструкций в славянских языках. Авторы достаточно подробно говорят о проблеме определения имперсональной конструкции, а также о критериях выделения подлежащего, от которых в значительной степени зависит подход к имперсональным конструкциям. К сожалению, Гиро-Вебер и Кор Шаин ограничиваются обсуждением различных проблем, связанных с определением имперсоналов, и не предлагают собственного операционального определения имперсональной конструкции, поэтому читатель должен делать выводы самостоятельно. Насколько можно судить из текста, авторы придерживаются комплексного понимания имперсональной конструкции в славянских языках, что включает отсутствие контролирующего действие одушевленного агенса на уровне семантики и формальное отсутствие именной группы в именительном падеже.

Значительное место во вводной статье отводится обсуждению наблюдаемых типов имперсональных конструкций в славянских языках. Сюда входят конструкции, обозначающие характеристики окружающей среды (русск. *На улице холодно, Смеркалось*), отри-

¹ Рецензия подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

цание существования (русск. *Отца не было дома*), описание физического или ментального состояния (русск. *Мне тяжело*), конструкции с модальными предикатами (русск. *Мне надо работать*), отрицательные конструкции с дативным экспериенцером (русск. *Мне не до смеха*), инфинитивные конструкции (русск. *Ему ходить, Вам не понять*), имперсоналы с аргументом в аккузативе (русск. *Его лихорадит*), в инструменталисе (русск. *Ветром сорвало крышу*). Опять же, недостатки такой классификации очевидны, потому что здесь формальные основания (форма глагола, падеж аргумента) смешаны с семантическими. Например, как показано в статье Алины Израэли в обсуждаемом сборнике (см. далее), инфинитивные конструкции могут иметь совершенно разную семантику, в зависимости от наличия/отсутствия отрицания, видовой формы глагола и др. Обсуждение различных типов конструкций применительно к конкретным языкам также носит в статье скорее эскизный характер. Тем не менее авторы показывают, что наибольшее разнообразие типов имперсональных конструкций характерно для русского языка, в меньшей степени – для западнославянских языков, наибольшие ограничения на имперсоналы накладываются в южнославянских языках, особенно в болгарском (авторы связывают это с утратой категории падежа). Так или иначе, подробное микротипологическое исследование распределения различных типов имперсональных конструкций в различных славянских языках – это дело будущего. Хочется также надеяться, что в перспективе слависты будут в большей степени учитывать материал украинского, белорусского, словенского, серболужицких языков, которые в настоящем сборнике почти не упоминаются.

Статья Стивена Фрэнкса «Еще раз о связывании и морфологии» (с. 25–42) посвящена варьированию способностей к связыванию у рефлексивов в различных языках. В русском предложении *Милиционер₁ расспрашивал арестованного₂ о себе_{1,2}* рефлексив *себе* связывается только подлежащим, а в его английском аналоге *The policeman₁ asked the suspect₂ about himself_{1,2}* антецедентом для *himself* может быть и подлежащее, и прямое дополнение. Напротив, в русском предложении *Иван₁ читал Сашину₂ статью о себе_{1,2}* возможны два прочтения, а в аналогичном английском предложении *Ivan₁ read Sasha's₂ article about himself_{1,2}* рефлексив связывается только прямым дополнением. Вскоре после возникновения теории связывания Н. Хомского в работе [Yang 1983] было замечено, что существует корреляция между морфологической структурой рефлексива и его способностью к связыванию. Рефлексивы с более простой морфологической структурой вроде *себя* ориентированы на подлежащее и

могут быть связаны дистантным антецедентом. Напротив, более сложные рефлексивы вроде *himself* требуют локального антецедента. Иными словами, синтаксические особенности рефлексива зависят от его (формальной) морфологической структуры. Как отмечает Фрэнкс, эта корреляция противоречит архитектуре современной генеративной грамматики. Если допустить, что морфологическая структура входит в фонетическую форму (phonetic form), а способность к связыванию относится к логической форме (logical form), то получается, что фонетическая форма в случае с рефлексивами оказывается первичной по отношению к логической, а это категорически невозможно в современной модели грамматики. Фрэнкс предлагает следующее решение: синтаксические особенности рефлексива зависят не от его формальной структуры, а от семантики, которая отражена в логической форме. Иными словами, разница между *себя* и *himself* в том, что *himself* охарактеризован по лицу, числу и роду, а *себя* – нет; при этом их внешняя структура не имеет значения. В качестве доказательства этого тезиса Фрэнкс приводит примеры из славянских языков, в которых семантика анафора не коррелирует с его формальной структурой.

В статье Антона Циммерлинга «Подъем посессора и славянские клитики» (с. 43–60) обсуждается способность именных групп и клитик употребляться как внутри именной группы, так и в качестве глагольного аргумента на уровне клаузы при сохранении значения посессивности: ср. русск. *Она не* [_{NP} *дочь Петрова*_{GEN} / *его*_{GEN} *дочь*] vs. *Она ему*_{DAT} / *Петрову*_{DAT} *не дочь*. В литературе обычно считается, что структуры второго типа выводятся из структур первого типа путем «подъема» посессора из именной группы на уровень клаузы. Циммерлинг показывает, что далеко не для всех славянских языков подобный анализ корректен, потому что в большинстве славянских языков обсуждаемые пары очень часто различаются и по своей синтаксической структуре, и по семантике, и по дистрибуции элементов, которые встречаются в этих конструкциях. Поэтому такие конструкции не всегда можно анализировать как связанные отношением простой трансформации подъема посессора. Для этих более тонких случаев автор предлагает термин «посессивный сдвиг» («possessive shift»).

Катажина Янич в статье «Славянские языки и развитие показателя антипассива» (с. 61–74) рассматривает полисемию славянских рефлексивных показателей в типологическом контексте. Раньше в литературе считалось, что показатель антипассива как средство детранзитивации возможен только в эргативных языках, причем способность маркера антипассива употребляться в других конструкциях не принималась во внимание. Современные

исследования демонстрируют, что во многих эргативных языках антипассив маркируется полифункциональным показателем, способным употребляться в других контекстах, в частности в семантической зоне медиального залога. Продолжая эту линию, Янич показывает, что и в аккумулятивных славянских языках показатель *SE* из зоны рефлексива способен употребляться в антипассивных конструкциях, ср. русск. *Он умылся* (рефлексив), *Собака кусается* (антипассив, см. [Say 2005]). Иными словами, если способность антипассивного маркера употребляться в других контекстах не мешает исследователям постулировать антипассивную конструкцию в эргативных языках, то, следуя той же логике, и применительно к аккумулятивным языкам с соответствующим полифункциональным маркером можно с полным правом говорить об антипассивной конструкции.

Статья Марьяны Марель и Эрика Ройланда «Еще раз о клитике *SE* в романских и славянских языках» (с. 75–88) также посвящена полисемии рефлексивного показателя. В частности, речь идет об употреблении показателя *SE* для выражения значений рефлексива (*Вася моется*), реципрока (*Вася и Маша целуются*), пассива (*Дом строится*) и имперсонала (*Здесь хорошо работается*)². Несмотря на то, что по своей теме данная статья очень близка обсуждавшейся выше статье Катажины Янич, Марель и Ройланд подходят к рефлексивной полисемии с совершенно другой стороны – с позиций генеративного синтаксиса. Если для ориентированных на «традиционную» и функциональную типологическую литературу исследователей полисемия рефлексивных маркеров – это почти тривиальный факт, связанный с семантической и диахронической смежностью обсуждаемых переходных конструкций, то для Марель и Ройланда как представителей генеративного направления это «загадка», требующая отдельного исследования и специальной формализации. Так, обсуждение авторами четырех указанных выше типов употребления *SE* и сама постановка проблемы в начале статьи звучат несколько удивительно для типологически хоть немного эрудированного читателя: «Даже беглое знакомство с примерами <...> позволяет заметить, что у этих конструкций очень мало общего как в семантическом, так и в синтаксическом плане. Тем не менее во всех этих предложениях есть (рефлексивная. – М.К.) клитика. Тогда возникает вопрос: случайно ли

² Авторы иллюстрируют четыре типа конструкций примерами из сербского языка, в которых *SE* – это действительно клитика. Здесь мы для простоты приводим русские эквиваленты сербских примеров.

наличие (идентичной. – М.К.) клитики в этих конструкциях или этому можно найти объяснение?» (перевод мой. – М.К.). Так или иначе, Марель и Ройланд предлагают унифицированный синтаксический анализ для различных употреблений рефлексивного маркера.

В статье Даниэля Вайса с причудливым названием «Ленивый говорящий и очарование пустоты: разговорный русский язык в типологической перспективе» (с. 91–121) обсуждаются (в продолжение серии предыдущих работ того же автора) эллиптические конструкции и синтаксические нули в современном русском языке. Согласно Вайсу, эллипсис – это опущение некоторого элемента, который всегда можно восстановить, а синтаксический нуль не соответствует никакому выражению. Если эллипсис – это необязательное, «текстовое», явление, то синтаксический нуль обязателен и относится к системе языка. В своей статье Вайс подробно обсуждает различные типы опущения и нули в современном русском языке, сравнивая современную ситуацию с языком «Жизнеописания» протопопа Аввакума. К сожалению, статья с таким эффектным названием все-таки не вполне оправдывает ожидания читателя. Во-первых, хотя в названии заявлен разговорный вариант языка, на самом деле Вайс опирается в основном на публицистику и русскую литературу XX в. Во-вторых, «типологическая перспектива» у Вайса – это сравнение с польским и чешским языками. Впрочем, последнее тоже ценно: как показывает Вайс, западнославянские языки демонстрируют гораздо меньше «лени и пустоты», чем русский.

Дорота Сикора в работе «Становится ли польский глагол *iść* вспомогательным: корпусное исследование конструкции *iść* + инфинитив» (с. 123–137) показывает, что польский глагол *iść* «идти» находится на пути грамматикализации и может стать маркером проспектива / ближайшего будущего. Автор проводит закономерную параллель с английским *be going to*. Например, как и английский аналог, польский глагол способен сочетаться «сам с собой»: англ. *I'm going to go and pick them up now* «Я пойду и заберу их сейчас»; польск. *Idę iść. Będę wieczorem* «Я уйду. Буду вечером». Однако, в отличие от *be going to*, польский глагол не способен сочетаться с противоположными по семантике инфинитивами: англ. *He is going to stay here for a while* «Он собирается остаться здесь ненадолго», польск. **Idziesz zostać tutaj?* «Ты собираешься здесь остаться?». Таким образом, *iść* действительно может стать грамматикализованным служебным показателем, хотя этот процесс нельзя считать завершенным.

Статья Максима Макареца «О маркерах эвиденциальности в двуязычном политиче-

ском дискурсе на албанском и македонском языках» (с. 139–148) представляет собой опыт сравнения параллельных текстов из двуязычной телепередачи, где албанская речь героев сопровождается македонскими субтитрами, и наоборот. Автора интересует перевод совершенных форм с одного языка на другой. Дело в том, что в македонском совершенная форма, как известно, может использоваться не только для выражения собственно совершенного значения, но и для передачи значения косвенной эвиденциальности. В албанском же совершенная форма может, помимо собственно совершенного значения, использоваться в зоне аориста / имперфекта (при этом эвиденциальность в албанском передается особой формой, синхронно с совершенным не совпадающей). Таким образом, значение совершенных форм в двух языках пересекается лишь частично, и это отражается в переводах, что демонстрирует автор статьи.

Александр Летучий в статье «Странный вариант конструкции со *чтобы* в русском языке: ирреальность и маркирование времени» (с. 149–166) на материале корпусных данных исследует сложные предложения с союзом *чтобы* в русском языке. Как известно, союз *чтобы* требует в подчиненной клаузе глагола в форме инфинитива или прошедшего времени: русск. *Приходи, чтобы за нас поболеть; Чтобы было понятнее, я вставил таблицу; *Чтобы будет понятнее, я вставил таблицу.* Летучий показывает, что это ограничение действует не только в той же клаузе, которую вводит союз, оно может распространяться и на вложенную в нее временную клаузу: *Я хочу, чтобы, когда я приходил, дверь открывала жена.* В данном примере *я приходил* не может иметь значение абсолютного прошедшего времени, потому что это нереальная ситуация. Поскольку, как показывает автор, союз *когда* не накладывает никаких ограничений на глагольную форму, остается предположить, что форму прошедшего времени у *приходил* навязывает союз *чтобы* из верхней клаузы. Современные исследования полипредикативных структур обычно ограничиваются обсуждением предложений с одной вложенной клаузой. Как убедительно демонстрирует Летучий, поведение дважды вложенных клауз не вполне тривиально и нуждается в специальных исследованиях.

Ясмينا Миличевич в статье «Имперсональные конструкции в сербском языке: описание в рамках модели “Смысл–Текст”» (с. 169–183) обсуждает теоретические основания исследования имперсональных конструкций и их соотношение с пассивным залогом, а также представляет достаточно подробное описание различных сербских имперсональных кон-

струкций, используя формализм модели «Смысл–Текст».

Статья Малгожаты Кшек «Интерпретация и залог в польских конструкциях с *SIĘ* и *-NO/-TO*» (с. 185–198) посвящена синтаксическому анализу польских имперсональных конструкций с *SIĘ* (польск. *Tańczy się tutaj często* ‘Здесь часто танцуют’, букв. ‘танцуется’) и *NO/-TO* (польск. *Pracowano ciężko* ‘(Люди) много работали’). Автор показывает, что эти конструкции имеют различную синтаксическую структуру.

Статья Алины Израэли «Дативно-инфинитивные конструкции в русском языке: таксономия и семантика» (с. 199–224) представляет собой опыт классификации русских конструкций с инфинитивом и аргументом в дательном падеже, например, *Ему не вернуться домой.* Израэли выстраивает очень подробную классификацию таких высказываний и достаточно убедительно показывает, что при описании инфинитивных конструкций следует учитывать также глагольный вид, на который исследователи обычно не обращают внимания: ср. *не ему петь* vs. **не ему спеть*. Тем не менее методология Израэли и анализ конкретных типов вызвали у автора настоящей рецензии множество возражений. Не имея возможности высказать здесь их все, отметим лишь самое принципиальное, а именно спорный, на наш взгляд, способ построения таксономии. Во вводном разделе автор статьи отмечает, что обсуждаемые конструкции складываются в русском языке из четырех элементов: дативный аргумент (Dat), инфинитив в совершенном (INF_{PF}) либо несовершенном (INF_{IPF}) виде, отрицательная частица *не* и частицы *ли, же, бы.* *Же* и *бы* в статье не рассматриваются, и дальше автор пишет, что оставшиеся элементы образуют десять теоретически (!) возможных комбинаций. Именно эти комбинации, полученные логическим перебором, и составляют базу таксономии у Израэли. При этом автор, кажется, не учитывает различную степень композициональности у различных конструкций, особенно это касается отрицания. Например, несколько сомнительно выделение в качестве отдельных классов типа *Dat + INF_{IPF}* вроде *Ей здесь жить* и *Dat + не + INF_{IPF}* вроде *Больше ей здесь не жить*, потому что, как кажется, наличие отрицания вполне композиционально меняет семантику первой конструкции. Кроме того, в начале статьи Израэли будто бы с сочувствием цитирует работу [Veugens 1979], в которой говорится об импрессионистичности определения семантики инфинитивных конструкций в лингвистических работах: «инфинитив фатальности», «инфинитив невозможности» и т. д. Однако дальше сама же Израэли так определяет свои типы: «*Dat + NF_{IPF}* означает, что ‘после некоторых

сомнений или размышлений принято решение о том, что будет S'», «Dat + не + INF_{IPF} или не + Dat + INF_{IPF} содержит элемент фаталистского, обычно негативного предсказания» (перевод мой. – М.К.). В целом при чтении статьи возникает ощущение, что автор, при всей внешней дотошности, на самом деле упустил что-то важное. Что именно – покажут дальнейшие исследования.

В статье «О природе дативных аргументов в русских конструкциях с "предикативами"» (с. 225–245) Сергей Сай на материале корпусных данных исследует сочетаемость с дативными аргументами русских предикативов и соответствующих им полных и кратких прилагательных: *Мне это интересно; Этот фильм мне интересен; Интересный мне фильм больше не показывают в кино*. Автор делит предикативы на несколько классов, в зависимости от того, отличается ли их сочетаемость от поведения соответствующих прилагательных, и предлагает иерархию: предикативы > краткие формы прилагательных > полные формы прилагательных. Согласно этой иерархии, полные формы прилагательных реже всего сочетаются с дативными аргументами. Помимо эмпирических результатов, которые ценны сами по себе, интересен также методологический посыл, который отличает многие работы Сая. Автор показывает, что, хотя существуют разные способы интерпретации и анализа обсуждаемых им данных – структурно-синтаксический, деривационный и конструкционный, – ни одна из этих моделей не может адекватно описать все группы предикативов, но вполне подходит для какого-то одного класса явлений. Таким образом, эти модели следует считать не взаимоисключающими, а комплементарными.

В работе «Русские адверсативные имперсоналы и расщепленная эргативность» (с. 247–263) Катрин Шлунд исследует русские конструкции типа *Лодку унесло ветром* в типологическом контексте и показывает, что они по многим параметрам схожи с эргативными конструкциями. Например, как и для эргативных конструкций в языках с расщепленной эргативностью, для обсуждаемых русских имперсоналов характерны ограничения по видо-временной семантике, одушевленности каузирующего участника, сочетаемости с наречиями, а также специфический порядок слов.

Глория де Валдивиа, Жоан Кастельви и Мариона Тауле в статье «Морфологический и лексический вид в русских отглагольных номинализациях» (с. 267–280) задаются вопросом, отражается ли морфологический и лексический вид (примерно соответствующий акциональному классу) глагола на интерпретации соответствующего отглагольного имени как

события, результата или состояния. Авторы показывают, что сильной корреляции между морфологическим видом и акциональным классом глагола, с одной стороны, и семантической номинализацией, с другой стороны, нет. Тем не менее определенные тенденции все-таки прослеживаются: имя со значением события чаще образуется от глагола в несовершенном виде, а имя со значением результата – от глагола в совершенном виде. В то же время глаголы состояния чаще образуют имена со значением состояния, процессуальные глаголы образуют имена со значением события, глаголы совершенного и достижения образуют имена со значением события и результата.

Дмитрий Добровольский и Людмила Пёпель в статье «Лексическая синонимия внутри семантического поля ВЛАСТЬ» (с. 281–295) представляют тонкий лексикографический анализ слов *революция, переворот, мятеж и восстание*. Как справедливо замечают авторы, подобные исследования очень актуальны, потому что они помогают разобраться в механизмах языковой манипуляции и пропаганды.

Статья Владимира Белякова «Коллокации с именными квантификаторами: семантика и сочетаемость» (с. 297–311) посвящена русским словосочетаниям со словами типа *табун, стая, полк, гряда, прорва* и др. Автор показывает, что именные квантификаторы делятся на два класса: полнозначные имена, имеющие собственное лексическое значение и способные употребляться без зависимого слова (*Табун лошадей промчался по степи; Табун промчался по степи*), а также неполнозначные имена, которые могут употребляться только вместе с другим именем: *Во дворе лежала гряда металлолома; ?Во дворе лежала гряда*. Любопытно, что Беляков использует термины «категорематический» и «синкатегорематический» для обозначения квантификаторов первого и второго типа соответственно, никак не комментируя это противопоставление и лишь ближе к концу статьи ссылаясь в сноске на «Антологию мировой философии» 1969 г. Так или иначе, в статье автор демонстрирует при помощи различных тестов на сочетаемость, что два обсуждаемых класса имен обладают неодинаковыми свойствами. Надо заметить, что некоторые примеры Белякова не соответствуют нашей интуиции (*ворох подлости / трусости / слабости; охапка счастья / надежд*), поэтому, на наш взгляд, автору следовало бы опросить носителей языка или шире привлечь корпусные данные, чтобы разобраться с не вполне очевидными случаями. Тем не менее эти частности касаются отдельных единиц и не противоречат общим выводам.

Коллективная статья Татьяны Резниковой, Екатерины Рахилиной, Ольги Карповой,

Марии Кюсовой, Дарьи Рыжовой и Тимофея Архангельского «Схемы многозначности у русских прилагательных и наречий: корпусно-ориентированная база данных» (с. 313–322), по сути, является презентацией семантической базы данных многозначных единиц, над созданием которой работают авторы. Как утверждается в статье, эта база данных имеет не только практическое значение для частных исследований полисемии, она также содержит важные теоретические импликации. Во-первых, подтверждается идея о системной организации лексики. Во-вторых, в базе встречаются такие семантические переходы, которые не предсказываются существующими лингвистическими моделями. Следовательно, современные теории лексических процессов нуждаются в уточнении.

Сведения об авторе:

Мария Борисовна Коношенко
Российский государственный гуманитарный университет / Институт языкознания РАН / Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
eleiteria@gmail.com

Рецензируемый сборник, несомненно, будет интересен широкому кругу читателей, в первую очередь славистам и синтаксистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Veyrenc 1979 – Veyrenc J. Structure de la proposition infinitive impersonnelle (en russe contemporain). *Revue des études slaves*. 1979. T. 49.
Yang 1983 – Yang D.-W. The extended binding theory of anaphors. *Language research*. 1983. Vol. 19.
Say 2005 – Say S. The pragmatic motivation of antipassive in Russian. *Pragmatics today*. Piotr Cap (ed.). Frankfurt am Main, 2005.

М.Б. Коношенко

Information about the author:

Mariya B. Konoshenko
Russian state university for humanities / Institute of linguistics (RAS) / Sholokhov Moscow state university for the humanities
eleiteria@gmail.com
Moscow / Russia

O. Inkova, P. Hadermann (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S. A., 2013. 384 p. (Recherches et rencontres 32). ISBN 978-2-600-01754-1.

Рецензируемый сборник статей посвящен особому классу конструкций сложного предложения, в современной литературе называемых коррелятивными¹. В самом общем смысле коррелятивной считают любую полипредикативную конструкцию, в которой некоторый элемент зависимой клаузы формально соотносится с другим элементом главной клаузы; при этом оба элемента являются не вершинами, а полноценными составляющими (именными группами, группами наречий и т.п.), возможно выраженными местоименными формами. Часто считают, что зависимая клауза при этом должна примыкать к главной, а не к

коррелятивному элементу внутри последней («корреляту»). Примеры конструкций, однозначно рассматриваемых в современной литературе как коррелятивные, приведены ниже:

- (1) Кто не работает, тот не ест.
- (2) The more you read, the less you understand.
- (3) [jo ləŋki vəhā kʰəŋi
которая девушка там стоящая
hɛ], vo ləmbi hɛ
есть она высокая есть
'Девушка, которая там стоит, – высокая'.
(букв. 'Которая девушка там стоит, она высокая'.)
(хинди, [McCawley 2004: 291])
- (4) gā māj yā [kó yī
иди рис с 1+2DU спала
lɛ é plá] à lɛŋ
женщина DEF у 3SG к
'Отнеси риса женщине, у которой мы спали'.
(уан, [Nikitina 2012: 320])

¹ Эти конструкции, точнее те из них, которые используются как относительные, известны также под некоторыми другими названиями: «местоименно-соотносительные» [Белошпкова 1989: 758]; «архаический тип» релятивизации [Зализняк, Падучева 1975]; «диптих» («diptyque» [Haudry 1973]); «примыкающие относительные предложения» («angeschlossene Relativsatz» [Lehmann 1984: 122], «adjoined relative clauses» [Hale 1976]) и др.

Эти предложения хорошо иллюстрируют основные типы коррелятивов. Коррелятивы

Марии Кюсовой, Дарьи Рыжовой и Тимофея Архангельского «Схемы многозначности у русских прилагательных и наречий: корпусно-ориентированная база данных» (с. 313–322), по сути, является презентацией семантической базы данных многозначных единиц, над созданием которой работают авторы. Как утверждается в статье, эта база данных имеет не только практическое значение для частных исследований полисемии, она также содержит важные теоретические импликации. Во-первых, подтверждается идея о системной организации лексики. Во-вторых, в базе встречаются такие семантические переходы, которые не предсказываются существующими лингвистическими моделями. Следовательно, современные теории лексических процессов нуждаются в уточнении.

Сведения об авторе:

Мария Борисовна Коношенко
 Российский государственный гуманитарный университет / Институт языкознания РАН /
 Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
 eleiteria@gmail.com

Рецензируемый сборник, несомненно, будет интересен широкому кругу читателей, в первую очередь славистам и синтаксистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Veyrenc 1979 – Veyrenc J. Structure de la proposition infinitive impersonnelle (en russe contemporain). *Revue des études slaves*. 1979. Т. 49.
 Yang 1983 – Yang D.-W. The extended binding theory of anaphors. *Language research*. 1983. Vol. 19.
 Say 2005 – Say S. The pragmatic motivation of antipassive in Russian. *Pragmatics today*. Piotr Cap (ed.). Frankfurt am Main, 2005.

М.Б. Коношенко

Information about the author:

Mariya B. Konoshenko
 Russian state university for humanities /
 Institute of linguistics (RAS) /
 Sholokhov Moscow state university for
 the humanities
 eleiteria@gmail.com
 Moscow / Russia

O. Inkova, P. Hadermann (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S. A., 2013. 384 p. (Recherches et rencontres 32). ISBN 978-2-600-01754-1.

Рецензируемый сборник статей посвящен особому классу конструкций сложного предложения, в современной литературе называемых коррелятивными¹. В самом общем смысле коррелятивной считают любую полипредикативную конструкцию, в которой некоторый элемент зависимой клаузы формально соотносится с другим элементом главной клаузы; при этом оба элемента являются не вершинами, а полноценными составляющими (именными группами, группами наречий и т.п.), возможно выраженными местоименными формами. Часто считают, что зависимая клауза при этом должна примыкать к главной, а не к

коррелятивному элементу внутри последней («корреляту»). Примеры конструкций, однозначно рассматриваемых в современной литературе как коррелятивные, приведены ниже:

- (1) Кто не работает, тот не ест.
 (2) **The more** you read, **the less** you understand.
 (3) [jo ləŋki vəhā kʰəŋi
 которая девушка там стоящая
 hɛ], vo ləmbi hɛ
 есть она высокая есть
 'Девушка, которая там стоит, – высокая'.
 (букв. 'Которая девушка там стоит, она высокая'.)
 (хинди, [McCawley 2004: 291])
 (4) gā mən̄ yā [kó yī
 иди рис с 1+2DU спала
 lɛ é plá] à lèn̄
 женщина DEF у 3SG к
 'Отнеси риса женщине, у которой мы спали'.
 (уан, [Nikitina 2012: 320])

¹ Эти конструкции, точнее те из них, которые используются как относительные, известны также под некоторыми другими названиями: «местоименно-соотносительные» [Белошапкина 1989: 758]; «архаический тип» релятивизации [Зализняк, Падучева 1975]; «диптих» («diprtique» [Haudry 1973]); «примыкающие относительные предложения» («angeschlossene Relativsatz» [Lehmann 1984: 122], «adjoined relative clauses» [Hale 1976]) и др.

Эти предложения хорошо иллюстрируют основные типы коррелятивов. Коррелятивы

различаются функционально: в (1) и (3)–(4) приведены конструкции, функционирующие как относительные, но способные также выполнять и другие роли (ср. русск. *когда... тогда*), тогда как конструкция в (2) ограничена функцией сравнения (в литературе такие коррелятивы принято называть «сравнительными коррелятивами» – «comparative correlative»). Кроме того, имеются и формальные различия: если в (1) и (3) присутствуют вопросительные или относительные местоимения, в норме не употребляющиеся в независимых предложениях и тем самым сообщающие одной из клауз зависимый статус, то в (2) и (4) в обеих клаузах используются показатели, не маркирующие подчиненный статус предложения (определенные ИГ, личные и указательные местоимения). Кроме того, если в русских предложениях типа (1) и в английских предложениях типа (2) зависимая клауза не может быть вложена в главную, что делает конструкции близкими к паратаксису, то такое вложение допустимо в хинди [Bhatt 2003: 504] и проиллюстрировано для уан в самом примере (4).

Эти и многие другие параметры варьирования коррелятивов в языках мира и в рамках отдельных языков отмечались в литературе начиная с классических работ [Minard 1936; Haudry 1973]. В этих работах были рассмотрены коррелятивные конструкции в санскрите и латыни, обслуживающие релятивизацию и смежные функции; именно подобные конструкции обычно считают «каноническими» коррелятивами, или коррелятивами («в узком смысле»). При этом как формальное, так и функциональное разнообразие конструкций, схожих с примерами (1)–(4) в языках мира, приводит к тому, что чрезвычайно затруднительно предложить непротиворечивое определение коррелятивов, в результате чего границы этого класса конструкций оказываются весьма зыбкими. Авторы и редакторы рецензируемого сборника статей ставят перед собой задачу решить проблему определения и классификации коррелятивных конструкций путем использования многофакторного подхода, сочетающего синтаксические и семантические критерии.

В последние годы коррелятивные конструкции, благодаря своим отличиям от канонических относительных предложений и во многом промежуточному статусу между сочинением и подчинением, привлекают большое внимание исследователей, работающих в различных парадигмах. Однако из недавних обобщающих работ, посвященных коррелятивам, можно отметить лишь сборник [Lipták 2009]. Несмотря на то что появилось уже достаточно много исследований, посвященных этим конструкциям в различных языках, типология и теория кор-

релятивов сегодня продолжают основываться преимущественно на данных индоарийских языков (прежде всего, хинди), в меньшей степени – славянских, а также венгерского. Парадоксальным образом, данные латинского языка, где коррелятивы были, пожалуй, впервые после санскрита описаны подробно, практически не фигурируют в теоретических работах. Кроме того, остаются малоизученными коррелятивы в современных романских языках, где они присутствуют в качестве маргинальной, но вполне живой конструкции. Наконец, работы, посвященные русскому языку, где коррелятивы употребляются весьма широко, исчисляются единицами. Поэтому появление настоящего сборника, где подробно рассматриваются в числе прочего данные французского, латинского и русского языков, является важным шагом вперед для типологии коррелятивных конструкций, существенно обогащая ее эмпирическую базу.

Введение за авторством редакторов сборника, О.Ю. Иньковой и П. Адерманн, содержит краткий обзор общей структуры книги и каждой из вошедших в нее статей, а также включает в себя обсуждение некоторых важных общих вопросов, связанных с синтаксисом и семантикой коррелятивов. Так, наряду с перечислением ряда признаков, которые однозначно относят конструкцию к коррелятивам (таких, например, как наличие лексических пар, в том числе соответствий вида «антецедент – анафорическое выражение»; синтаксическая «созависимость» элементов конструкции), ставится также вопрос о границах коррелятивной конструкции. Так, остро стоит проблема «факультативных» коррелятивов: можно ли считать конструкции с опущением одного из элементов коррелятивными (с. 14)? Исходя из строго формального определения коррелятивов, предполагающего наличие двух явно выраженных элементов, мы вынуждены исключить из этого класса все случаи «опущения» коррелята. Во многих случаях такой анализ оправдан: так, в бесермянском диалекте удмуртского языка коррелят может отсутствовать только при совпадении его падежа с падежом относительной группы [Беляев 2012], что является типичным требованием для так называемых безвершинных относительных (*free relatives*), но не ожидаемо для коррелятивов. В осетинском языке опущение коррелята допустимо только в случае, если зависимая клауза выполняет роль целевого придаточного или сентенциального актанта и находится в конце предложения [Belyaev in print], при том, что в осетинском нулевые местоимения в норме допустимы только в позиции субъекта. Однако в некоторых языках, например в тибетском, «опущение» коррелята допустимо тогда

и только тогда, когда язык в целом допускает нулевую анафору [Cable 2009: 200–204], и для таких конструкций анализ в терминах «нулевого» коррелята представляется оправданным. Общий вывод состоит лишь в том, что данная проблема не имеет универсального решения и определение границ коррелятивов должно производиться в каждом языке на основании внутриязыковых критериев; большую роль также играют теоретические предпосылки, из которых исходит конкретный анализ. Как мы увидим ниже, статьи, вошедшие в рецензируемый сборник, полностью подтверждают этот вывод: как границы коррелятивной конструкции, так и критерии их выделения в разных работах существенно различаются даже в тех случаях, когда речь идет об одном и том же языке.

Первый раздел книги, «De la co-rélation à la corrélation», посвящен общим вопросам синтаксиса и семантики коррелятивов, проблеме определения коррелятивной конструкции и обозначения ее границ. В частности, рассматриваются проблемы классификации конструкций, схожих с «каноническими» коррелятивами в таких языках, как латинский или санскрит (ср. (1) и (3)–(4)), но не обладающих всеми характерными для них свойствами.

Статья К. Мюллера «Corrélation et complémentation dans les comparatives du français dans une perspective typologique» посвящена рассмотрению французских сравнительных конструкций с позиций типологии коррелятивов и их классификации с точки зрения концепции Л. Стассена. Статья интересна прежде всего подробным рассмотрением языковых данных как в синхронной, так и в диахронической перспективе. Предлагается анализ, рассматривающий все французские сравнительные конструкции с *que* в качестве коррелятивных, а также единообразно трактующий употребление *que* в сравнительных конструкциях и в конструкции *ne... que* в значении 'только'.

Не ставя в целом под сомнение выводы автора, хотелось бы затронуть вопрос об употреблении термина «коррелятив». Так, автор утверждает, что в современных конструкциях вида *si âgé que vous vous le figurez* имеется «скрытая» коррелятивная связь, заключающаяся в кореферентности *si* с «нулевым» семантическим элементом в зависимой клаузе, обозначающим степень (с. 28). Этот вывод основывается на том, что на более раннем этапе развития французского языка были возможны примеры типа *Il n'est pas si âgé comme vous vous le figurez*, т. е. с коррелятивной связью *si... comme*; впоследствии *comme* был заменен на универсальный подчинительный союз *que*. Однако едва ли подобные диахронические соображения могут служить основанием для синхронного анализа.

Если принять для коррелятивов чисто семантическое определение, апеллирующее к понятию кореферентности (в широком смысле), то этот класс конструкций будет чрезвычайно обширен: ведь, как кажется, нет какой-либо принципиальной разницы между примерами вида *si âgé que vous vous le figurez* и вида *celle que j'ai vue* или даже *l'homme que j'ai vu*, за исключением того, что в первом случае мы имеем дело с кореферентностью между двумя мерами степени (*degree relatives* [Grosu, Landman 1998]), тогда как во втором и третьем случаях кореферентность устанавливается между индивидами. Едва ли тот факт, что в первых двух случаях вершина относительного предложения выражена местоимением, а в третьем – существительным, может служить достаточным основанием для различной классификации этих предложений.

В статье «Corrélation et rectio» Ж. Корменбёф предлагает исчисление коррелятивных конструкций во французском языке с точки зрения концепции управления (*rectio*) А. Берендоннера [Berrendonner 2012]. Несомненная польза такого исчисления состоит в том, что оно позволяет выделить в современном французском языке достаточно маргинальные и редкие типы коррелятивов, например: *Comme passe le tourbillon, aussi disparaît le méchant*. Однако сопоставимость такой классификации с данными других языков и применимость этого подхода в более широкой типологической перспективе не вполне очевидны. Кроме того, снова встает вопрос о границах феномена коррелятивности. Как и К. Мюллер, Ж. Корменбёф относит к коррелятивам такие предложения, как *Il y a tant de risques qu'il faut être prudent*, где единственным «коррелятивным» признаком оказывается разрывность составляющей (*tant... qu'il faut être prudent*). Однако, как показано, в частности, в [Srivastav 1991] для хинди, следует различать собственно коррелятивы и конструкции с вынесенной вправо зависимой клаузой, которые с синтаксической и семантической точек зрения мало чем отличаются от обычных относительных предложений. Конечно, ничто не мешает предложить определение, идентифицирующее в качестве коррелятивов любые относительные предложения с разрывными составляющими, но такое определение, как кажется, искусственно объединяет несколько различных типов конструкций.

Помимо подобных примеров со спорным статусом, Ж. Корменбёф также относит к «макросинтаксическим» (в его терминологии) коррелятивам соотношения типа *d'une part... d'autre part...*, а также в меньшей степени предложения вида *Il est à peine 8 heures et Eldoret est déjà une fourmillière*. В последнем случае, как

кажется, мы имеем дело лишь с «прагматической» зависимостью, которую едва ли следует формализовать конструкционно. Соотношение *d'une part... d'autre part...* является более сложным случаем, так как здесь мы действительно имеем дело с созависимостью двух элементов. Однако, на мой взгляд, и такие случаи все же не следует относить к коррелятивам, и соответствие здесь устанавливается исключительно за счет лексической семантики компонентов. В противном случае коррелятивами следует считать вообще все случаи употребления слов типа *другой*, поскольку они всегда требуют наличия в контексте или конситуации элемента, с которым производится сопоставление.

Статья И. Чхон-Жонен «La multidimensionalité de la corrélation» ставит своей задачей вписать конструкции, которые во французском языке принято считать коррелятивными, в контекст общей типологии коррелятивных конструкций. С этой целью автор рассматривает основные морфологические, синтаксические, семантические и дискурсивные свойства коррелятивов, выделенные в литературе, и на этом основании предлагает многофакторный подход к коррелятивной конструкции, который затем применяется к французскому языку.

Общее описание свойств коррелятивов в основном учитывает все ключевые результаты последних работ в данной области. Однако, на мой взгляд, некоторые свойства коррелятивов идентифицированы неточно, что оказывает существенное влияние на результат. Так, предложения вида *Les enfants étaient-ils un peu triste (qu')aussitôt leur mere les consolait* (с. 76) рассматриваются автором как отчасти близкие к коррелятивам, как кажется, лишь на основании того, что зависимая (первая) клауза является топиком. Но утверждение, что топикализация является базовым свойством коррелятивов, по меньшей мере спорно: если в ряде языков, например в венгерском [Lipták 2012], коррелятивы действительно обладают функцией топика, то во многих других случаях речь может идти только о схожем с топиками маркировании или о тождестве структурной позиции на левой периферии, но не о собственно дискурсивной функции. Например, в осетинском языке коррелятивы по сути являются единственной допустимой стратегией рестриктивной релятивизации, – едва ли можно говорить о том, что они всегда являются топикальными. Как кажется, никаких других оснований считать рассматриваемые французские конструкции подвидом коррелятивов нет (условная связь маркируется лишь порядком слов и факультативным союзом *que*, т. е. единицы, между которыми устанавливается коррелятивное соотношение, здесь отсутствуют).

В то же время весьма убедительно выглядит предложенный автором анализ условных конструкций с *si... alors...* как коррелятивных. Во многих языках, например в маратхи, подобные условные конструкции структурно ничем не отличаются от относительных коррелятивов [Pandharipande 1997; Bhatt, Pancheva 2006]. Единственным фактором, который, по мнению автора, отделяет эту конструкцию от канонических коррелятивов, является допустимость нескольких условных придаточных. Однако едва ли недопустимость нескольких зависимых клауз, отмечавшаяся для хинди [Grosu, Landman 1998], можно считать базовым признаком коррелятивов. «Наслоение» (stacking) зависимых клауз, по-видимому, все же встречается в некоторых вариантах хинди [McCawley 2004: 305], и оно безусловно было возможно в санскрите [Davison 2009]; также оно возможно в осетинском [Беляев 2014; Belyaev in print]. Поэтому французские условные конструкции такого рода можно без каких-либо особых оговорок считать коррелятивными.

В работе С. Мелле «Proposition pour fonder énonciativement l'unité des phénomènes de corrélation» на основании данных прежде всего латинского языка предлагается функционально-семантическое определение коррелятивной конструкции, которое, по мысли автора, способно охватить весь спектр ее формальных типов. Предлагаемое определение таково: «прототипическая коррелятивная структура... характеризуется операцией идентификации между двумя переменными, или, точнее, заполнением пустой аргументной позиции в p_2 (вторая клауза. – О. Б.) путем проведения ее идентификации с переменной, предварительно обозначенной в p_1 ». Интуитивная суть определения понятна, и оно достаточно широко, чтобы охватить различные семантические анализы коррелятивов. Так, как указывает сама С. Мелле, оно практически идеально соответствует анализу В. Сривастав [Srivastav 1991], в рамках которого зависимая клауза выступает как обобщенный квантификатор, а коррелятив рассматривается как семантически пустой элемент («выраженный след») в главной клаузе. Также можно указать на анафорический анализ коррелятивов в хеттском языке, предложенный в [Hahn 1949], где относительная группа рассматривается как неопределенная ИГ, а коррелятив – как местоимение, анафорически отсылающее к ней. Анафорический анализ также предложен для санскрита и хинди в [Davison 2009] и для осетинского в [Беляев 2011; Belyaev 2014].

Однако если подходить к определению С. Мелле более формально, то возникает вопрос о том, как именно следует понимать

«операцию идентификации» и «обозначение» (qualification) переменной. Ведь в самом широком смысле этому определению соответствуют вообще любые относительные предложения, ср. определение Э. Эндрюза: «относительное предложение (ОП) является зависимой клаузой, ограничивающей референцию ИГ, указывая на роль референта этой ИГ в ситуации, описанной ОП» [Andrews 2007: 206]. Если рассматривать ограничение референции как «идентификацию», а указание на роль референта ИГ в зависимой клаузе – как ее «обозначение», то определения практически эквивалентны. Как кажется, для того чтобы адекватно описать суть семантических отличий коррелятивов от других видов ОП, необходимо основываться на семантической теории, проводящей строгое различие между разными видами кореферентности и разными способами идентификации переменных, ср. различие между кореферентностью и связыванием переменной в формальной семантике [Partee 1978].

Второй раздел книги, «Corrélation morpho-syntaxique», посвящен анализу коррелятивов канонического типа в конкретных языках: латинском, русском и хинди.

В статье М. Фрюйи «La corrélation en latin: statut et évolution» подробно описывается система латинских коррелятивов, которые понимаются исключительно формально, как содержащие две «ассоциированные друг с другом лексемы, функционирующие как пара... как правило, подчинительный союз и неподчинительный анафорический элемент» (с. 109). Эта работа представляет большой интерес, так как, как было указано выше, латинские коррелятивы, несмотря на их высокую частотность в языке, довольно редко фигурируют в теоретических и типологических работах, посвященных этой конструкции. Особенно следует отметить введение в научный оборот примеров на употребление коррелятивов в значении причины (с. 125: *Hoc eo ad te scripsi quod...* 'я тебе это потому пишу, что...'), уступки (с. 126: *Quodsi summum gradum non attigero, tamen...* 'если я и не достигну высшей степени, тем не менее...') и даже сентенциального актанта (с. 132: *quod te de Tadiano negotio decidisse scribis, id ego Tadio et gratum esse intellexi...* 'что ты пишешь, что ты решил вопрос Тадия положительно, я понял, что это удовлетворило и Тадия...'). Если употребление коррелятивов для условия и уступки широко известно, то коррелятивы в значении сентенциальных актанта или причины практически никогда не упоминаются в литературе. В то же время, например, в осетинском коррелятивы стали одной из основных стратегий маркиро-

вания этих типов полипредикации [Belyaev 2014]. Хотя в латинском сентенциальные актанта и придаточные причины, выраженные коррелятивами, встречаются, как кажется, значительно реже, сам факт их существования говорит о том, что сфера употребления коррелятивов гораздо шире, чем собственно релятивизация, и типологически их следует рассматривать как особый тип сложного предложения.

Статья О.Ю. Иньковой «Domaines de la corrélation en russe» является одной из первых работ, в которых коррелятивы и смежные конструкции в русском языке последовательно рассматриваются как части единой системы. Как указывает автор, практически единственными исследованиями, специально посвященными русским коррелятивам, на сегодняшний день являются работы О.В. Митрениной [Митренина 2008; Mitrenina 2010; 2012] и К. Пайкиной [Paykin 2009]. Можно также отметить работу [Никунласси 2008], рассматривающую так называемые приместоименно-относительные конструкции в русском языке. Таким образом, работа О.Ю. Иньковой имеет большое значение для исследования русских коррелятивов. Особенный интерес, на мой взгляд, представляет разделение трех видов отношений между двумя клаузами: идентичности (identité), аналогии (analogie) и импликации (implication). В частности, последнее отношение важно отличать от двух первых: как показано, например, в работе [Arsenijević 2009], коррелятивы часто схожи с условными конструкциями как формально, так и семантически, и так называемая универсальная интерпретация (*Что посеешь, то и пожнешь*) в действительности обладает условной семантикой ('если посеешь x, то пожнешь x').

Хотелось бы лишь обратить внимание на примеры (a)–(d) на с. 178, взятые из статьи О.В. Митрениной [Mitrenina 2010]: *Какую машину он хотел, такую и купил; Какую он хотел, такую машину и купил* и т. д. О.Ю. Инькова вслед за О.В. Митрениной трактует существительное *машина* в таких конструкциях как именную вершину относительного предложения (внутреннюю и внешнюю). На мой взгляд, такая трактовка не является единственно возможной: можно сказать, что в данном случае релятивизуется не позиция прямого объекта зависимой клаузы (*он хотел X*), а позиция атрибута при прямом объекте зависимой клаузы (*он хотел машину вида X*), т. е. не индивид, а свойство. Это подтверждается тем, что элемент в главной клаузе не обязательно должен отсылать к тому же референту, что и группа *какую X*, ср. *Какой дом он хотел, такую квартиру и купил* – предложение допустимо,

если речь идет, например, о том, что человек хотел купить дорогой дом и в результате купил аналогичную по статусу квартиру. Сюда же относятся предложения типа *Каков поп, таков и приход*, с тем единственным отличием, что признак здесь находится не в атрибутивной, а в предикативной позиции. Собственно же именная вершина в коррелятивах в русском литературном языке, как кажется, использоваться не может (**Который человек не работает, тот не ест*; *??Какой человек не работает, такой не ест*), хотя подобные примеры встречаются в разговорной речи или в текстах, подражающих разговорному регистру, например: *Который бригадир умный – тот не так на работу, как на процентку налегает* (НКРЯ: А. Солженицын. *Один день Ивана Денисовича* (1961)). Добавлю, что анализ примеров вида *какую... такую* в терминах релятивизации признака или анафорического подхода к коррелятивам не встречает затруднений: например, можно использовать теорию Дж. Кьеркии, в соответствии с которой признаки являются объектами, которые, как и индивиды, могут быть релятивизованы и к которым возможна анафора [Chierchia 1984; McNally 2009].

Статья А. Монто «De l'anaphore à la corrélation, en passant par la subordination en hindi moderne» посвящена коррелятивам в хинди – пожалуй, наиболее изученному случаю коррелятивной конструкции в языках мира. Однако и здесь, как хорошо показывает статья А. Монто, имеется ряд нерешенных вопросов. Прежде всего, автор показывает, что коррелятивы в хинди исторически восходят к соположению двух предложений с анафорической связью между их элементами. Это следует из того, что показатели релятивизации в хинди, восходящие к индоевропейской серии **jo-*, вероятнее всего, исторически произошли из демонстративов (что видно, например, из данных славянских языков и авестийского). И с синхронной точки зрения, как показывает автор, коррелятивы в хинди можно рассматривать в анафорических терминах; см. в этой связи также работу [Davison 2009].

Статья А. Монто интересна также тем, что в ней проводится сопоставление коррелятивов в хинди с другими подчинительными средствами в этом языке. Показано, что подчинительный союз *ki*, заимствованный из персидского языка и вводящий в числе прочего sentенциальные актанты, придаточные цели и причины, также имеет тенденцию к коррелятивному употреблению: он может дублироваться в главной клаузе указательным местоимением *yah* 'то', причем в некоторых случаях такое дублирование обязательно (с. 208). Кроме того, союз *yab* 'когда' может использоваться для маркирования

sentенциальных актантов ('я не знаю, когда придет Сита'), и в таком случае коррелятивом оказывается не обычный *tab* 'тогда', а *yah* 'то' (с. 209). Это показывает, что хинди находится на промежуточной ступени на пути к системе, подобной осетинской, где практически все типы подчинения выражаются при помощи коррелятивов [Christol 1992; Belyaev 2014]. Однако употребление коррелятивов для маркирования причины или sentенциальных актантов практически не обсуждается в литературе, в результате чего в типологии сложилось не вполне точное представление о коррелятивах как о преимущественно релятивизирующей стратегии.

Третий раздел книги, «Structures isomorphes», посвящен феноменам, не подпадающим под определение коррелятивов в узком смысле, но формально схожим с ними: двойным сочинительным союзам (*и... и...*) и сравнительным коррелятивам (2).

В статье Ф. Муре «Sur la notion de 'corrélateur'» обсуждаются проблемы синтаксиса и семантики двойных союзов. Их сходство с каноническими коррелятивами определяется прежде всего наличием двух структурно связанных друг с другом элементов. Как указывает автор, если в случае с каноническими коррелятивами речь идет о грамматическом или, иначе говоря, конструкционном типе коррелятивов, то в случае с двойными союзами – о «морфологическом» типе. Автор также показывает, что двойные сочинительные союзы обнаруживают определенные сходства со сравнительными коррелятивами.

Ф. Муре принадлежит интересное наблюдение, связанное с семантикой двойных союзов. Как известно, сочинительные группы могут иметь две интерпретации, «групповую» (*Алан и Сослан вместе написали статью*) и «дистрибутивную» (*Алан и Сослан написали по статье каждый*). Как показывает автор, во французском языке двойные союзы не могут быть использованы ни в одном из этих контекстов: **Et Paul et Marie ont écrit ensemble un article*; **Et Paul et Marie ont écrit chacun un article*, но исключительно в немаркированном предложении вида *Et Paul et Marie ont écrit un article*, причем между конъюнктами должно устанавливаться отношение дискурсивного параллелизма (с. 223). Видимо, в этом французский язык отличается от русского, так как в русском языке предложение *И Алан, и Сослан написали каждый по статье*, как кажется, является допустимым, тогда как **И Алан, и Сослан вместе написали статью* некорректно, т. е. русские двойные союзы могут быть описаны как имеющие «дистрибутивную» интерпретацию, но не имеющие «групповой».

Статья П. Адерманн, М. Пьеррара, О. Руар и Д. ван Рамдонка «Les structures corrélatives en plus ... plus: le point de vue des marqueurs de liaison» посвящена сравнительным коррелятивам во французском языке. В предыдущих исследованиях [Hadermann et al. 2010] авторы пришли к выводу, что коррелятивная связь во французском языке представляет собой особый тип полипредикативного отношения, не сводимый к понятиям «сочинение» и «подчинение» и в то же время не являющийся промежуточным между ними. В настоящей работе предпринята попытка применить аналогичный подход не к самой полипредикативной конструкции, а к показателям синтаксической связи между ее компонентами. Авторы прослеживают процесс грамматикализации наречий в качестве показателей полипредикации. В то же время они указывают, что этот процесс не полностью завершен, и поэтому употребление этих наречий мотивировано в большей степени семантикой, чем синтаксисом конкретной конструкции (с. 246).

В статье Б. Каппелля «Le liage et la corrélativité en *the... the...*, construction que plus on l'étudie, plus on se questionne» содержится корпусное исследование возможности выноса аргументов из английских сравнительных коррелятивов. Утверждается, что сравнительные коррелятивы подчинительны в том смысле, что в них возможен вынос элементов из первой клаузы, т. е. нарушается ограничение на сочинительную структуру: *This is the sort of problem [which, [the sooner you solve ___], [the more easily you'll satisfy the folks up at the corporate headquarters]]* [Culicover, Jackendoff 1999: 564]. Результат, к которому приходит автор, проиллюстрирован в самом заглавии его статьи: чаще всего в таких случаях используется резюмтив, а не ноль, т. е. мы заведомо не имеем дела с передвижением: *This is the sort of music that the more you hear it, the more you feel sad*. В некоторых случаях, по-видимому, употребление резюмтива является обязательным. Это является дополнительным аргументом в пользу аномального статуса сравнительных коррелятивов с точки зрения дихотомии сочинения и подчинения, который нуждается в объяснении в рамках предлагавшихся ранее анализов.

Последний, четвертый, раздел книги посвящен конструкциям, никак напрямую не связанным с коррелятивами, но тем не менее в широком смысле близким к ним в том, что касается повторения нескольких элементов или соответствия между ними.

Статья Э. Мандзотти «Come ... così ..., così come De quelques cas de comparaison corrélativité (et non corrélativité) en italien» посвящена сравнительным конструкциям в итальянском языке, в особенности тем, где имеется

соответствие между *come* 'как' и *così* 'так': *Lei è sveglia, così come sua sorella; Come è sveglia sua sorella, così è sveglia lei*. Интересно, что в конструкциях второго типа, т. е. в коррелятивах в узком смысле, невозможен обратный порядок *così... come*; также весьма желательным является параллелизм в порядке слов, который к тому же довольно сильно ограничен: **Come sua sorella è sveglia, così lei è sveglia*. Кроме того, как показывает автор, коррелятивный вариант допустим далеко не для всех сравнительных конструкций, например: *Taceva imbronciato, così come se fosse di malumore; *Come se fosse di malumore, così taceva (imbronciato)* (с. 293). Между этими примерами, по мысли автора, имеется семантическое различие: коррелятивное употребление допустимо в случае, если *così* и *come* используются в прямом, «объективном» смысле, обозначая образ действия или степень признака, но недопустимо, если мы имеем дело с «интерпретативным» употреблением *così* и *come*, как в последнем примере, где речь идет об оценке некоторой гипотетической ситуации.

В статье М. Дальма «Les corrélatifs de l'allemand et leur rôle dans la structure informationnelle de l'énoncé» рассматривается использование местоименных коррелятивов в немецких полипредикативных конструкциях, например: *Er hat es begrüßt, dass fast alle Eltern von schulpflichtigen Schülern gekommen waren* (с. 310). При этом в данном случае опущение коррелята невозможно: **Er hat, dass fast alle Eltern von schulpflichtigen Schülern gekommen waren, begrüßt*. В статье рассматриваются различные типы подобных пропозициональных коррелятивов и их грамматические позиции. Особое внимание автор уделяет случаям, в которых коррелят является факультативным. Как показывает М. Дальма, с рядом глаголов (*beobachten* 'наблюдать', *sagen* 'говорить', *erlauben* 'разрешать' и др.) коррелят может употребляться только в случае, если содержание сентенциального актанта упоминалось ранее: *Wann habt ihr es gesagt, dass ihr schwanger seid...* (с. 317) Тогда зависимая клауза рассматривается как топик. С рядом других глаголов (*bedauern* 'сожалеть', *ablehnen* 'отказывать', *hassen* 'презирать' и др.) употребление коррелята свободнее, но в целом можно сказать, что он используется для маркирования фокуса. Таким образом, функция коррелята в немецком языке различна в зависимости от класса глагола, с которым он употребляется. Это напоминает данные осетинского языка, где местоименный коррелят в сентенциальных актантах также факультативен и обозначает либо фактивность, либо топикальность, либо —

в случае его нахождения в предглагольной позиции – фокусный статус зависимой клаузы. При этом функциональная нагрузка коррелята также в значительной степени определяется семантикой матричного глагола [Serdobolskaya in print].

Статья Ф. Гаше «Constructions à télescope temporel» посвящена разнородному классу французских конструкций, которые часто рассматривают в качестве коррелятивных: *Nous ne sommes pas encore fiancés, et déjà nous n'avons plus rien à nous dire; À peine un prix est-il décerné qu'aussitôt on fourbit ses armes pour le prochain combat*. Несмотря на различный синтаксический статус и использование разных союзов, эти конструкции объединяет то, что некоторый элемент в первом предложении «предвосхищает» соответствующий ему элемент во втором предложении и в сумме эти элементы выражают определенный вид темпоральной связи между предикациями. Автор разрабатывает семантическую схему подобных конструкций и последовательно рассматривает каждую из них в рамках этой схемы. Особый интерес представляют два вопроса: во-первых, каков статус конструкций с *que* с точки зрения противопоставления сочинения и подчинения; во-вторых, насколько каждую из подобных конструкций можно считать коррелятивной. На первый вопрос автор отвечает следующим образом: *que* не маркирует иерархической связи между пропозициями и в таком смысле не является подчинительным, но при этом его функция состоит в том, что он показывает синтаксическую «взаимозависимость» двух клауз. Что касается второго вопроса, то, как указывает Ф. Гаше, ответ на него зависит от того, какое определение коррелятивов используется: если исходить из того, что коррелятивной является любая структура, в которой имеет место синтаксическая взаимозависимость двух пропозиций, то конструкции с *que* являются коррелятивными. Если же включать в этот класс и конструкции с прагматической взаимозависимостью, то коррелятивными оказываются все рассматриваемые примеры. Однако, как было указано мною выше, ценность подобных определений не очень высока: ведь ту или иную степень синтаксической, семантической и тем более прагматической взаимозависимости проявляют все виды относительных предложений и смежных с ними типов (временных, условных и т. п.). Тем самым вывод о «коррелятивности» той или иной конструкции в рамках данной парадигмы не обладает типологической или теоретической релевантностью, пока не предложено строгое, ограничительное и однозначно применимое определение понятия

«взаимозависимости» на каждом из уровней грамматики.

Последняя статья в сборнике принадлежит Л. Барандзини и называется «La structure (per) V_x INF, V_x FIN en italien». Она посвящена конструкциям вида *In quanto a dormire, dorme* или *(Per) dormire, dorme* в итальянском языке. По своему значению они аналогичны русским предложениям вида *Спать-то он спит*. Как показывает автор, итальянские конструкции обладают рядом морфосинтаксических отличий друг от друга: так, конструкция с нулевым маркированием употребляется не только с глаголами, но и, например, с прилагательными, тогда как такое употребление невозможно в конструкциях с предлогами: *Carina, è carina; *In quanto a carina, è carina*. Напротив, отрицание допустимо только с предлогом, причем в таком случае оно должно присутствовать в обоих компонентах: *Per non parlare, non parla; ?Per parlare, non parla; ?Non studiare, non studia* (с. 349). Автор сопоставляет эту конструкцию с топикализацией типа «hanging topic»: *Le vacanze, non so proprio cosa fare, quest'anno* (с. 352). При выносе инфинитива его нельзя «восстановить» в основной предикации; точно так же и вынесенная влево ИГ при подобного рода топикализации не поддается восстановлению. Поэтому единообразный анализ этих явлений совершенно оправдан. Что касается семантико-прагматических функций конструкций, то они, по мнению Л. Барандзини, состоят в сочетании трех операций: (а) топикализация информации, представленной как уже активированная; (б) ассерция этой информации; (в) противопоставление ее правому контексту и отмена ожидаемых следствий из описываемой ситуации. Третье требование хорошо видно из следующего примера: [*Il mio pesciolino*] *Mangiare mangia, ma non gira, non si alza mai dalla sua posizione sul fondo* (с. 355).

В качестве заключения следует сказать, что выход в свет рецензируемого сборника статей представляет собой важный шаг вперед в исследовании коррелятивных конструкций в языках мира. Особенно значимо то, что в центре внимания оказались не хорошо известные из литературы примеры коррелятивов, а конструкции, лежащие на периферии этой области, а также языки, в которых коррелятивные конструкции практически не изучены или данные которых редко фигурируют в типологических и теоретических работах. Книга содержит массу ценнейших сведений и оригинальных аналитических решений и представляет большой интерес для всех лингвистов, интересующихся типологией коррелятивов, а также, шире, полипредикативных конструкций в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белошапкина 1989 – Белошапкина В.А. (ред.). Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989.
- Беляев 2011 – Беляев О.И. Коррелятивность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? // *Acta linguistica petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. Т. 7. Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 261–269.
- Беляев 2012 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция и конструкция относительно предложения с внутренней вершиной в бесермянском диалекте удмуртского языка // Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю., Сай С.С., Калинина Е.Ю. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 647–679.
- Беляев 2014 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014.
- Зализняк, Падучева 1975 – Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика*. 1975. № 6. С. 51–101.
- Митренина 2008 – Митренина О.В. Синтаксис коррелятивных конструкций русского языка с позиций генеративной грамматики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2008. № 7. С. 356–360.
- Никунласси 2008 – Никунласси А. Приместоименно-относительные конструкции в современном русском языке. Helsinki: Helsinki University Press, 2008.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- Andrews 2007 – Andrews A. Relative clauses. *Language typology and syntactic description*. Shopen T. (ed.). Vol. 2: Complex constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 206–236.
- Arsenijević 2009 – Arsenijević B. {Relative {conditional {correlative clauses}}}. *Correlatives cross-linguistically*. Liptak A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 131–156.
- Belyaev 2014 – Belyaev O. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining. *On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Suihkonen P., Whaley L.J. (eds) Amsterdam: John Benjamins, 2014. Pp. 275–310.
- Berrendonner 2012 – Berrendonner A. Autour de la rection. *Penser les langues avec Claire Blanche-Benveniste*. Caddéo S., Roubaud M.-N., Rouquier M., Sabio F. (éds). Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2012. Pp. 83–91.
- Bhatt 2003 – Bhatt R. Locality in correlatives. *Natural language and linguistic theory*. 2003. Vol. 21. Pp. 485–541.
- Bhatt, Pancheva 2006 – Bhatt R., Pancheva R. Conditionals. *The Blackwell companion to syntax*. Vol. 1. Everaert Z.M., van Riemsdijk H., Goedemans R., Hollebrandse B. (eds). Oxford: Blackwell, 2006. Pp. 638–687.
- Cable 2009 – Cable S. The syntax of the Tibetan correlative. *Correlatives cross-linguistically*. Liptak A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 195–222.
- Chierchia 1984 – Chierchia G. *Topics in the syntax and semantics of infinitives and gerunds*. PhD thesis. Amherst: University of Massachusetts, 1984.
- Christol 1992 – Christol A. Autour des corrélatifs ossètes. *Caucasologie et mythologie comparée*. Paris C. (éd.). Paris: SELAF, 1992. Pp. 305–318.
- Culicover, Jackendoff 1999 – Culicover P.W., Jackendoff R. The view from the periphery: the English comparative correlative. *Linguistic inquiry*. 1999. No. 30. Pp. 543–571.
- Davison 2009 – Davison A. Adjunction, features and locality in Sanskrit and Hindi/Urdu correlatives. *Correlatives cross-linguistically*. Liptak A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 223–262.
- Grosu, Landman 1998 – Grosu A., Landman F. Strange relatives of the third kind. *Natural language semantics*. 1998. Vol. 6. Pp. 125–170.
- Hadermann et al. 2010 – Hadermann P., Pierrard M., van Raemdonck D., Wielemans V. Les structures corrélatives: pour une inscription dans les sous-systèmes parataxe/hypotaxe et coordination/subordination. *La parataxe*. Béguelin M.-J., Avanzi M., Corminbœuf G. (éds). T. 2. Berne: Peter Lang, 2010. Pp. 219–239.
- Hahn 1949 – Hahn E.A. The non-restrictive relative in Hittite. *Language*. 1949. T. 25. No. 4. Pp. 346–374.
- Hale 1976 – Hale K. The adjoined relative clause in Australia. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R.M.W. (ed.). Atlantic Highlands (NJ): Humanities press, 1976. Pp. 78–105.
- Haudry 1973 – Haudry J. Parataxe, hypotaxe et corrélation dans la phrase latine. *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. 1973. T. 68. No. 1. Pp. 147–186.
- Lehmann 1984 – Lehmann C. *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen: Narr, 1984.
- Lipták 2009 – Lipták A. (ed.). *Correlatives cross-linguistically*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009.

- Lipták 2012 – Lipták A. Correlative topicalization. *Acta linguistica hungarica*. Vol. 59. 2012. No. 3. Pp. 245–302.
- McCawley 2004 – McCawley J.D. Remarks on adsentential, adnominal and extraposed relative clauses in Hindi. *Clause structure in South Asian languages*. Dayal V., Mahajan A. (eds). Dordrecht: Kluwer, 2004. Pp. 291–311.
- McNally 2009 – McNally L. Properties, entity correlates of properties, and existentials. *Quantification, definiteness and nominalization*. Gianakidou A., Rathert M. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 163–187.
- Minard 1936 – Minard A. *La subordination dans la prose védique*. Paris: Les Belles Lettres, 1936.
- Mitrenina 2010 – Mitrenina O. Correlatives: Evidence from Russian. *Formal studies in slavic linguistics: Proceedings of Formal description of Slavic languages 7.5*. Zybatow G., Dudchuk P., Minor S., Pshhotskaya E. (eds). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. Pp. 135–152.
- Mitrenina 2012 – Mitrenina O.V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *kotoryj* ('which') in Middle Russian. *Slověne*. 2012. No. 1. С. 61–73.
- Nikitina 2012 – Nikitina T. Clause-internal correlatives in Southeastern Mande: A case for the propagation of typological rara. *Lingua*. 2012. No. 122. Pp. 319–334.
- Pandharipande 1997 – Pandharipande R.V. *Marathi: a descriptive grammar*. London: Routledge, 1997.
- Partee 1978 – Partee B. Bound variables and other anaphors. *Theoretical issues in natural language processing 2 (TINLAP-2)*. Waltz D.L. (ed.). Urbana (IL): University of Illinois, 1978. Pp. 79–85.
- Paykin 2009 – Paykin K. Structures comparatives en russe, le cas particulier des structures en *čem-tem*. *Langages*. 2009. No. 174. Pp. 83–98.
- Serdobolskaya in print – Serdobolskaya N. Semantics of complementation in Ossetic. *Semantic functions of complementizers in European languages*. Kehayov P., Boye K. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter. In print.
- Srivastav 1991 – Srivastav V. The syntax and semantics of correlatives. *Natural language and linguistic theory*. 1991. Vol. 9. Pp. 637–686.

О.И. Беляев

Сведения об авторе:

Олег Игоревич Беляев
Институт языкознания РАН / МГГУ
им. М.А. Шолохова
obelyaev@gmail.com

Information about the author:

Oleg I. Belyaev
Institute of linguistics (RAS) / Sholokhov Moscow
state university for the humanities
obelyaev@gmail.com
Moscow / Russia

G. Polian. Gramática del tselal de Oxchuc. Т. 1–2. México: Centro de investigaciones y estudios superiores en antropología social, 2013. 964 p. (Publicaciones de la Casa Chata.) ISBN 978-607-486-221-8.

Жиль Полиан работает с языком цельталь уже более пятнадцати лет. В 2004 г. в Париже он защитил диссертацию под названием «Éléments de grammaire du tselal», которая стала результатом его шестилетней работы с носителями этого языка. В 2006 г. он опубликовал свою «первую» версию цельтальской грамматики на французском языке [Polian 2006]. В 2006–2010 гг. под его руководством в Учебно-образовательном центре по социальной антропологии (CIESAS) в г. Сан-Кристоваль-де-лас-Касас (Мексика) велась работа по документированию языка цельталь, которая была поддержана двумя грантами HRELP (Hans Rausing endangered languages project). Таким образом, данная двухтомная испано-язычная грамматика является своего рода финальным аккордом продолжительной и пло-

дотворной теоретической и полевой работы ее автора.

Грамматика Ж. Полиана описывает один диалект цельталь – диалект селения Ошчук. Цельталь условно делится на три диалектные зоны (север, центр, юг), и Ошчук принадлежит к центральной зоне. Как отмечается на с. 36, все диалекты цельталь взаимопонятны, хотя и имеют различия на всех языковых уровнях от фонологии до синтаксиса. Задачей автора является максимально подробное синхронное описание одного диалекта. Хотя в различных местах грамматики иногда проводятся параллели с другими диалектами цельталь, а также с соседними языками майя (прежде всего с цоцилем и чодем), диалектологическое и сравнительно-историческое исследования сознательно оставлены за рамками данной работы.

- Lipták 2012 – Lipták A. Correlative topicalization. *Acta linguistica hungarica*. Vol. 59. 2012. No. 3. Pp. 245–302.
- McCawley 2004 – McCawley J.D. Remarks on adsentential, adnominal and extraposed relative clauses in Hindi. *Clause structure in South Asian languages*. Dayal V., Mahajan A. (eds). Dordrecht: Kluwer, 2004. Pp. 291–311.
- McNally 2009 – McNally L. Properties, entity correlates of properties, and existentials. *Quantification, definiteness and nominalization*. Gianakidou A., Rathert M. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 163–187.
- Minard 1936 – Minard A. *La subordination dans la prose védique*. Paris: Les Belles Lettres, 1936.
- Mitrenina 2010 – Mitrenina O. Correlatives: Evidence from Russian. *Formal studies in slavic linguistics: Proceedings of Formal description of Slavic languages 7.5*. Zybatow G., Dudchuk P., Minor S., Pshehetskaya E. (eds). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. Pp. 135–152.
- Mitrenina 2012 – Mitrenina O.V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *kotoryj* ('which') in Middle Russian. *Slověne*. 2012. No. 1. C. 61–73.
- Nikitina 2012 – Nikitina T. Clause-internal correlatives in Southeastern Mande: A case for the propagation of typological rara. *Lingua*. 2012. No. 122. Pp. 319–334.
- Pandharipande 1997 – Pandharipande R.V. *Marathi: a descriptive grammar*. London: Routledge, 1997.
- Partee 1978 – Partee B. Bound variables and other anaphors. *Theoretical issues in natural language processing 2 (TINLAP-2)*. Waltz D.L. (ed.). Urbana (IL): University of Illinois, 1978. Pp. 79–85.
- Paykin 2009 – Paykin K. Structures comparatives en russe, le cas particulier des structures en *čem-tem*. *Langages*. 2009. No. 174. Pp. 83–98.
- Serdobolskaya in print – Serdobolskaya N. Semantics of complementation in Ossetic. *Semantic functions of complementizers in European languages*. Kehayov P., Boye K. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter. In print.
- Srivastav 1991 – Srivastav V. The syntax and semantics of correlatives. *Natural language and linguistic theory*. 1991. Vol. 9. Pp. 637–686.

О.И. Беляев

Сведения об авторе:

Олег Игоревич Беляев
Институт языкознания РАН / МГГУ
им. М.А. Шолохова
obelyaev@gmail.com

Information about the author:

Oleg I. Belyaev
Institute of linguistics (RAS) / Sholokhov Moscow
state university for the humanities
obelyaev@gmail.com
Moscow / Russia

G. Polian. Gramática del tselal de Oxchuc. T. 1–2. México: Centro de investigaciones y estudios superiores en antropología social, 2013. 964 p. (Publicaciones de la Casa Chata.) ISBN 978-607-486-221-8.

Жиль Полиан работает с языком цельталь уже более пятнадцати лет. В 2004 г. в Париже он защитил диссертацию под названием «*Éléments de grammaire du tselal*», которая стала результатом его шестилетней работы с носителями этого языка. В 2006 г. он опубликовал свою «первую» версию цельтальской грамматики на французском языке [Polian 2006]. В 2006–2010 гг. под его руководством в Учебно-образовательном центре по социальной антропологии (CIESAS) в г. Сан-Кристоваль-де-лас-Касас (Мексика) велась работа по документированию языка цельталь, которая была поддержана двумя грантами HRELP (Hans Rausing endangered languages project). Таким образом, данная двухтомная испано-язычная грамматика является своего рода финальным аккордом продолжительной и пло-

дотворной теоретической и полевой работы ее автора.

Грамматика Ж. Полиана описывает один диалект цельталь – диалект селения Ошчук. Цельталь условно делится на три диалектные зоны (север, центр, юг), и Ошчук принадлежит к центральной зоне. Как отмечается на с. 36, все диалекты цельталь взаимопонятны, хотя и имеют различия на всех языковых уровнях от фонологии до синтаксиса. Задачей автора является максимально подробное синхронное описание одного диалекта. Хотя в различных местах грамматики иногда проводятся параллели с другими диалектами цельталь, а также с соседними языками майя (прежде всего с цоцилем и чодем), диалектологическое и сравнительно-историческое исследования сознательно оставлены за рамками данной работы.

Грамматика написана в рамках так называемой «функциональной типологии» (с. 34), но в то же время автор старается не отходить от традиций майянской дескриптивной лингвистики, заложенных Т. Кауфманом. Эти два теоретических подхода нередко вступают между собой в противоречие, и Ж. Полиан в таких случаях придерживается майянской традиции, что может ввести в некоторое заблуждение читателя, недостаточно близко знакомого с ней. Приведем несколько примеров.

Цельталь – язык с эргативно-абсолютивной стратегией согласования актантов, которая морфологически выражается в оформлении предиката личными аффиксами эргативной и абсолютивной парадигм. В традиции описания некоторых языков майя для обозначения этих двух парадигм приняты термины «парадигма А» (или «серия А») и «парадигма В» соответственно. Это связано с явлением расщепленной эргативности, которое присутствует в некоторых языках майя, когда в зависимости от аспектуальных характеристик эргативно-абсолютивная стратегия согласования может заменяться на номинативно-аккузативную; см. подробнее в обзоре [Zavala 2010: 161–162]. Кроме того, в некоторых языках присутствует деление переходных глаголов на агентивные, единственный актант которых оформляется так же, как агенты переходных глаголов, и «неагентивные», актант которых оформляется так же, как пациенсы переходных глаголов; см. там же. В цельтале, однако, нет ни расщепленной эргативности, ни агентивности, и, следовательно, нет необходимости в уходе от интуитивно понятных терминов «абсолютивный» и «эргативный».

Другой пример касается глагольных показателей «комплетива» и «инкомплетива». Комплетив сигнализирует о том, что «событие рассматривается как целое и завершенное» (с. 153), а инкомплетив противопоставлен комплетиву: он «представляет событие нецелым, незавершенным» (там же). Таким образом, семантика этих показателей оказывается где-то на стыке аспекта и времени (детально она до сих пор остается не до конца изученной). Ж. Полиан утверждает, что комплетив и инкомплетив являются аспектуальными показателями, и подчеркивает, что цельтальский глагол не выражает временных значений. Тогда, возможно, терминологически было бы корректнее говорить о типологически распространенном противопоставлении «перфектива» и «имперфектива» (эти термины лишь приводятся на с. 153 в скобках и в дальнейшем не используются), поскольку под терминами «комплетив» и «инкомплетив» в разных лингвистических работах могут пониматься совершенно разные явления (см. [Плунгян 2011: 377–406]).

Наконец, в некоторое заблуждение может ввести использование термина «перфект» применительно к показателю, который обозначает «состояние, наступившее в результате события» (с. 165). Это очень узкое понимание перфекта, возможно, термин «результатив» мог бы оказаться здесь более уместным; по крайней мере, в понимании [Недялков 1983] или [Dahl 1985].

Таким образом, использовать данную грамматику нужно с определенной осторожностью, поскольку некоторые терминологические решения автора могут показаться неожиданными. Собственно, на это косвенно указывает и сам автор, перечисляя профессиональных лингвистов в списке целевой аудитории лишь под третьим номером (первыми двумя идут носители и преподаватели языка цельталь). Тем не менее, разумеется, данная грамматика является не учебным пособием, а скорее справочником. Благодаря наличию терминологического указателя и указателя морфем ей удобно пользоваться.

Рецензируемая грамматика весьма обширна: она состоит из двух томов, каждый из которых содержит почти по 500 страниц. Она включает 41 главу и два глоссированных текста в приложении; главы объединены в пять разделов. В первом, вводном, разделе описаны основные типологические характеристики языка цельталь (глава 2), фонетические и фонологические особенности (глава 3), а также выражение лица и числа (глава 4). Второй раздел «Простые предикаты и глаголы» посвящен предикативному комплексу и включает в числе прочих такие темы, как аспект, модальность, отрицание, актантная деривация, аналитические конструкции со вспомогательными глаголами движения и фазы, глагольное словообразование. В третьем разделе «Существительные и именные синтагмы» рассматриваются категории детерминации (глава 19), посессивности (глава 20), а также именные предикаты (глава 21) и словообразование существительных (глава 22). Четвертый раздел, открывающий второй том, озаглавлен «Другие части речи». Этот раздел состоит из одиннадцати глав, в которых рассматриваются, в частности, прилагательные (глава 23), стивные причастия (глава 24), числительные и классификаторы (глава 25), экзистенциально-локативный предикат (глава 26), инфинитивы (глава 27) и т. д. Пятый раздел «Синтаксические операторы и сложные предложения» состоит из глав, посвященных топикализации, относительным и дополнительным предложениям, каузативным конструкциям, сериализации, адвербиальным оборотам, сложным бессоюзным предложениям.

Отметим, что книга устроена максимально «дружелюбно» по отношению к читателю, не знакомому близко с грамматическим устройством языков майя. Например, «относительные существительные», которые являются функциональным эквивалентом предлогов в языках европейского типа, рассматриваются совместно с единственным цельтальским предлогом (глава 29), а не в той части грамматики, которая посвящена «обычным» существительным. В силу особой функции относительных существительных Ж. Полиан предпочитает говорить о них в том разделе, где рядовой читатель с большей вероятностью стал бы искать информацию о предлогах.

Автор, однако, в некотором смысле становится заложником того, что структурирует свое описание исходя из частеречных характеристик. В результате он вынужден говорить о показателях лица и числа во вводном разделе (поскольку эти показатели характеризуют как глаголы, так и имена, а совпадение эргативных и посессивных префиксов – известная общемайянская черта), до того, как знакомит читателя с глаголами и именами более подробно. Главы, посвященные словообразованию (существительных, глаголов, прилагательных), помещены в разные разделы грамматики. То же касается и обсуждения простых и сложных предложений: первые разбираются по отдельности в разных главах четырех начальных разделов, а последним полностью посвящен пятый раздел.

Лингвистические рассуждения автора в основном не вызывают нареканий. Языковые факты представлены полно и аккуратно, широко подкрепляются примерами. Все примеры оглоссированы и снабжены переводом. В различных частях грамматики встречаются интересные и нетривиальные наблюдения. Например, Ж. Полиан отмечает, что цельтальские директивы (специальные частицы, указывающие направление и иногда способ движения) могут соотноситься не только с абсолютным аргументом глагола, но и с эргативным (с. 705–706). Говоря об аспекте, автор замечает, что показатель инкомплетива может опускаться при перечислении последовательных событий (с. 162–163). В главе, посвященной отрицанию, Ж. Полиан выявляет список факторов, влияющих на возможное появление суффикса ирреалиса при отрицании стативных предикатов: морфологическая сложность предиката, его частеречная принадлежность, а также стиль речи (с. 192).

Из спорных утверждений автора отметим описание семантики показателей комплетива и инкомплетива. Автор настаивает на том, что они выражают аспектуальную семантику, и

приводит доводы в пользу того, что они не выражают время. Он аргументирует свою точку зрения тем, что комплетив, хотя и чрезвычайно редко, может употребляться по отношению к действиям в настоящем и будущем времени, а инкомплетив – по отношению к действиям в прошлом. В качестве аргументов приводятся примеры условных и временных придаточных предложений, а также более специфические контексты, включая специальные формулы прощания (с. 155–157). Однако само по себе наличие таких употреблений не может служить доказательством аспектуального характера семантики комплетива и инкомплетива, хотя, безусловно, является доказательством того, что они не выражают время. Тем не менее представляется вероятным, что эти показатели могут выражать таксис («относительное время») – вполне возможно, наряду с аспектуальным значением.

Из возможных недочетов отметим отсутствие отдельного раздела (или хотя бы главы) с описанием структуры дискурса. Многие языки майя демонстрируют необычные свойства, например, в отношении устройства нарратива [Maxwell 1987; England 2009] или стратегии использования исконных и заимствованных дискурсивных маркеров в зависимости от функции и контекста [Brody 1987]. Даже если цельталь не обладает яркими особенностями подобного рода, раздела о дискурсе не хватает для исчерпывающего описания.

Тем не менее, в целом данная грамматика, несомненно, встает в один ряд с лучшими грамматиками майянских языков, а по ряду признаков даже весьма выгодно выделяется на их фоне. Такого объемного грамматического описания в настоящее время не существует ни для одного из современных языков майя; кроме того, это пока единственная современная дескриптивная грамматика языка цельталанской подгруппы (другой цельталанский язык – цоциль – тоже сравнительно хорошо описан, но прежде всего благодаря наличию большого словаря [Laughlin 1975]; грамматика же [Naviland 1981] может дать лишь общее представление о структуре языка). В силу того, что грамматика Ж. Полиана написана на испанском языке, использование ее широким кругом читателей за пределами испаноязычных стран может оказаться несколько затруднительным. Но для типологов (большой раздел о синтаксисе может быть особенно полезным для специалистов в области синтаксической типологии), а также лингвистов и антропологов, занимающихся языками и народами Центральной Америки, она может представлять небезыңтересный материал и служить хорошим справочником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Недялков 1983 – Недялков В.П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Brody 1987 – Brody J. Particles in Tojolabal Mayan discourse. *Kansas working papers in linguistics*. 1987. Vol. 12.
- Dahl 1985 – Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford, 1985.
- England 2009 – England N. To tell a tale: The structure of narrated stories in Mam, a Mayan language. *International journal of American linguistics*. 2009. Vol. 75. No. 2.
- Haviland 1981 – Haviland J.B. *Sk'op Sotz'leb – el tzotzil de San Lorenzo Zinacantán*. México, 1981.
- Laughlin 1975 – Laughlin R.M. *The great Tzotzil dictionary of San Lorenzo Zinacantán*. Washington, 1975.
- Maxwell 1987 – Maxwell J. Some aspects of Chuj discourse. *Anthropological linguistics*. 1987. Vol. 29. No. 4.
- Polian 2006 – Polian G. *Éléments de grammaire du tseltal, une langue maya du Mexique*. Paris, 2006.
- Zavala 2010 – Zavala Maldonado R. El estado de la lingüística en Chiapas y Guatemala. *La antropología en Centroamérica: Reflexiones y perspectivas*. G. Ascencio Franco (ed.). México, 2010.

И.А. Виноградов

Сведения об авторе:

Игорь Андреевич Виноградов
Институт языкознания РАН
igor.vinogradov@iling-ran.ru

Information about the author:

Igor' A. Vinogradov
Institute of linguistics (RAS)
igor.vinogradov@iling-ran.ru
Moscow / Russia

А.Л. Жовтис. Избранные статьи / Сост. С.Д. Абишева, З.Н. Поляк. Алматы: б.и., 2013. 392 с.; 8 вклеек.

В прошлом году исполнилось 90 лет со дня рождения замечательного русского филолога Александра Лазаревича Жовтиса (1923–1999), большую часть жизни прожившего в Алматы, создавшего и воспитавшего в тогдашней столице Казахстана многочисленную когорту талантливых стиховедов. В ознаменование этой даты и в память о своем учителе и наставнике С.Д. Абишева и З.Н. Поляк издали наиболее значительные его работы, присвоив сборнику скромное, хотя и вполне адекватное наименование – «Избранные статьи».

Отобрать из сотен публикаций ученого – публицистических, историко-литературных, стиховедческих, поэтических, переводных и пр. – самые важные, репрезентативные, прямо скажем, задача не из легких. С.Д. Абишевой и З.Н. Поляк это удалось. 28 отобранных ими статей не только отражают многогранные научные интересы Александра Лазаревича в их пропорциональном соотношении, но и дают объективное представление об исключительно весомом вкладе ученого в отечественную филологию. Конечно, главным делом его жизни было стиховедение, в частности такие ключевые проблемы стиховедческой науки, как: 1) проблема верлибра; 2) проблема специфики стихотворной речи и ее пограничных модифи-

каций; 3) проблемы русской рифмы; 4) проблемы стихотворных идиостилей и 5) проблемы, связанные со стихотворным переводом. Все они соразмерно представлены в «Избранных статьях».

А.Л. Жовтис был одним из инициаторов теоретического осмысления пограничной формы стихотворной речи – верлибра, которое не заставило себя ждать в период так называемой «оттепели», когда «формализм» в литературоведении перестал подвергаться резкому осуждению. В 1966 г. в «Вопросах литературы» появилась его статья «Границы свободного стиха», в которой был поставлен вопрос о версификационной сущности поэтической формы, обозначенной в высшей степени парадоксальным термином, столь же противоречивым, по меткому замечанию Г.К. Честертон, как и «свободная любовь»: если свободен, то уже не стих, если стих, то уже не свободен...

До Жовтиса верлибр трактовался довольно-таки произвольно. А.П. Квятковский, к примеру, огульно относил к нему «все, что не традиционный стих и не традиционная проза», поэтому наряду со «Словом о полку Игореве», «классическим примером русской полиметрии и свободного стиха», и некоторыми произведениями ранней виршевой поэзии, русскими

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Недялков 1983 – Недялков В.П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Brody 1987 – Brody J. Particles in Tojolabal Mayan discourse. *Kansas working papers in linguistics*. 1987. Vol. 12.
- Dahl 1985 – Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford, 1985.
- England 2009 – England N. To tell a tale: The structure of narrated stories in Mam, a Mayan language. *International journal of American linguistics*. 2009. Vol. 75. No. 2.
- Haviland 1981 – Haviland J.B. *Sk'op Sotz'leb – el tzotzil de San Lorenzo Zinacantán*. México, 1981.
- Laughlin 1975 – Laughlin R.M. *The great Tzotzil dictionary of San Lorenzo Zinacantán*. Washington, 1975.
- Maxwell 1987 – Maxwell J. Some aspects of Chuj discourse. *Anthropological linguistics*. 1987. Vol. 29. No. 4.
- Polian 2006 – Polian G. *Éléments de grammaire du tseltal, une langue maya du Mexique*. Paris, 2006.
- Zavala 2010 – Zavala Maldonado R. El estado de la lingüística en Chiapas y Guatemala. *La antropología en Centroamérica: Reflexiones y perspectivas*. G. Ascencio Franco (ed.). México, 2010.

И.А. Виноградов

Сведения об авторе:

Игорь Андреевич Виноградов
Институт языкознания РАН
igor.vinogradov@iling-ran.ru

Information about the author:

Igor' A. Vinogradov
Institute of linguistics (RAS)
igor.vinogradov@iling-ran.ru
Moscow / Russia

А.Л. Жовтис. Избранные статьи / Сост. С.Д. Абишева, З.Н. Поляк. Алматы: б.и., 2013. 392 с.; 8 вклеек.

В прошлом году исполнилось 90 лет со дня рождения замечательного русского филолога Александра Лазаревича Жовтиса (1923–1999), большую часть жизни прожившего в Алматы, создавшего и воспитавшего в тогдашней столице Казахстана многочисленную когорту талантливых стиховедов. В ознаменование этой даты и в память о своем учителе и наставнике С.Д. Абишева и З.Н. Поляк издали наиболее значительные его работы, присвоив сборнику скромное, хотя и вполне адекватное наименование – «Избранные статьи».

Отобрать из сотен публикаций ученого – публицистических, историко-литературных, стиховедческих, поэтических, переводных и пр. – самые важные, репрезентативные, прямо скажем, задача не из легких. С.Д. Абишевой и З.Н. Поляк это удалось. 28 отобранных ими статей не только отражают многогранные научные интересы Александра Лазаревича в их пропорциональном соотношении, но и дают объективное представление об исключительно весомом вкладе ученого в отечественную филологию. Конечно, главным делом его жизни было стиховедение, в частности такие ключевые проблемы стиховедческой науки, как: 1) проблема верлибра; 2) проблема специфики стихотворной речи и ее пограничных модифи-

каций; 3) проблемы русской рифмы; 4) проблемы стихотворных идиостилей и 5) проблемы, связанные со стихотворным переводом. Все они соразмерно представлены в «Избранных статьях».

А.Л. Жовтис был одним из инициаторов теоретического осмысления пограничной формы стихотворной речи – верлибра, которое не заставило себя ждать в период так называемой «оттепели», когда «формализм» в литературоведении перестал подвергаться резкому осуждению. В 1966 г. в «Вопросах литературы» появилась его статья «Границы свободного стиха», в которой был поставлен вопрос о версификационной сущности поэтической формы, обозначенной в высшей степени парадоксальным термином, столь же противоречивым, по меткому замечанию Г.К. Честертона, как и «свободная любовь»: если свободен, то уже не стих, если стих, то уже не свободен...

До Жовтиса верлибр трактовался довольно-таки произвольно. А.П. Квятковский, к примеру, огульно относил к нему «все, что не традиционный стих и не традиционная проза», поэтому наряду со «Словом о полку Игореве», «классическим примером русской полиметрии и свободного стиха», и некоторыми произведениями ранней виршевой поэзии, русскими

былинами и лирическими стихопеснями в него попадали «Песни западных славян», переводы Брюсова из Верхарна и вольный ямб «Горя от ума» как «ямбовидная <...> формация верлибра» [Квятковский 1963: 67–72]. Гораздо строже, но также весьма расплывчатым было определение свободного стиха в «Кратком словаре литературоведческих терминов» Л.И. Тимофеева и Н.П. Венгрова: «стих, в котором произвольно количество ударных и безударных слогов; не обязательно одинаковое число ударений в стихотворных строках; нет повторяющихся единообразных строф; может не быть и рифмы. В его основе лежит однородная синтаксическая организация, определяющая однородную интонацию, с которой произносятся каждую из стихотворных строк-фраз свободного стиха. Эта повторяющаяся интонация, выраженная в схожем построении фразы, и определяет свободный ритм стихотворения» [Тимофеев, Венгров 1963: 137]. Наконец, болгарский теоретик М. Янакиев вовсе выводил верлибр за пределы стиха, уравнивая его с прозой, которая как бы «притворяется стихами» [Янакиев 1960: 9].

Жовтис пошел иным путем. Не ограничиваясь отрицательными признаками (нет метра, нет рифмы, нет равносложности и равноударности), он постарался выявить признаки позитивные. Таковыми оказались стиховая заданность, установка¹ на стиховность, которая реализуется графической сегментацией текста и системой межстиховых пауз. «Vers libre сохраняет верность стиху и является стихом, а не прозой, потому что в нем обнаруживается корреспондирование рядов, графически выделенных авторской установкой на стих. <...> Свободный стих строится на повторении сменяющих одна другую фонетических сущностей разных уровней, причем компонентами повтора в параллельных, корреспондирующих рядах в русской поэзии могут быть фонема, слог, стопа, ударение, клаузула, слово, группа слов и фраза (курсив Жовтиса. – О. Ф.). Наличие или отсутствие установки на корреспондирование должно служить основанием для отнесения произведения либо к стихам, либо к прозе» (с. 30).

Мельком касается исследователь и родословной отечественного свободного стиха. Вопреки общепринятому мнению, согласно которому верлибр русской поэзии несвойствен в принципе, а потому «русскому исследователю незачем вторгаться в чужую область

¹ Понятие установки применительно к стиху Жовтис воспринял и соответствующим образом развил, обратившись к категориям, которыми оперируют психологи [Узнадзе 1961а; 1961б; Прангишвили 1967].

верлибризма» [Квятковский 1963: 76], Жовтис настаивает на том, что даже переводные верлибры строятся на просодии русского языка, а некоторые памятники древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», «Житие Стефана Пермского», «Моление Даниила Заточника» и произведения эпохи Смуты) содержат фрагменты, в которых угадывается «мерность несомненно стихотворной речи». Правда, сознавая, очевидно, некоторую нарочитость поиска столь глубоких корней русского верлибра, он тут же оговаривается: «<...> в тех случаях, когда стих графически не выделен, при определении природы того или иного текста его членение на ряды остается в какой-то мере гипотетичным, да и принцип подхода к особенностям формы оказывается здесь несколько иным» (с. 33). В дальнейшем, когда Д.С. Лихачев указал на то, что не все современные теоретические категории мы можем применять к литературным текстам средневековья, поскольку они должны быть «исторически возможными», а М.Л. Гаспаров и автор этой рецензии пришли к выводу, что сама оппозиция «стих–проза» для древнерусского человека не была актуальной [Гаспаров 1973; 1985; Федотов 1981], истоки отечественного верлибра стали искать не глубже, чем в середине XIX в.

Опираясь на известное положение Е.Д. Поливанова: «<...> в основе любой системы стиха лежат фонетические повторы различного порядка» [Поливанов 1963: 99], Жовтис различает три типа свободного стиха: 1) *проза-стих*, в котором фонетические единицы повтора лишь намечены, но через все стихотворение не проходят; 2) *верлибр «правильный»*, в котором имеются разные фонетические средства повтора, но ни одно не преобладает; 3) *«неправильный» верлибр*, в котором одно из средств повтора преобладает над всеми другими. С обеих сторон эти три типа граничат со стихотворениями в прозе, дисметрическими (начальный отрывок из «Страшной мести» Гоголя) и метризованными («Песня о Буревестнике» Горького), а также со стихом определившейся системы (раешники, акцентный стих, все формы метрического стиха) (с. 34–36).

Забрезжившие перспективы верлибризации отечественного стиха побуждали не останавливаться, а продолжать столь успешно начатые разработки. В 1970 г. и чуть позже, в 1976 г., появилось еще несколько статей о критериях типологической характеристики свободного стиха, о свободном стихе Фета, о немецких свободных ритмах (*freie Rhythmen*) в ранних русских интерпретациях, об истоках русского верлибра (а именно о стихе «Северного моря» Гейне в переводах М.Л. Михайлова) и, наконец, о верлибрах Блока, обогативших жовтисовскую

концепцию верлибра как в теоретическом, так и в историческом отношении. Подробнейший обзор иностранных работ по верлибристике приводит к выводу, что верлибр следует рассматривать «не как автономную, замкнутую систему и не только как переходную, пограничную форму», а как «результат отрицания предшествующего развития» стиховой культуры, как «своего рода “метрический взрыв”» (с. 120). В этом смысле он, в подтверждение идей Ю.М. Лотмана, есть система минус-приемов, а не простое их отсутствие, так сказать, с нулевым знаком. Структурные же совпадения переводных и оригинальных текстов в русской поэзии XIX в. существенно уточняют истоки и происхождение отечественного свободного стиха, предысторию которого составляют переводы Жуковского, Огарева и Струговщикова из Гете, начальный этап собственно истории – разработка и канонизация русского верлибра в переводах «Северного моря» Михайловым (1859), а завершение процесса и его окончательное укоренение в России – цикл оригинальных свободных стихов Блока [Кормилов 1989].

Концепция свободного стиха, выдвинутая Жовтисом, до сих пор остается одной из самых влиятельных и фундаментальных. Ее не смогли опровергнуть ни последовательно освобождающая «вольный белый стих» концепция В.С. Баевского [Баевский 1972], ни экстравагантная идея Яака Пыльдмяз, предложившего описание свободного стиха как соблюдения всех способов урегулирования, только со знаком минус [Пыльдмяз 1970], ни в целом солидарные с ней, но устранившие некоторые ее недочеты работы М.Л. Гаспарова [Гаспаров 1974: 29–31; 1980: 389²] и Ю.Б. Орлицкого [Орлицкий 1982; 2002].

Определив «границы свободного стиха», Жовтис публикует целую серию статей, описывающих стихотворную графику, которая собственно и служит зримым показателем структурной принадлежности текста («В рассыпанном строю... Графика современного русского стиха»), необычные для классической русской поэзии формы строфики и рифмовки («И рубаи, и рединая рифма... К проблеме взаимообогащения национальных литератур», «О способах рифмования в русской поэзии. К проблеме структурных связей в современном стихе», «Эффект “рифменного ожидания” в современном стихе», «Опорный согласный в рифме. Несколько сопоставлений из истории русского и английского стиха», «Русская рифма 1960–1970-х годов. Заметки и

² «<...> стих без метра и рифмы, отличающийся от прозы только членением на строки».

размышления» и, наконец, «Рифмокомпонент *мати* (“мать”) и его современный контекст в украинской песне»).

Оказывается, знаменитая «лесенка» Маяковского эпизодически культивировалась задолго до 1922 г. В элементарном виде стихи членились на графически обособленные полустихия в говорной разновидности русского классического стиха: у Пушкина в «Медном всаднике» (13 раз), «Вновь я посетил...» (3 раза), «Графе Нулине», «Полтаве», «Бахчисарайском фонтане», «Евгении Онегине», «Родословной моего героя», «Анджело», «Послании Дельвигу», у Лермонтова в его поэмах «Мцыри», «Преступник», «Кавказский пленник», у Некрасова в «Несчастных», «О погоде», «Балете» и в авторском монологе из поэмы «Преступник», а также у следующего в русле этой традиции Блока в «Возмездии» и в стихотворениях «О смерти» и «Над озером» в составе цикла «Вольные мысли» (с. 40, 42).

Аналогичные опыты сатириков, по мнению исследователя, скорее всего, не оказали заметного влияния на Маяковского в отличие от стихотворного сборника А. Белого «После разлуки» (1922), в предисловии к которому его автор высказал мысль о том, что недостаточность знаков препинания диктует поэтам стремление «искать интонации в своеобразной манере начертания, передающей зрительно интонацию» [Белый 1966: 548]. В принципе к этому же шел и сам Маяковский, много и эффективно экспериментировавший с членением стиха на более мелкие сегменты и располагавший их до поры до времени «столбиком» (например, «Послушайте!»). Однако такое выравнивание рифмованных и нерифмованных графических строк скрадывало столь ценный поэтом рифменный эффект. Сигнал, полученный от А. Белого, был услышан Маяковским и осмыслен как универсальный конструктивный принцип его стиха. «Дальнейшее после Маяковского развитие русского стиха, – приходит к заключению Жовтис, – показывает неисчерпаемость выразительной роли его творческого приема» (с. 50), что и демонстрируется на примерах графических идиостилей Андрея Вознесенского, Леонида Мартынова, Владимира Луговского и других русских поэтов XX в.

Наличие и довольно широкое распространение в современном русском стихе специфически восточной строфической формы рубаи и связанной с ней рединой рифмы Жовтис как знаток стиховой культуры Ближнего и Дальнего Востока, много и успешно переводивший на русский язык казахских и корейских поэтов, связывал с интенсивным взаимодействием разных национальных культур. Пусть, утверждал он, «появление рубаи и редины в русских сти-

хах – всего лишь частный, побочный результат процесса взаимовлияний и взаимопроникновений в советской поэзии. Но это несомненно *результат межнационального литературного общения* – и в названном своем качестве он заслуживает внимания и изучения» (с. 78).

Наблюдения Жовтиса над современной рифмой, над разнообразными способами рифмования ценны прежде всего тем, что он не рассматривает их изолированно, но связывает со всем оркестром стихотворной формы: с графикой (лесенкой, столбиком), метрическим многообразием, ритмической системой на всех уровнях регулярных и окказиональных повторов, с местом в строфе, в звуковом поле отдельного стиха и текста в целом. Вот почему для него рифма «единственный вид звукового повтора, ощущающийся читателем как “целиком обязательный для данного стихотворного произведения” [Ковалевский 1965: 15], перестает быть сама собой. И это находится в прямой связи с верлибристскими тенденциями поэзии XX в. Новые приемы, бесспорно, не отменяют прежних, но свобода выбора существенно увеличивается» (с. 94). «Эффект рифменного ожидания», которому исследователь придает особо важное значение, в поэтике Вознесенского и Мартынова существенно видоизменяется. Рифма поэтому ни у того, ни у другого не стала факультативным приемом, как в верлибре, но «канонические способы рифмования у них отличаются факультативностью при одновременном повышении ритмообразующей роли звуковых повторов других уровней. В конечном счете расширяются возможности создания нового содержания за счет новых вертикальных и горизонтальных связей в стихе» (с. 104).

Столь же существенным, как и в проблеме верлибра, можно считать вклад Жовтиса в базисный вопрос о специфике стихотворной речи. Теоретик развивает свою концептуальную идею о том, что наше прочтение текста вслух или про себя всегда есть реализация определенного отношения к тексту, декламационная интерпретация воспринятого. Она опирается на известную установку. Ведь если передо мною текст, графически представленный как стихи, я сразу же начинаю исполнять его «как стихи», т. е. фиксируя концевые паузы и подчеркивая внутреннюю организацию строк («Стихи, которые читаешь...», с. 287). В статье «Стих как двумерная речь» исследователь высказал весьма плодотворную мысль о том, что «в двуедином процессе чтения (по горизонтали и сверху вниз) в наше сознание внедряется смысл строфы (как “прозы”) и, одновременно, происходит интеграция содержательных компонентов, накапливающихся в разворачивании произведения по вертикали» (с. 304–305).

В другой, не менее важной статье «К вопросу о границе между стихом и прозой» теория установки Д.Н. Узнадзе распространяется не только на верлибр, но вообще на специфические отличия стиха от прозы: при установке на стих «мы априорно воспринимаем стиховые ряды как ритмические единицы в противовес прозе» и «интуитивно ищем в этих симметричных или параллельных рядах компоненты повтора», «реализуем заложенную в текст интонацию так, как мы этого никогда не сделаем при чтении прозы <...>» (с. 339).

Особое внимание ученых уделял ритмической организации фольклорных текстов, быть может, несколько преувеличивая их потенциальную стиховность, а также стихотворным идиостилиям Маяковского, Вознесенского, Винокурова и Мартынова.

Многообразие факультативных признаков стиха Жовтис склонен усматривать в таких жанрах говорного фольклора, как загадки и пословицы. Безусловно, самым ярким и демонстративным фактором стиховой делимитации фольклорного стиха он считает рифму, но, признавая ее нерегулярность, полагает, что этот элемент стиховности как в загадках, так и в пословицах нередко заменяется или поддерживается грамматическим и интонационно-синтаксическим параллелизмом, диалогичностью высказывания и т. п. Речь поэтому должна идти не об «эмбриональном стихе» (такое определение кажется ему подчеркивающим «как бы неполноценность этого стиха»), а о «стихе неоднородном, сопоставимом со стихом современного верлибра, с его системностью, в которой средства связывания рядов используются для данного произведения или куска текста как бы на выбор» (с. 333).

Конечно, своеобразная логика в таком рассуждении есть, но что тогда мешает первую фразу «Слова о полку Игореве» «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братис...» интерпретировать как 4-стопный ямб, а все произведение в целом – как верлибр (т. е. согласиться с А.П. Квятковским)? Ответ очевиден: такой подход страдает антиисторизмом. Оппозиция «стих–проза» ни в древнерусской литературе, ни в первородном фольклоре не была актуальной, поскольку в сознании древнерусского человека не было самого главного – представления о стихе, внятных правил его написания и привычки к восприятию соответствующих структур (установки на стих). К тому же само обрусевшее греческое слово *стих* употреблялось в значении законченной по смыслу фразы, а исконное версификологическое значение стихового ряда обрело, лишь встретившись на рубеже XVI–XVII вв. со своим латинизированным родственником: *versus* – *vers* – *wiersz* – *вирш*(а). Равным об-

разом звуко-смысловая игра слов, обильно присутствующая в говорных жанрах устного народного творчества, не могла считаться ни рифмой, ни краесогласием до тех пор, пока не обрела регулярности, а следовательно, предсказуемости.

Проблема версификационных идиостилей заинтересовала Жовтиса после выхода известной серии сборников «Теория литературных стилей» (1976–1982 гг.). Теоретической преамбулой к их изучению явилась статья «Проблема стихотворного стиля и авторская индивидуальность». Вопрос о стихотворном стиле увязывается в ней с вопросом «о способах организации целостного единства, в котором функционируют разнообразные компоненты, дающие неповторимые сочетания, интегрирующие на уровне стиха и коррелирующие с нестихотворными компонентами по законам, для нас еще во многом неясным» (с. 347). Попыткой описать стилевые инварианты наиболее близких ему по духу поэтов как представителей интересующих его направлений стал еще один, чрезвычайно ценный своими конкретными наблюдениями цикл статей «К характеристике “некрасовского голоса”», «Освобожденный стих Маяковского», «Владимир Маяковский и стих XX века» и «Стих Леонида Мартынова в контексте русской стихотворной культуры».

«Некрасовский голос», явственно различаемый в русской стиховой культуре, характеризуется, по мнению Жовтиса, не только значительным увеличением доли трехсложников в метрическом репертуаре поэта, но и совершенно отчетливой интонационной тенденцией или, если использовать термин О.М. Брига, «ритмической семантикой», которая выражается: 1) лого-ритмическим подчеркиванием первого такта строки в трехстопных метрах (*Надрывается сердце от муки*), 2) использованием дактилической формы в виде прилагательного в инверсионном сочетании (...*рожь высокая, насыпи узкие...*), 3) трехчастным перечислением, занимающим целую строку (*Барабанов, цепей, топора*), 4) скоплением стихов, эквивалентных по нескольким параметрам (*Некому бабу на разум наставить, / Некому бабу работу направить...*) (с. 232–233).

В отличие от свободного стиха в собственном смысле, стих Маяковского Жовтис называет «освобожденным». Основную закономерность версификационной системы поэта он видит не в том или ином метре или даже смене метров, а в принципе свободного сочетания стиховых конструкций, в демонстративной свободе использования приемов, средств, форм. Поэтому «система Маяковского не столько исторически, сколько с точки зрения основных принципов ее организации должна быть поставлена между

формами метрического стиха (любими – как силлабо-тоническими, так и акцентными) и свободным стихом» (с. 220) и изучаться по возможности в контексте отечественной, европейской или даже мировой версификации. Величие его как революционера формы состоит «не в “открытии” ударника или неточной рифмы», а в «поисках новых возможностей сочетания симметричных и асимметричных построений, стиха однородного и неоднородного» (с. 302).

Главные свои стиховедческие работы Александр Лазаревич написал, воодушевленный духом раскрепощения, политической свободы 60-х годов, краткой «оттепельной» передышки перед эпохой брежневского застоя. Потому, быть может, и выбрал преимущественным предметом своего исследования свободный стих и свободную в выборе стратегию как поэтического, так и научного творчества. Многие из его идей не утратили актуальности до сих пор. Публикация его «Избранных статей», снабженных к тому же «Библиографическим указателем основных трудов», сохранит и ретранслирует его неповторимый голос в слаженном хоре замечательных русских стиховедов XX столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баевский 1972 – Баевский В.С. Стих русской советской поэзии. Смоленск, 1972.
- Белый 1966 – Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966.
- Гаспаров 1973 – Гаспаров М.Л. Оппозиция «стих–проза» и становление русского литературного стиха // *Semiotyka i struktura tekstu: Studia poświęcone VII Międzynarodowemu Kongresowi Sławistów*. Wrocław, 1973.
- Гаспаров 1974 – Гаспаров М.Л. Современный русский стих. М., 1974.
- Гаспаров 1980 – Гаспаров М.Л. Примечания // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Гаспаров 1985 – Гаспаров М.Л. Оппозиция «стих–проза» и становление русского литературного стиха // *Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития*. М., 1985.
- Квятковский 1963 – Квятковский А.П. Русский свободный стих // *Вопросы литературы*. 1963. № 12.
- Ковалевський 1965 – Ковалевський В. Рима // *Ритмічні засоби українського вірша*. Київ, 1965.
- Кормилов 1989 – Кормилов С.И. Новаторская структура свободного стиха А.А. Бло-

- ка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. № 3.
- Орлицкий 1982 – Орлицкий Ю.Б. Свободный стих в русской советской поэзии 1960–1970 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Орлицкий 2002 – Орлицкий Ю.Б. Русский свободный стих, или верлибр // Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
- Поливанов 1963 – Поливанов Е. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. № 1.
- Прангишвили 1967 – Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.
- Пыльдяэ 1970 – Пыльдяэ Я. О типологии систем стихосложения // Тезисы докладов IV Летней школы по моделирующим системам. Тарту, 1970.

Сведения об авторе:

Олег Иванович Федотов
Московский институт открытого образования
o.fedotov@rambler.ru

- Тимофеев, Венгров 1963 – Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. 4-е изд. М., 1963.
- Узнадзе 1961а – Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Узнадзе 1961б – Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Узнадзе 2001 – Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001.
- Федотов 1981 – Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. Владимир, 1981.
- Янакиев 1960 – Янакиев М. Българско стихознание. София, 1960.

О.И. Федотов

Information about the author:

Oleg I. Fedotov
Moscow institute of open education
o.fedotov@rambler.ru
Moscow / Russia

Український дольник: Колективна монографія / За ред. Н.В. Костенко. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. 432 с.

Коллективная монография «Украинский дольник» подготовлена на кафедре теории литературы, компаративистики и литературного творчества Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. В основу монографии легли материалы стиховедческого семинара, прошедшего в Киевском университете 31 мая 2011 г. Книга посвящена изучению на украинском материале дольника – одного из наиболее популярных тонических размеров европейской (в основном германской) поэзии, в XX в. активно осваиваемого восточнославянскими авторами.

В русской литературе дольник долгое время использовался лишь в переводах и стилизациях с тем или иным *couleur locale*; после отдельных оригинальных опытов у поздних романтиков середины XIX в. (Милькеев, Ап. Григорьев, Фет) он обретает право гражданства в русской поэзии у символистов, став как бы «визитной карточкой» этой школы (З. Гиппиус, Брюсов – которому, по-видимому, сам термин «дольник» и принадлежит, – и особенно Блок), активно использовался акмеистами, а с 1920-х гг. стал и в советской, и в эмигрантской поэзии столь же привычным метром, что и пять классических силлабо-тонических. Это, как неоднократно

отмечено в рецензируемой работе, метр, «переходный» между силлабо-тоникой и тоникой (с. 22). Между прочим, такая промежуточная позиция, вероятнее всего, способствовала популярности дольника, представленного в метрических репертуарах самых разных авторов: это общий знаменатель, на котором сходятся эксперимент и традиция. При усилении консерватизма в метрике дольник остается единственным «терпимым» тоническим размером, в контексте активного освоения авангардных форм стиха – напротив, едва ли не самым архаичным метром, отсылающим к старшей традиции, но все же достаточно нестрогим (например, белый дольник как компромиссный шаг на пути к верлибру). Научное исследование дольника («паузника») в России начинается уже в эпоху символизма, а наиболее полное описание его истории и ритмических типов дано в работах М.Л. Гаспарова 1960–1970-х гг. Именно памяти Гаспарова посвящена рецензируемая книга¹. Разумеется, последним словом

¹ На с. 23 неправильно указана дата его смерти: должно быть не «7.10.2005», а 7 ноября 2005 г.

- ка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. № 3.
- Орлицкий 1982 – Орлицкий Ю.Б. Свободный стих в русской советской поэзии 1960–1970 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Орлицкий 2002 – Орлицкий Ю.Б. Русский свободный стих, или верлибр // Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
- Поливанов 1963 – Поливанов Е. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. № 1.
- Прангишвили 1967 – Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.
- Пыльдяэ 1970 – Пыльдяэ Я. О типологии систем стихосложения // Тезисы докладов IV Летней школы по моделирующим системам. Тарту, 1970.

Сведения об авторе:

Олег Иванович Федотов
Московский институт открытого образования
o.fedotov@rambler.ru

- Тимофеев, Венгров 1963 – Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. 4-е изд. М., 1963.
- Узнадзе 1961а – Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Узнадзе 1961б – Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Узнадзе 2001 – Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001.
- Федотов 1981 – Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. Владимир, 1981.
- Янакиев 1960 – Янакиев М. Българско стихознание. София, 1960.

О.И. Федотов

Information about the author:

Oleg I. Fedotov
Moscow institute of open education
o.fedotov@rambler.ru
Moscow / Russia

Український дільник: Колективна монографія / За ред. Н.В. Костенко. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. 432 с.

Коллективная монография «Украинский дильник» подготовлена на кафедре теории литературы, компаративистики и литературного творчества Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. В основу монографии легли материалы стиховедческого семинара, прошедшего в Киевском университете 31 мая 2011 г. Книга посвящена изучению на украинском материале дильника – одного из наиболее популярных тонических размеров европейской (в основном германской) поэзии, в XX в. активно осваиваемого восточнославянскими авторами.

В русской литературе дильник долгое время использовался лишь в переводах и стилизациях с тем или иным *couleur locale*; после отдельных оригинальных опытов у поздних романтиков середины XIX в. (Милькеев, Ап. Григорьев, Фет) он обретает право гражданства в русской поэзии у символистов, став как бы «визитной карточкой» этой школы (З. Гиппиус, Брюсов – которому, по-видимому, сам термин «дильник» и принадлежит, – и особенно Блок), активно использовался акмеистами, а с 1920-х гг. стал и в советской, и в эмигрантской поэзии столь же привычным метром, что и пять классических силлабо-тонических. Это, как неоднократно

отмечено в рецензируемой работе, метр, «переходный» между силлабо-тоникой и тоникой (с. 22). Между прочим, такая промежуточная позиция, вероятнее всего, способствовала популярности дильника, представленного в метрических репертуарах самых разных авторов: это общий знаменатель, на котором сходятся эксперимент и традиция. При усилении консерватизма в метрике дильник остается единственным «терпимым» тоническим размером, в контексте активного освоения авангардных форм стиха – напротив, едва ли не самым архаичным метром, отсылающим к старшей традиции, но все же достаточно нестрогим (например, белый дильник как компромиссный шаг на пути к верлибру). Научное исследование дильника («паузлика») в России начинается уже в эпоху символизма, а наиболее полное описание его истории и ритмических типов дано в работах М.Л. Гаспарова 1960–1970-х гг. Именно памяти Гаспарова посвящена рецензируемая книга¹. Разумеется, последним словом

¹ На с. 23 неправильно указана дата его смерти: должно быть не «7.10.2005», а 7 ноября 2005 г.

в изучении дольника гаспаровская работа не является, и в последнее время появляется немало интересных работ о русском дольнике, дополняющих и уточняющих гаспаровскую классификацию ([Плунгян 2008; 2011] и другие работы В.А. Плунгяна, [Семенов 2009; Ляпин 2011], статьи и доклады К.А. Головастика и К.М. Корчагина и др.). В украинской (а также белорусской) поэзии дольник появляется и развивается под влиянием сложно перекрещивающихся традиций германского балладно-песенного и лирического дольника, стиха русского модернизма, а также тенденций, заложенных в собственном фольклорном стихе (например, в стилизации у раннего Рыльского, с. 64, Свидзинского, с. 81 или Малышко, с. 171 и многих других).

Книга делится на три раздела: «Ритмические формы дольника в украинской поэзии XX – начала XXI века», «Тенденции развития дольника в украинской поэзии 2-й половины XX века» и «Стих и стиль. Стиховые идиостили в творчестве украинских поэтов XX века». Все три раздела коллективные, в них участвовали сотрудники и аспиранты КНУ, другие украинские ученые, а также российский стиховед К.М. Корчагин. Многие авторы сборника – не только исследователи, но и практики стиха, поэты: это и Виктория Афанасьева, и Ольга Башкирова, и Елена Бросалина (Олена О'Лир), и Борис Бунчук, и Надежда Гаврилюк, и Елена Кицан (Пашук), и Кирилл Корчагин, и Вячеслав Левицкий. Башкирова выступает в сборнике и как исследователь, и как автор объекта исследования (в статье Н.И. Гаврилюк о дольнике 2000-х гг.).

Значительная часть книги посвящена анализу метрики отдельных поэтов и поэтических групп; для каждого авторского или коллективного корпуса приводятся статистические данные о ритмических типах дольника и их соотношении, о типах анакрус и о последовательности ритмических форм дольника в строфе (обычно 4-строчной). Анализируются различные периоды творчества автора, конкретные стихотворения и отрывки (с указанием метрической формулы каждой строки), семантика метра. В разделах о конкретных поэтах приводятся сведения не только об их дольнике, но и о прочих метрах их репертуара, особенностях поэтики и эстетики в целом и роли в истории украинской литературы, что вполне оправдано и позволяет выявить генезис метрических средств и их эволюции (правда, развернутые биографические экскурсы кажутся не везде уместными – как и применение к личности поэтов, например, психоанализа по К.Г. Юнгу).

Основной автор, организатор и вдохновитель книги – крупный украинский стиховед Н.В. Костенко, сотрудник и последователь

Гаспарова, автор монографического исследования украинского стиха XX в. [Костенко 1993/2006] – работы, в которой важное место посвящено и дольнику. Ей написано Предисловие «О метрическом статусе дольника», большая часть первого раздела (за исключением подразделов о дольнике неоклассиков и о длинных дольниковых размерах), отдельные подразделы второго и третьего разделов.

В предисловии дается обзор трактовок дольника в украинском и русском стиховедении с особым акцентом на работах В.М. Жирмунского и М.Л. Гаспарова. Костенко спорит с В.А. Плунгяном, который в последних работах воскрешает на новом уровне характерную для 1910–1920-х гг. «генеративную» идею производности дольника от силлабо-тонических метров. С ее точки зрения, реконструкция «правильного» метра, от которого произведен дольник, в работах Плунгяна носит субъективный характер и с ней сложно согласиться. Она отмечает, хотя и без комментария, что самые понятия «дольника» и «тактовика» у Плунгяна не вполне соответствуют гаспаровскому определению и диктуются не столько статически наблюдаемым междуударным интервалом, сколько динамическим соотношением с реконструируемым исходным силлабо-тоническим метром (например, *Амур мне играет песни* – дольник по Гаспарову и тактовик по Плунгяну, ибо считается продуктом добавления слога в ямбе, а не пропуска в амфибрахии, с. 20–21). Впрочем, Н.В. Костенко и сама использует понятие синкопы и базового метра при описании дольника (например, у Свидзинского, с. 87), правда, находит их недостаточными и неоднозначными. Ср. также замечание О.Н. Башкировой: «...очевидна трехсложная основа, что проверяется добавлением вставного слога, а это свидетельствует о том, что перед нами дольник» (с. 207) или отсылку Я.В. Ходаковской к «синкопированности» дольника по Плунгяну (с. 227).

Первый раздел открывается описанием метрики и ритмики украинского 3-иктного дольника. В основу классификации кладутся типы, выделенные М.Л. Гаспаровым [Гаспаров 1968], и именно гаспаровские подсчеты используются как показатели для русской поэзии, с которыми сравниваются украинские. В отличие от русского, украинский дольник начинает систематически разрабатываться не в умеренно-модернистской (как у русских символистов), а сразу в авангардной поэтике. Здесь формируется тип 3-иктного дольника, где важную роль играет «не прижившаяся» на русской почве IV метрическая форма, совпадающая с силлабо-тоническим двусложником (интервалы 1*1: *Зажигал последний свет*) и

не входящая ни в один из трех выделенных Гаспаровым типов русского дольника («есенинский», «гумилевский» и «цветаевский»; ср. критику этой типологии в [Плунгян 2008]). Таким «авангардным» стихом (*Кохання не любить щирості – Кохання любить гру...*) писал основатель украинского футуризма Михайль Семенко, у которого в заметных количествах представлено сразу пять форм дольника с переменной анакрусой в комбинации со строками разных силлабо-тонических метров, тактовика, акцентного стиха. Вообще «хорейческие» и «ямбические» вариации встречаются в раннем украинском дольнике существенно чаще, чем в русском, что связано с более сильным влиянием ритмики немецких оригиналов в самых первых образцах украинского дольника (переводы Леси Украинки и И. Франко из Гейне); немецких поэтов переводил и подражал им и сам Семенко. Из русских аналогов можно вспомнить опыты Багрицкого с преобладанием 1-сложных интервалов [Гаспаров 1984/2000: 292]. Уже во второй половине 1920-х гг. этот тип ослабевает, усиливается 1 метрическая форма, совпадающая с трехсложным метром, а употребительность дольника вообще падает. Хотя общая эволюция в таком направлении, вероятно, имела место (схожая тенденция была и в русской советской и даже эмигрантской поэзии), все же репрезентативность использованного в работе материала антологии «Из поэзии 20-х годов», вышедшей в 1959 г., следовало бы снабдить известной оговоркой. Наверняка составители «оттепельного» сборника, работая в условиях советской идеологической и эстетической цензуры буквально после реабилитации некоторых (далеко не всех) участников «расстрелянного возрождения», проявляли известную осторожность в отборе текстов, в том числе и с формальной точки зрения.

Следующий подраздел (большая его часть написана Е.Г. Бросалиной, раздел о Филиповиче – Н.В. Костенко) посвящен 3-иктному дольнику в поэзии неоклассиков. Это яркое течение в украинской поэзии (как и авангард, почти полностью уничтоженное физически в 1930-е гг.) ориентировалось на образцы античности, Возрождения и французских парнасцев, культивировало классическую строфику и форму сонета. Казалось бы, тонический стих (кроме гекзаметра, о котором речь ниже) противоречит эстетике неоклассиков, однако они, за исключением мэтра школы Микола Зерова, все же использовали 3-иктный дольник (здесь сыграло роль и влияние русского символизма и особенно акмеизма). У М. Драй-Хмары и Юрия Клена (О. Бургхардта) это лишь спорадические вкрапления на фоне правильных силлабо-тонических размеров, у М. Рильского

в его неоклассический период дольник также редок и используется, в частности, для фольклорных стилизаций, но у П. Филиповича (до революции выступавшего как русскоязычный поэт и филолог), напротив, в соответствующих текстах используются за небольшим исключением только собственно дольниковые II и III ритмические формы, и «самый рафинированный» (с. 87) метр тяготеет к логоэду. Активнее разрабатывают дольник поэты-эмигранты, которых часто считают поздними («шестым» и «седьмым») неоклассиками – М. Орест (брат Зерова) и И. Качуровский (учитель Е.Г. Бросалиной как литературоведа и поэта). На ритмику первого известное влияние оказала немецкая поэзия (в частности, свойственная ей короткая анакруса), второго – русская (тенденция к «анapestизации» дольника).

Далее Н.В. Костенко рассматривает 3-иктный дольник поэтов «расстрелянного возрождения» рубежа 1920–1930-х гг. (В. Свидзинский, Е. Плужник), комсомольских поэтов следующего поколения (Л. Первомайский, А. Малышко) и шестидесятника Б. Олейника. У них короткий дольник становится знаком разговорной или ораторски-лозунговой интонации, элементом эпической, в том числе балладной, полиметрии («полиморфного стиха»), условной античной или фольклорной стилизации (очень интересны отмеченные у Свидзинского дериваты гекзаметра). Ранний Первомайский пользуется даже авангардным «футуристическим» типом дольника, а поздний включает дольниковые строчки в состав смешанного (гетерометрического) стиха. У этих авторов любопытно взаимодействие метра со строфической. Именно 3-иктным дольником написано полностью приведенное в [Гаспаров 1997: 396] (к сожалению, с орфографическими ошибками; по-видимому, Гаспаров не держал корректуры этой статьи, ср. [Сичинава (в печати)]) стихотворение Первомайского с рекордным по сложности и не имеющим русских аналогов строением цепной рифмовки. Это стихотворение было сообщено Гаспарову, между прочим, не кем иным, как Костенко. В следующем подразделе речь идет о 3-иктном дольнике в творчестве украинских эмигрантов, в частности, межвоенной пражской школы (более консервативной, чем даже неоклассики) и послевоенной нью-йоркской группы (у которой стих порой расшатан сильнее, чем даже у футуристов).

С точки зрения ритмики Н.В. Костенко выделяет, помимо уже упомянутого «авангардного», специфического для украинской поэзии, также два типа дольника: «концентричный» (с преобладанием III, I и II форм), характерный для 1920–1950-х гг., и «современный» (*модерний*), который приходит ему на смену

в середине века; в нем заметную роль играет неполноударная V форма с пропуском среднего икта. Они близки, соответственно, к «гумилевскому» и «цветаевскому» дольникам в терминологии Гаспарова.

Следующий подраздел, написанный целиком Костенко, посвящен 4-иктному дольнику и построен уже не в хронологической последовательности по отдельным поэтам и школам, а типологически. На украинском материале автор выделяет 12 ритмических форм 4-иктного дольника (Гаспаров выделял в русском стихе 10). Как и в 3-иктном, в 4-иктном украинском дольнике, особенно у авангардистов, распространена форма с 1-сложными интервалами, совпадающая с ямбом или хореем (1*1*1); в русской поэзии она редка. Кроме того, широко употребляется цезурованный стих, который может интерпретироваться и как ямб или хорей с цезурными наращенными (в конце XX в. он, отчасти под влиянием Бродского, продуктивен у Ю. Андруховича). В других статьях сборника К.М. Корчагин и Я.В. Ходаковская не относят этот стих к дольнику, последняя отмечает, что в таком случае полустихия не содержит дольникового ритма (с. 229). Как и для 3-иктного дольника, не удается проследить тенденции к господству анапестической анакрус (типичной для русского стиха). Наконец, в отличие от русского, строки «авангардного» украинского 4-иктного дольника нередко выступают на фоне строк различных силлабо-тонических размеров, особенно двухсложников. Четырехударной тоникой активно пишутся баллады (под влиянием Киплингера и его русских подражателей, прежде всего Тихонова) и фольклорные стилизации.

О.Н. Башкирова предлагает попытку классификации длинных размеров дольника (5- и 6-иктного), ставших популярными во второй половине XX в. Выделяется 28 ритмических форм 5-иктного дольника (из них, впрочем, реально представлена в текстах только половина). Что касается 6-иктного размера, практически обязательно цезурированного, то его ритмические формы образуются комбинацией типов 3-иктного дольника; таких сочетаний (в основном с примерами) перечислено 30. Длинными метрами активно пользуются шестидесятники (И. Драч, Л. Костенко и другие); для них это знак эпической, в частности, балладной семантики. У них сосуществуют как силлабо-тонизированная, так и расшатанная форма длинного размера. Е.Г. Бросалина анализирует ритмику гекзаметра (6-иктного дольника) на материале сохранившихся фрагментов перевода «Энеиды» Вергилия, выполненного неоклассиком М. Зеровым (как мы помним, Зеров коротким дольником не пользовался):

он прибегает к синкопе («замене» дактиля на хорей) чаще всего в 3-й (предцезурной) стопе, а также почти в четверти случаев облегчает начало строки, пропуская ударение в 1-й стопе гекзаметра (таким приемом пользовались некоторые русские гекзаметристы, в частности, Фет). К.М. Корчагин сопоставляет русский и украинский цезурованный дольник, обращая внимание на то, что в трудах М.Л. Гаспарова и его российских последователей цезура в дольнике фактически не обсуждается, в то время как украинские стиховеды, и прежде всего Н.В. Костенко, как раз затрагивают эту проблематику. Корчагин использует типологию цезур, предложенную Дж. Бейли, с поправкой М.Л. Гаспарова относительно определения передвижной цезуры (таковой признается переменный словораздел после константного ударения внутри строки; вообще попытки ввести понятие «передвижная цезура» наталкиваются на некоторую внутреннюю противоречивость этого термина). Обсуждаются метрические эффекты «в окрестностях» цезуры: усечения, наращенные, в том числе ведущие к нарушениям допустимого для дольника междуударного интервала в 1–2 слога, переменная «внутренняя анакруса» (в позиции после цезуры). Особо рассматривается такой тип дольника с цезурой, как славянский элегический дистих (несмотря на то, что, в отличие от античного образца, в строках пентаметра редко встречаются замены дактилей, а в строках гекзаметра – собственно цезура). Цезуре в русском стихе (до первой четверти XX в.) посвящена диссертация [Корчагин 2012], где есть и раздел «Проблема цезуры в дольнике».

Второй раздел, посвященный развитию дольника в украинской поэзии второй половины XX в., состоит из трех хронологических подразделов, посвященных, соответственно, 1960–1970, 1980–1990 и 2000-м гг. В обширный и ценный материал, рассмотренный Я.В. Ходаковской в разделе, посвященном дольнику 1960–1970-х гг., входит 13 тысяч строк 26 поэтов, писавших в этих хронологических рамках (не только советских легальных и запретных «шестидесятников» и «семидесятников», но и более старших авторов, продолжавших писать в эти годы, а также поэтов диаспоры); ввиду изобилия материала берутся только тексты, не менее половины строк которых написано дольником; при обсчете ритмических форм использовался автоматический алгоритм. В 1970-е гг. употребительность дольника вообще существенно снижается по сравнению со взлетом 1960-х гг., зато вырастает процент дольника цезурованного по сравнению с бесцезурным и вообще длинных дольниковых размеров; схожая тенденция имела место и в русской поэ-

зии, но, как представляется, несколько позже и под влиянием соответствующего периода в творчестве Бродского. В этот период IV форма дольника (с односложными интервалами), ранее являвшаяся характерной приметой украинского стиха, становится редкой и рудиментарной. Существенное развитие получает белый дольник как наиболее консервативная форма в континууме на пути к чистому верлибру. В.С. Афанасьева рассматривает дольник в творчестве трех поэтов-восьмидесятников; в этот период возрастает интерес не только к дольнику, но и к другой тонике и верлибру, разнообразие манер и ритмических форм напоминает период сосуществования авангардистов и неоклассиков в 1920-е гг. В статье Н.И. Гаврилюк о дольнике 2000-х наглядно продемонстрировано огромное разнообразие ритмических и метрических форм современного украинского дольника, выделяемого, казалось бы, на небольшом материале двух альманахов (всего 834 дольниковые строки, в том числе и русскоязычные). В современном стихе устойчиво сохраняется признак, отличавший на протяжении всей истории украинский дольник от русского: преобладание амфибрахической анакруссы, а не анапестической.

Третий раздел посвящен персоналиям, а именно дольнику в творчестве конкретных украинских поэтов XX в. (в том числе и упоминавшихся в первых двух разделах). Б.И. Бунчук рассматривает дольниковые формы у Леси Украинки (привлекшие ранее внимание, в частности, С.И. Кормилова [Кормілов 1979]); они появляются часто на фоне стиха иной формы и связаны как с германскими (Гейне), так и с античными (через гекзаметр) влияниями, причем осваиваются и различные длинные дольниковые дериваты античных метров, используемые для перевода древнего эпоса иных культур (Ригведа, древнеегипетская лирика). В.С. Мальцев и Ю.П. Прокопчук изучают стих поэта-модерниста и филолога Д. Загула, который, что чрезвычайно интересно, сперва перевел «Книгу Песен» Гейне силлабо-тоническими размерами, но во второй редакции переработал их в дольники; исследователь сталкивается с редкой возможностью наблюдать синкопирование слогов и базовый силлабо-тонический метр непосредственно. Н.М. Сулима рассматривает ранние «дофутуристические» тексты М. Семенко, который разрабатывал свой экспериментальный стих путем сознательного «разрушения мелодии». Раздел Е.Г. Бросалиной посвящен двум логаздизированным образцам 3-иктного дольника у М. Ореста, образцами для которых послужили знаменитые тексты одновременно Мандельштама (*Сегодня дурной день...*) и Маяковского (*Дней бык пег...*); второй

из них был популярен в кругу старших неоклассиков и эквиритмично переводился на украинский (*Серце бий біі! Грудь наша – тулумбас*), с обоими образцами у Ореста есть текстуальные переключки. Н.В. Костенко рассматривает дольник М. Бажана, одного из крупнейших украинских советских поэтов, в предыдущих разделах упоминавшегося сравнительно мало. В его раннем творчестве интересен балладный дольник на основе 1-сложных интервалов «киплинговского» типа, в позднем – длинные медитативные дериваты гекзаметра (как их воспринимал сам Бажан) и даже цезурованные логазды на базе пентаметра (*Скільки безлюдних миль, || скільки безплідних піль...*). Е.В. Кицан пишет о неурегулированном, тяготеющем к тактовому расшатанном дольнике шестидесятника В. Голобородько; Я.В. Ходаковская – о дольнике представительницы того же поколения И. Жиленко, которая, наоборот, начинает с форм, навеянных ритмикой 1920-х, а потом переходит к силлабо-тонизации стиха; К.С. Дорошенко – о дольнике начинавшей в 1990-е гг. современной поэтессы М. Кияновской, разрабатывающей длинные размеры. Два последних подраздела стоят особняком и анализируют «семиотику места»: В.А. Левицкий изучает место дольника в так называемом «киевском тексте» (идеи В.Н. Топорова о «городском тексте» успешно применяются к киевскому материалу; ср. [Булкина 2013]), а Э.М. Свенцицкая рассматривает ритмико-метрическую композицию ахматовского цикла «В Царском Селе» (таким образом, Анна Горенко считается украинской поэтессой; кажется, такую этническую идентичность она сама отвергала) и семантический ореол классических и неклассических метров этого цикла.

Завершает книгу подводящее итоги послесловие Н.В. Костенко, подчеркивающее некоторые особенности истории украинского дольника (развитие «на опережение» сразу как авангардного размера, отсутствие преобладающей тенденции к сближению с силлабо-тоникой – в отличие от русского стиха в советский период), а также намечающее перспективы дальнейшей работы (прежде всего исследование взаимодействия дольника с другими тоническими метрами: тактовиком и акцентным стихом).

Авторы иногда смешивают собственно стиховые и нестиховые признаки текста, например, в перечень признаков авангардного дольника включается «использование нестандартной (уличной или книжной) лексики, сложных инвертированных синтаксических конструкций» (с. 37); достаточно часто прибегают к оценочно-критическим формулировкам. Вероятно, можно поспорить и с употреблением

таких трудноформализуемых терминов, как обозначения типов интонации – «повествовательно-говорной», «медитативно-говорной» и «исповедально-говорной» стих (с. 76).

Рецензируемая книга представляет собой очень ценный вклад как в украинское стиховедение, так и в изучение тонических размеров вообще, и является незаменимым источником и для стиховеда, занимающегося тоникой на материале других языков.

При прочтении этой книги рецензенту неоднократно приходилось сожалеть об отсутствии в настоящее время украинского поэтического корпуса со стиховедческой разметкой, подобного тому, какие существуют для русского (в составе НКРЯ: <http://ruscorpora.ru/search-poetic.html>) или для башкирского (<http://web-corpora.net/bashcorpus/search/>) языков. В доступном в Интернете корпусе украинского языка, составленном в Киевском университете (<http://www.uov.ua/info/corpus.aspx?11=209>), имеется отдельный подкорпус поэтических текстов, но по стиховым параметрам он не размечен. В ходе работы над «Украинским дольником» исследователями собрано большое количество текстов, сделано значительное количество подсчетов и анализов, в том числе автоматизированных; было бы очень хорошо, если бы эти материалы были использованы при построении украинского поэтического корпуса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булкина 2013 – Булкина И. Киевская антология // Статьи на случай: сборник к 50-летию Р.Г. Лейбова. Электронная публикация (http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Bulkina.pdf).
- Гаспаров 1968 – Гаспаров М.Л. Русский трехударный дольник XX в. // Холшевников В.Е. (ред.). Теория стиха. Л.: Наука, 1968.
- Гаспаров 2000 – Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. 2-е изд. [1-е изд. 1984]. М.: Фортуна Лимитед, 2000.
- Гаспаров 1997 – Гаспаров М.Л. Строфическая традиция и эксперимент // Гаспаров М.Л.

Сведения об авторе:

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
mitrius@gmail.com

Избранные труды. Т. III. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 366–398.

Кормілов 1979 – Кормілов С. Вільний вірш Лесі Українки // Радянське літературознавство. 1979. № 9.

Корчагин 2012 – Корчагин К.М. Цезура в русском стихе XVIII – первой четверти XX века. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012 (https://www.academia.edu/2953659/_XVIII_-_XX_).

Костенко 2006 – Костенко Н.В. Українське віршування XX століття: Навчальний посібник. 2-ге вид., випр. та доп. [1-ше вид. 1993] Київ: ВПЦ «Київський університет», 2006.

Ляпин 2011 – Ляпин С.Е. «Сегментный» дольник: к описанию метрических новаций Иосифа Бродского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 6. С. 36–46.

Плунгян 2008 – Плунгян В.А. Писал ли Есенин «есенинским дольником»? // Архипов А.В., Федорова О.В. (ред.). Фонетика и нефонетика. К 70-летию С.В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 766–776.

Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Мне с каждым утром противней заученный, мёртвый стих: к некоторым особенностям тонического стиха М. Кузмина // Panova L., Pratt S. (eds). The many facets of Mikhail Kuzmin: A miscellany. Bloomington (IN): Slavica, 2011. P. 43–57.

Семенов 2009 – Семенов В. «Это только для звука пространство всегда помеха...»: о механизмах релятивизации и семантизации метрики в стихотворениях И. Бродского // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII (Новая серия): К 80-летию со дня рождения Зары Григорьевны Минц; К 85-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2009. С. 317–336.

Сичинава в печати – Сичинава Д.В. [Рец.:] Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. IV // Philologica. Вып. X (в печати).

Д.В. Сичинава

Information about the author:

Dmitri V. Sitchinava
Vinogradov institute
of the Russian language (RAS)
mitrius@gmail.com
Moscow / Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Виноградовские чтения 2014 г.

16 января 2014 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) прошли очередные (сорок пятые) Виноградовские чтения, посвященные актуальным проблемам русистики. Целый ряд докладов был связан с проведением исследований с использованием электронных корпусов.

Ю.Д. Апресян (Москва) в докладе «Семантика в Активном словаре русского языка» (далее – АСРЯ) показал, как в готовящемся словаре будут учтены некоторые результаты лингвистических исследований, которые раньше не рассматривались в традиционной толковой лексикографии. Докладчик проанализировал две разные группы употреблений глагола *бежать* («разнонаправленное перемещение»: *дети бежали по двору*; «перемещение с возвращением в исходную точку»: – *Где ты был? – Бежал за газетой / Бежал купаться*) и отметил необходимость выделения в словарной статье в подобных случаях разных значений, тогда как во многих классических толковых словарях эти употребления считаются одним значением. На примере глаголов *подмести*, *бежать на кого-либо* («с целью напасть»), *войти / выйти* обсуждались проблемы и недостатки толкования лексических значений в традиционных словарях и основные требования к дефинициям в АСРЯ (полнота, необходимость и достаточность, нетавтологичность, ступенчатость, унификация внутри одного семантического класса). Авторы опираются на понятия «предиката» и «семантического актанта» и стремятся толковать не просто заглавное слово, а предикатное выражение. Это дает возможность уточнить канонические толкования, объяснить в словаре системные семантические связи между лексемами и классами лексем и объяснить правильность одних высказываний и неправильность других. В заключение были затронуты некоторые вопросы взаимодействия лексических и грамматических значений.

А.М. Молдован (Москва) в докладе «Документация лингвистических источников»

познакомил слушателей с историей и современным состоянием документации лингвистических источников, а также рассмотрел основные задачи и проблемы в этой области. Сначала были уточнены основные термины. Документация – это лингвистическое представление текстов с целью выявить содержащуюся в них лингвистическую информацию, сделать их удобными для использования. Термин «лингвистические источники» в отечественной традиции обычно относится к древнерусским письменным памятникам. Были представлены основные результаты работы по созданию электронного корпуса древнерусских источников, являющегося в настоящий момент частью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и состоящего из четырех подкорпусов: древнерусского, церковнославянского, корпуса среднерусских текстов и берестяных грамот. Также рассматривались проблемы таксономии древнерусских текстов, связанные с работой над представлением источников в виде компьютерных баз данных. Докладчик отметил, что понятие «жанр» не совсем подходит к древнерусским текстам. При разметке таких текстов более корректным оказалось разделение по типам в зависимости от принадлежности к сферам функционирования.

В выступлении А.Д. Шмелева (Москва) «Кодификация литературных норм в условиях социальных и культурных изменений» речь шла о проблемах интерпретации случаев, когда употребление языковых единиц (узус) не соответствует рекомендациям нормативных словарей и справочников, а также о причинах таких отклонений (изменение нормы или степени владения нормой, публичность неграмотного письма, легенды о существующих нормах). Докладчик обсудил общие принципы кодификации, рассмотрел случаи изменения в семантике отдельных единиц, иллюстрирующие важные моменты кодификации русского языка в 20–30-е гг. XX в.: *культуртрегер*, *космополит*, *донос*. По словам А.Д. Шмелева, утверждение о нормативности (ненормативности) должно ос-

новываться не на распространенности явления в узусе, а на оценке этого явления экспертами в соответствующей сфере. При оценивании нормы необходимо четко знать рекомендации словарей и то, что существует в узусе (в зависимости от возрастных, социальных особенностей и сферы употребления).

Доклад А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского (Москва) «Проблемы авторской фразеологии» был посвящен вопросам классификации авторских фразеологизмов. Авторская фразеология (в лексикологии – особенности, присущие конкретному носителю языка, выделяющие его среди других носителей) демонстрирует не только отклонение от стандарта, но и потенциал системы. Докладчики выделяют следующие типы авторского употребления фразеологизмов: 1) авторские лексические модификации фразеологизма (замена компонентного состава: <...> *тебя на родственной ноге держать* <...> – Ф.М. Достоевский); 2) авторские грамматические трансформации; 3) авторские семантические модификации фразеологизма (изменение значения: *В первый раз, говорит, руки мараю, стихи пишу, для обольщения* <...> – Ф.М. Достоевский); 4) авторские фреквенталии (идиомы, встречающиеся и в обычном языке, но употребляющиеся в языке конкретного писателя более часто, например *по крайней мере* у Ф.М. Достоевского встречается значительно чаще, чем *по меньшей мере*); 5) авторские деархаизмы (использование в художественном тексте идиом, давно вышедших из употребления: *Укроп весь вывололи семя и овамо* <...> – Т. Толстая); 6) собственно авторские фразеологизмы (*восхолье Венеры* – В. Сорокин, *кукиш с хреном* – Б. Акунин).

В выступлении Л.П. Крысина (Москва) «О лексикографическом представлении русской разговорной речи», тематически связанном с разработкой «Толкового словаря русской разговорной речи», было рассказано о некоторых наблюдениях над свойствами разговорной, а также просторечной и жаргонной лексики. В этих слоях лексики – больше, чем в словаре кодифицированного литературного языка, – проявляется антропоцентричность, т. е. направленность выразительных средств на обозначение жизни и деятельности человека, по преимуществу городского. Были рассмотрены коммуникативно актуальные смыслы и способы их выражения в разговорной речи – такие как обозначения людей высокого роста и крупного телосложения (*амбал, бугай, бык, верзила, детина* и т. п.), негативные характеристики человека по его умственным способностям (*балда, болван, дебил, дуб, дурак, идиот, кретин, придурок* и т. п.), слова тематических групп ‘жадность’ (*жадина, жмот, крохобор,*

куркуль, скряга, скупердяй и т. п.), ‘пьянство’ (*вмазать, гудеть, закладывать, захорошеть, квасить, набраться; бухой, окосевший, осоловевший, тёпленький, хорош!* и т. п.) и др. Докладчик сделал вывод о том, что в разговорной речи и просторечии преобладает не г а т и в н а я оценка человека, его свойств и поступков. Оценочные обозначения со знаком плюс, имеющие прямое или косвенное отношение к человеку, его действиям и его свойствам, осуществляются преимущественно с помощью нейтральных или книжных лексических средств литературного языка.

В.А. Плунгян (Москва) в докладе «Корпусно-ориентированная русская грамматика» представил результаты работы над проектом по описанию русской грамматики с привлечением корпусных данных (www.rusgram.ru), в котором участвует большая группа лингвистов из Москвы и Санкт-Петербурга. Описание грамматики дается синхронное, но активно учитываются микродиакронические процессы. Относительно теоретических положений было отмечено, что, хотя авторы стремятся к теоретической нейтральности и опоре на факты, учитываются различные современные теории, типологические подходы. Возможности новой грамматики докладчик проиллюстрировал на конкретных примерах. Корпусный подход наиболее эффективен при изучении вариативности, разных видов сочетаемости, микродиакронических изменений; значительный объем данных, привлекаемый в исследовании, позволяет использовать корпус как инструмент верификации существующих гипотез. Проект представляет собой гипертекстовую электронную систему, где основной единицей является статья (совокупность статей, посвященных определенному явлению). На данном этапе в корпусной грамматике лучше всего разработаны разделы о морфологии, в меньшей степени – синтаксис и ключевые понятия общей семантики.

Е.В. Рахилина (Москва) в сообщении «О новых подходах к описанию русской грамматики» говорила о неканонических способах описания грамматических явлений (например, квазиграмматических конструкций и лексических средств) с привлечением корпусных данных. Как было отмечено, наряду с нормой необходимо описывать и стандартные ошибки в следующих сферах: русский как иностранный, «эритажный» русский (люди с русским языковым наследием), региональный русский, академическое письмо, для чего создается корпус текстов «эритажных» говорящих и изучающих русский язык (webcorpora.net/RussianLearnerCorpus/search). На примере ошибок в сравнительных конструкциях и двойных

союзах было показано, как грамматические ошибки могут становиться инструментом лингвистического исследования и источником для расширения зоны наблюдений над грамматической системой.

В докладе Г.И. Кустовой (Москва) «Семантические и коммуникативные аспекты грамматических процессов (проблемные зоны грамматической “периферии”)» говорилось о проблемах лингвистического описания и лексикографического представления единиц, которые утратили часть свойств исходной парадигмы, но еще не полностью перешли в другую часть речи. В силу своего промежуточного характера такие единицы непоследовательно отражаются в обычных «номинативных» словарях и должны фиксироваться в специальном неноминативном словаре. В такой словарь будут включаться адвербиальные обороты типа *в сопровождении, при наличии, под страхом (чего)...*; производные предлоги *в виде (исключения), по ходу (дела), на случай (дождя)...*; обороты с адъективным компонентом: *таким образом, своими силами, под любым предлогом...*, такие обороты нередко коррелируют с предложениями: *в электронном виде – в виде файла; в масштабе страны – в государственном масштабе* и т. п. Особую группу переходных единиц составляют предложные обороты типа *на футболе, на уроке, в командировке, в плену*, которые внешне похожи на адвербиалы, но являются аналогом глагольного предиката и имеют парадигму употреблений, аналогичную парадигме употребления глагольных форм, – сказуемое (аналог личной формы, ср. *Никого нет, все на футболе*), обстоятельство, детерминант (аналог деепр., ср. *Вчера на футболе я видел артиста Крючкова*), определе-

ние (аналог прич., ср. *Человек на войне и человек в плену – это два разных человека*). Неноминативный словарь представляет собой электронную базу данных, ориентированную на нужды лингвистов. Единицы снабжены разными видами лингвистической информации: семантический класс, грамматические характеристики, синтаксические функции, способы выражения валентностей, примеры из НКРЯ. Пользователи смогут по заданным параметрам получать списки единиц как исходный материал для дальнейших исследований.

В первой части доклада («От корпусной лингвистики к корпусной поэтике: новые возможности исследования поэтического языка») Б.В. Орехов (Уфа / Москва) рассмотрел особенности корпусного подхода в лингвистике, опираясь на положения Дж. Лича и В.А. Плунгяна. Докладчик отметил основные плюсы и минусы корпусных исследований (с одной стороны, НКРЯ – деятельный помощник исследователя, с другой – последнее время заметен диктат корпуса, т. е. исследуется именно то, что позволяет корпус). Далее на примере анализа стихотворения Ф. Тютчева «Проблеск» с использованием поэтического корпуса в составе НКРЯ были продемонстрированы возможности, которые дает корпусной подход стиховедам. Благодаря корпусу появляется возможность верифицировать утверждения, сделанные исследователями на предыдущих этапах развития науки.

Следующие Виноградовские чтения по традиции планируется провести в январе 2015 года.

Ю.С. Капитанова

Сведения об авторе:

Юлия Станиславовна Капитанова
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
jukap@mail.ru

Information about the author:

Yuliya S. Kapitanova
Vinogradov institute of the Russian language (RAS)
jukap@mail.ru
Moscow / Russia

V Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» в МГУ

18–21 марта 2014 г. на филологическом факультете МГУ состоялся V Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность», в котором приняли участие более 600 исследователей из 25 стран. V Конгресс русистов проходил в непростой для русского языка и русистики международной обстановке, но это не помешало исследователям русского языка собраться в стенах Московского университета и обсудить актуальные проблемы описания и преподавания русского языка, обменяться опытом и представить новые исследовательские, лексикографические и учебные проекты.

В рамках Конгресса работало 27 секций, 17 круглых столов и три семинара. На пленарных заседаниях и в ходе работы секций, круглых столов и семинаров было прочитано более 600 докладов.

Первое пленарное заседание открывалось приветственным словом декана филологического факультета МГУ М.Л. Ремневой, в котором была отмечена особая роль Конгресса русистов в развитии мировой лингвистической науки, дана высокая оценка этому международному форуму как наиболее открытому и демократичному, объединяющему представителей разных лингвистических традиций, разных научных дисциплин и разных научных школ. Пленарные доклады первого дня работы Конгресса были посвящены русской лексикографии и общим проблемам описания лексики (Н.Д. Голев¹, Л.Е. Кругликова, В.В. Химик), отношениям грамматики и дискурса (Б.Ю. Норман), грамматики и семантики (Л.О. Чернейко), эгоцентрической технике в грамматике и тексте (Н.К. Ониненко и Е.Г. Жидкова), системным отношениям между языковыми единицами (Л.А. Араева, М.И. Коношквич).

Заседания секций, круглых столов и семинаров проходили два дня. Их тематика отражала как традиционные для русистики, так и новые, перспективные направления в современной русской лингвистической науке. Общетеоретические и методологические проблемы обсуждались на заседаниях секции «**Общие вопросы и история науки**» (руководитель – А.Н. Ка-

чалкин). Докладчики обращались к терминологии (А.А. Соколянский, Л.Е. Кириллова) и свойствам языкового знака (А.Н. Матрусова), к понятию модели как инструменту лингвистической интерпретации текста (С.Н. Виноградов, Н.И. Коновалова), к типологии дискурса (А.Н. Качалкин) и истории филологических дисциплин (Л.Е. Макарова).

Истории русского языка была посвящена работа четырех секций. На секции «**История русского языка: словообразование, лексикология и структура текстов**» (руководитель – И.И. Макеева) было заслушано 11 докладов. Тематика выступлений была очень широкой: теория и практика исторической лексикологии и семантики (А.В. Алексеев, И.И. Макеева, М.В. Пименова), историческое словообразование (И.В. Ерофеева, Л.Р. Абдулхакова), проблема изучения славянизмов (Ж.К. Кышнова, Н.Х. Низаметдинова), описание отдельных лексико-семантических групп слов (В.П. Киржаева, Е.В. Сердюкова), язык древнерусских памятников письменности (Г.С. Баранкова), этимология (И.В. Диманте). Столь же широкими оказались спектр и хронология привлеченного к исследованию материала: от «Повести временных лет» и «Русской Правды» до «Словаря русского языка XVIII в.».

На заседаниях секции «**История русского языка: орфография, фонетика, грамматика**» (руководитель – Е.А. Галинская) состоялось 16 докладов, в которых была представлена самая разнообразная проблематика: реконструкция праславянских языковых процессов (Д.Д. Беляев), историческая фонетика (Е.А. Галинская, И.А. Измestьева, В.В. Каверина, Ю.В. Смирнова), историческая семантика (А.В. Птенцова), историческая морфология (А.К. Шапошников, М.Н. Шевелева, Е.А. Мишина, Ю.В. Биктимирова), исторический синтаксис русского языка (Л.М. Боряева, А.П. Вальсова, А.С. Улитова), грамматический анализ текста (А.В. Косивцова, В.С. Савельев). Проблемы изучения истории русского литературного языка были поделены между двумя секциями в соответствии с временным делением: XI–XVII вв. и XVIII–XIX вв. В рамках секции «**История русского литературного языка XI–XVII вв. и текстология**» (руководители – О.Н. Киянова, Т.П. Леннгрен) были прочитаны 9 докладов, в которых рассматривались проблемы издания и описания рукописных текстов, до сих пор не ставших предметом лингвистического исследования. Наибольший интерес вызвали доклады А.Ю. Казаковой, Е.А. Сивковой, А.В. Духаниной.

¹ В связи с большим объемом хроники город (страна) после фамилий авторов не указывается; эту информацию см. в «Трудах и материалах» Конгресса, опубликованных на сайте: www.philol.msu.ru/~rlc2014/docs/Trudy-i-materialy_RLC2014.pdf

На секции «История русского литературного языка XVIII – нач. XIX в. и текстология» (руководитель – Е.А. Кузьмина) особое внимание было уделено истории славяно-русской грамматической традиции (доклады Е.А. Кузьминой, Ма Цзя-ин, С. Менгель, Л.Г. Чапаевой). В. Дуринова осуществила реконструкцию стратегии перевода ключевых терминов социально-политического словаря с французского языка на русский. С.В. Русанова рассмотрела жанровые параметры промемории – особенности композиционно-структурной и лексико-синтаксической организации. И.Н. Левина показала репертуар лексико-синтаксических моделей изъяснительного предложения в произведениях авторов XVIII в.

Разделы уровневой синхронной русистики были представлены докладами на четырех секциях. На заседании секции «Фонетика, орфоэпия, графика, орфография русского языка» (руководитель – Г.Е. Кедрова) рассматривались наиболее актуальные на сегодняшний день теоретические и прикладные вопросы, связанные с фонетическим уровнем языка: новое в экспериментальной фонетике и актуальные проблемы фонологии современного русского языка (Г.Е. Кедрова, Д.В. Дашкевич, Е.М. Болычева), применение новых экспериментально-фонетических исследований для совершенствования методики преподавания РКИ (Чжуан Вэйвэй), стандартизация транслитерации кириллического текста в компьютерных лингвистических приложениях (В.Н. Белоозеров), новые тенденции в современной русской орфографии (Е.В. Бешенкова, И.В. Нечаева), орфоэпическая норма и современный языковой произносительный узуз (С.К. Пожарицкая).

Секция «Русская морфология» (руководитель – П.А. Лекант) провела три заседания, на которых было произнесено и обсуждено 28 докладов. Докладчики обсуждали многие спорные вопросы русской морфологии: развитие системы частей речи; русскую падежную систему, глагольные категории; аналитические формы русских предлогов, их развитие. Особый интерес вызвали доклады Р.М. Гайсиной и А.Л. Шарандина. На секции «Русское словообразование и морфемика» (руководитель – Д.Б. Гудков) было заслушано 12 докладов по актуальным проблемам морфемки и словообразования. Докладчики рассматривали словообразовательные окказионализмы в художественных текстах и текстах современных СМИ, функционирование интернациональных морфем и историю имен действия, языковую игру и аналитизм в словообразовании.

На четырех заседаниях секции «Русский синтаксис» (руководители – М.Я. Дымарский,

М.И. Колюшкевич, Н.К. Онипенко) были прочитаны и обсуждены 25 докладов по разным проблемам русской синтаксической науки, в том числе: способы выражения синтаксических значений в русском языке в связи с соотношением синтетизма и аналитизма (Е.А. Брызгунова) и способы выражения предикативного отношения (М.Я. Дымарский), системное представление русского синтаксиса и синтаксическая синонимия (В.Ю. Копров, А.В. Дегальцева), синтаксис и прагматика отрицательных конструкций (А.А. Калинина), количественные конструкции (И.В. Галактионова, С.А. Крылов, Котта Рамузино Паола), сочинительные связи (О.Ш. Надибаизде, Д.Н. Сатюкова), экспрессивные конструкции (А.В. Величко, И.А. Маггеррамов), синтаксис частиц и местоимений (Т.А. Селюкова, Т.П. Вязовик), синтаксис конструкций с неспрягаемыми формами глагола (Ю.П. Князев, Г.Н. Чиркун, А.П. Вяльсова), семантические категории в синтаксических конструкциях (Г.И. Кустова, Е.Н. Никитина), составное сказуемое (О.Ю. Дементьева), односоставные предложения (В.А. Коба), сложно-подчиненные предложения (И.В. Одинцова и Ян Цзин, М.И. Сидорова, Л.Е. Дальбергенова, Е.С. Ярыгина). На заседаниях были представлены разные научные школы, что создавало хорошую основу для плодотворной научной дискуссии. Наибольший интерес у слушателей вызвали выступления, соединяющие структурный, семантический и функционально-коммуникативный подходы к простому и сложному предложению. При подведении итогов участники отметили, что наиболее перспективными в современной синтаксической науке являются те направления исследования, в которых соединяется русская традиция (от А.А. Шахматова) и современные методы семантического описания языка, что современная синтаксическая терминология требует особого внимания, что уровень научности должен определяться не количеством новых терминов и не количеством цитат, а степенью приближения исследователя к сущности языкового объекта. Синтаксис – это та область, в которой соединяются семантика лексем, семантика словоформ и семантика конструкций, поэтому на современном этапе не может быть исследования конструкций без учета их семантики и их функционально-коммуникативных возможностей. В то же время требуют дальнейшей разработки и общетеоретические проблемы (предикативности, системности, типологии русских предложений).

На секции «Русская диалектология» (руководитель – Е.А. Нефедова) было прослушано 11 докладов. В них обсуждались актуальные проблемы изучения диалектов: фонетика и фонология говоров (Т.Н. Коробейникова), лексика

и фразеология (О.Г. Борисова и Л.Ю. Костина, Ю.В. Каменская, М.С. Картышева, И.В. Качинская, С.А. Мызников), интеграционные процессы (Т.Ю. Игнатович), употребление глагольных форм (И.П. Кюльмоя, А.В. Тер-Аванесова), особенности именного склонения (И.В. Бегунц), употребление кратких форм прилагательных (В.А. Закревская).

За два дня работы секции «**Проблемы лексической и фразеологической номинации**» (руководители – О.В. Дедова, Л.О. Чернейко) с докладами выступили 15 участников. Все выступления отличались высоким теоретическим уровнем обобщения материала, а также глубоким проникновением в его анализ. Особую дискуссию вызвали доклады О.М. Исаченко о стереотипах женского поведения (по материалам словаря), З.И. Минеевой о русских зоотропах, Т.А. Маряничей об «алкогольной лексике». Обсуждались функции «цветонаименований» (Е.В. Крапивник), оценочные номинации (О.И. Северская, Е.В. Шилова), проблема заимствований (Е.А. Проценко), территориальные особенности номинации рыб (Ю.А. Резвухина).

На заседаниях секции «**Лексикография и терминоведение**» (руководители – М.И. Чернышева, Л.Л. Шестакова) были заслушаны девять докладов, представлявших русистику России, Белоруссии, Болгарии и Китая. В докладах обсуждались современные проблемы теории и практики лексикографии: авторской лексикографии (Н.В. Козловская, Л.Л. Шестакова), двуязычной лексикографии (Н. Делева), исторической лексикографии русского языка (А.П. Майоров) и ареальной лексикографии (М.В. Ахметова, В.И. Беликов). Несколько выступлений было посвящено вопросам исследования и описания терминологии разных областей знания: лингвистической (Г.А. Гвоздович), медицинской (А.Г. Гайфуллина, А.Ф. Колясева), искусствоведческой (Янь Ланьлань).

Заседания секции «**Семантический анализ лексических и фразеологических единиц**» (руководитель – А.М. Плотникова) были посвящены обсуждению широкого круга проблем, связанных со структурно-семантическим и функционально-семантическим анализом лексики и фразеологии русского языка. С докладами выступили 16 ученых из Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Казани, Нижнего Новгорода, Рязани, Екатеринбурга. Широкий диапазон рассмотренных проблем был обусловлен разнообразием исследуемого материала: от классических текстов до современного интернет-дискурса. Интерес вызвал доклад Н.Г. Бабенко, которая говорила о речевой экспансии гламура в современном коммуникативном пространстве. В докладах

были рассмотрены и вопросы лексикографического описания языковых единиц в словарях разных типов (А.И. Ольховская, З.Ю. Петрова, А.М. Плотникова). Проблема семантических классификаций и установление метаединиц, выступающих в качестве классификаторов, была освещена в докладе И.С. Сениной, зависимость семантического класса глагола от контекстных партнеров – в докладе Д.Н. Солдатовой, границы семантического класса параметрической лексики продемонстрированы в докладе С.Ю. Семенович. Л.Г. Федосеева рассмотрела коммуникативные функции локативов в аспекте методики преподавания русского языка как иностранного. Фразеология была представлена двумя докладами (А.А. Муравьевой и Нассири Мехди).

Наиболее многочисленной была секция «**Смысл и средства его выражения**» (руководитель – М.Л. Ковшова). На четырех заседаниях этой секции было прочитано 33 доклада. Их тематика включала самые разные аспекты анализа дискурса: лексико-семантический (Е.Г. Борисова, М.Л. Ковшова, С.М. Колесникова), семантико-прагматический (И.В. Высоцкая, З.В. Гончарова, О.С. Иссерс, Е.И. Костанди, Т.А. Логунов, Т.Ю. Кравчук, З.А. Каримова, П.А. Катышев, Е.А. Савина, К.А. Шилихина), семантико-синтаксический (Н.А. Герасименко, Т.А. Демешкина), метааспект (Г.П. Байгарина, И.Т. Вепрева, Т.М. Цветкова), прагматика интернет-коммуникации (В.М. Касьянова, А.Ч. Пиперски и А.А. Сомин, А.В. Кожечко), языковая игра (И. Митурска-Бояновска, Е.Ю. Скороходова), прагматика жанра (М.Ю. Сидорова, Ю.С. Хукаленко), фоносемантика (Е.А. Бурская).

Проблемам компьютерной русистики были посвящены 16 докладов, прочитанных на заседаниях секции «**Компьютерная и квантитативная лингвистика**» (руководители – О.Ф. Кривнова, Р.К. Потапова, Е.А. Илюшина). Тематика выступлений была весьма разнообразной: стиховедение и стилиметрия (С.Н. Андреев, А.В. Зубов, О.В. Кукушкина и А.А. Поликарпов), сравнение частотных распределений синтаксических связей с теоретическими ранговыми зависимостями (А.Е. Илюшина и А.В. Прохоров), возможности работы с частотными словарями (коллектив авторов: О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, Л.В. Лапоница, Е.В. Суровцева), проблема моделирования семантической эволюции слова (С.И. Воробей, В.В. Поддубный и А.А. Поликарпов), возможности комплексного квантитативного анализа лексического состава языка (И.А. Меркулова), проблемы автоматической обработки звучащей русской речи (О.Ф. Кривнова, Р.К. Потапова и В.В. Потапов), проблемы

автоматической обработки письменного текста (С.Ю. Куликов, М.К. Тимофеева, В.В. Рыков, М.А. Хламов), проблема определения эффективности конкретных компьютерных систем при решении различных задач автоматической обработки текста (М.В. Хитина, З.М. Шаляпина и М.И. Канович).

Участники секции **«Русский язык в современных геополитических условиях»** (руководитель – М.Ю. Сидорова), прослушав 17 докладов по наиболее острым проблемам преподавания русского языка в иноязычной среде, пришли к выводу о необходимости активизировать международное сотрудничество в области преподавания русского языка в иноязычной и полиязычной школе. Участники конгресса выступили с предложением придать обмену опытом между российскими специалистами и русистами стран ближнего и дальнего зарубежья (стран постсоветского пространства и стран со значительной русской диаспорой) многосторонний характер, чтобы сделать доступным не только российский опыт за рубежом, но и зарубежный опыт в России. На заседаниях секции было рекомендовано проведение в России выставки-презентации школьных учебных пособий по русскому языку, созданных в разных странах и в РФ для полиязычных классов, для школ с нерусским языком обучения, детей мигрантов и т. п., а также международного семинара, посвященного обсуждению проблемы школьных учебников русского языка как неродного и русского языка для полиязычных классов.

Участники секции **«Русский язык в дошкольном, школьном и вузовском образовании»** (руководители – В.А. Багрянцева, Е.И. Литневская) прослушали и обсудили девять докладов, тематика распределялась по трем направлениям: проблемы школьного преподавания русского языка (как на территории РФ, так и за ее пределами), подготовка учителей русского языка (и шире – филологов в вузе), культура речи и культуроведение. Интерес вызвал доклад Н.И. Колесниковой о методике формирования научной речи у аспирантов, магистрантов и молодых преподавателей. В выступлении М.А. Гавриловой и О.Л. Филиной были показаны возможности оптимизации преподавания русского языка с помощью сравнительного анализа и двух языков, и двух культур. Проблемы преподавания русского языка рассматривались на заседаниях круглого стола **«Как преподавать словообразование сегодня»** (руководитель – Л.А. Араева), в работе которого приняли участие 15 лингвистов и методистов из разных городов России (Москва, Кемерово, Омск, Казань, Бийск, Лесосибирск, Томск, Санкт-Петербург), а также из Азербай-

джана, Казахстана, Киргизии, Польши, Украины. Л.А. Араева в своем выступлении обратила внимание на соотношение мотивирующего и мотивированного слова в свете реализации ими глубинного суждения, отметила, что на современном этапе преподавания значимым является описание новых способов словообразования, которые также проявляют особенности глубинного суждения. П.А. Катышев отметил важность рассмотрения полимотивационных процессов для выработки стратегии говорящего. Л.К. Жаналина обсуждала интегративный подход в преподавании словообразования. М.Г. Шкуропацкая обосновывала актуальность исследования словообразовательного механизма в узусальной иokkaзиональной лексике. В докладе Н.В. Мельник была показана возможность применения достижений современного словообразования в прикладных сферах. А.А. Шумилова обосновала явление словообразовательно-пропозициональной синонимии, разноаспектно представляющей один и тот же предмет внеязыковой действительности. М.Д. Тагаев отметил значимость когнитивного подхода при изучении словообразования в школах и вузах Киргизии. На заседании были также обсуждены материалы, представленные в выступлениях Й. Митурской-Бояновской, М. Полужного и Н.Ф. Венжинович, А.В. Петрова, Э.С. Мамедовой и Ш.М. Магеррамовой, В.Д. Черняк, З.И. Резановой.

На секции **«Концепты, русское языковое сознание и языковая личность»** (руководители – О.Г. Ревзина, М.Ю. Сидорова, В.В. Красных) было прослушано 20 докладов, в обсуждении которых приняло участие более 40 человек из России, Украины, Молдавии, Казахстана, Германии, Австрии, Китая. В выступлениях докладчиков обсуждался широкий круг проблем современной лингвокультурологии, концептологии и психолингвистики: от формирования языковой личности в школе (Е.Н. Володина) до наиболее общих положений, касающихся языковой картины мира (Анна А. Зализняк) и метаязыкового сознания носителей русского языка (Н.Д. Голев). Рассматривались также ассоциативные поля (В.А. Долинский, Е.В. Старостина), отдельные фрагменты русской концептосферы (Ж.В. Грачева, Т.М. Воронина, Н.Н. Занегина, Т.Б. Колышкина и И.В. Шустина), темпоральная ориентация, выраженная в концептуальной метафоре (А.В. Егорова), природно-стихийный код культуры (Ван Хунвэй). На отдельном заседании рассматривались различные аспекты языковой, культурной, культурно-языковой компетенций русскоговорящих, проживающих в Германии, Молдавии, на Украине; конструируемый образ «нового русского» в медиадискурсе Австрии (Э. Хофф-

манн), языковая личность в пространстве художественного произведения (С.М. Треблер), языковое манипулирование (Л.Е. Адясова), общие проблемы современного изучения языка, культуры, сознания (В.В. Красных). В ходе обсуждения докладов были затронуты следующие вопросы: степень влияния родного языка на владение вторым языком; соотношение и взаимодействие языка и культуры в пространстве билингвальной и бикультуральной личности; проблема языковой личности в условиях культурно-языковой полифонии (двуязычие или полуязычие).

На заседаниях секции «**Онтолингвистика и освоение языка как творчество**» (руководители – Ю.П. Князев) состоялось 14 докладов, в которых освещались проблемы формирования языковой компетенции ребенка: употребление конкретных грамматических форм (Е.В. Галкина, С.В. Краснощекова), появление устаревших или диалектных форм (Ю.П. Князев), освоение категории вида (А.В. Пеетерс-Подгавская), усвоение системы русских предлогов (И.В. Яковлева), грамматика письменной речи детей (Я.Э. Ахапкина), причины «сбоев» при порождении высказываний (О.Б. Сизова), проблемы сопоставительного изучения детской речи (Анна Зинкевич и Андрей Зинкевич), прагматика общения с детьми (Ю.В. Каховская), грамматика детского текста (А.Г. Лаврентьева). Ряд докладов касался онтогенеза русского языка в условиях двуязычия (Е.А. Гольцева, И.М. Румянцева, А. Предигер).

На заседаниях секции «**Русский язык как иностранный: лингводидактические основы преподавания**» (руководители – Е.Л. Бархударова, Ф.И. Панков) было прочитано 20 докладов. Проблематика была самой разнообразной: лингвистические основы преподавания РКИ, теория и методика преподавания РКИ (И.В. Одинцова, М.Н. Аникина, Р.К. Боженкова, Е.Ю. Николенко, С.А. Вишнякова и Чжань Хун, С.В. Котикова-Сабайда, И.В. Курлова), культурологические аспекты (З.Ф. Юсупова, Ф.И. Панков), психолингвистические аспекты РКИ, проблемы учебников и учебных пособий по практическому русскому языку (В.В. Киссюк), разработка новых материалов в помощь преподавателю (И.И. Прокопова). В докладах обсуждались особенности усвоения отдельных уровней языковой системы, например, фонетики (Е.Л. Бархударова, коллектив авторов: О.Е. Фролова, С.А. Крейчи, С.Б. Потемкин, Г.Е. Кедрова), словообразования (Е.А. Филатова), морфологии (А.О. Балужева), синтаксиса (Л.А. Балобанова, Е.В. Васильева и И.М. Левина, Л.Б. Матевосян). По результатам работы секции были приняты рекомендации, призванные способствовать совершенствованию

лингвистических и методических основ преподавания РКИ: (1) учитывать в процессе преподавания особенности русской и родной для учащегося языковых картин мира; (2) в рамках грамматики изучать не только объективные смыслы, но и субъективные; (3) обращать внимание на «отрицательный материал».

В рамках секции «**РКИ: межкультурное взаимодействие и проблемы национально-профессионально-ориентированного обучения**» (руководители – Л.В. Красильникова, Л.П. Клобукова, И.В. Одинцова) было проведено четыре заседания, на которых заслушано 23 доклада. Тематика докладов распределилась по пяти направлениям: (1) лингвокультуроведческий аспект в теории и практике преподавания РКИ (Т.Е. Владимирова, О.Л. Кузнецова, Г.В. Николенко, Мидзуками Норико и Л.Ф. Крапивник, Л.Л. Ружанская-Каццола, Л.В. Ершова, В.Э. Матвеевко), (2) актуальные проблемы профессионально-ориентированного обучения РКИ (Д.Д. Дмитриева, коллектив авторов: Л.П. Клобукова, Л.А. Нестерская, Л.Н. Норейко; Е.Н. Тарасова), (3) анализ художественного текста в аспекте преподавания РКИ (О.В. Чагина, А.Г. Лилеева, Н.В. Баландина, Е.В. Полищук и Е.В. Суровцева), (4) лингвометодические проблемы национально-ориентированного преподавания (коллектив авторов: Л.В. Красильникова, И.В. Ружицкий и др., Го Шуфень, Б.И. Каракулов, Е.С. Глухова, Е.В. Михайлова, О.Г. Николаенко), (5) использование новых технологий в процессе организации обучения (О.Б. Ермакова и Е.А. Подшивалова, Е.В. Кишкевич).

Проблематика РКИ обсуждалась также на заседаниях двух круглых столов. На заседании круглого стола «**Русский язык в иноязычной аудитории**» (руководитель – М.В. Всеволодова) присутствовало 17 человек. С вводным докладом выступила М.В. Всеволодова (в соавторстве с Т.Е. Чаплыгиной). Участники круглого стола обсудили задачи преподавания русского языка и место РКИ в лингвистической парадигме XXI в. Особое внимание было уделено специфике работы в англоязычной аудитории (В.Ю. Копров). Близкая тематика обсуждалась на круглом столе «**Русский язык в семье славянских языков**» (руководитель – М.В. Всеволодова), где присутствовало 15 человек. С основным докладом выступила М.В. Всеволодова (в соавторстве с В.Л. Чекалиной). Участники обсуждали специфику категорий русского языка в зеркале других славянских языков.

На заседании секции «**Переводоведение и проблемы сопоставления русского языка с другими языками**» (руководитель – А.В. Уржа) выступили с докладами 12 участ-

ников конгресса. Обсуждались лексические, грамматические, коммуникативно-текстовые и прагматические проблемы перевода, а также рассматривались проблемы художественного перевода. И.М. Кобозева показала трудности референциального выбора при переводе, И.А. Шушарина обсуждала проблему интернационализмов как «ложных друзей переводчика». Сопоставительный анализ текста был представлен докладами И.Я. Балабановой, Д.Б. Березня, Г.М. Васильевой, М.Н. Коновой, А.В. Уржи, В.П. Щадневой. Факты русской языковой системы и текста рассматривались на фоне других славянских языков, а также на фоне английского, французского, немецкого и эстонского языков.

На секции «**Экспертное исследование продуктов речевой деятельности**» (руководители – О.В. Кукушкина, Е.С. Кара-Мурза, Е.И. Галяшина) состоялось 14 докладов. Их тематика включала как собственно экспертные темы, так и разнообразные лингвистические проблемы (от фонетики до риторики и текст-лингвистики), перспективные с точки зрения нахождения надежных и объективных экспертных признаков судебно-лингвистической экспертизы. Большой интерес с этой точки зрения вызвали доклады О.Е. Фроловой, В.В. Смоленковой, М.В. Белякова. Бурную полемику вызвал доклад о валидации судебных экспертиз. Работа секции была высоко оценена ее участниками, что прозвучало, в частности, в специальном выступлении Е.В. Маслаковой (Южный федеральный университет).

Тематика этой секции нашла свое продолжение в работе круглого стола «**Негативная информация: способы выражения и их экспертная оценка**», на котором прозвучало предложение фоноскопистов о создании общей базы данных по звучащей речи (Ф.О. Байрамова и Ю.В. Зайцева). В выступлениях представителей государственных экспертных организаций Т.В. Назаровой и Ю.А. Сафоновой были представлены основные методические достижения, а также охарактеризованы основные направления работы. В работе приняли участие эксперты из Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Волгограда, Ставрополя, Владивостока. По результатам работы секции и круглого стола было выдвинуто предложение объединить экспертов страны на базе филологического факультета МГУ с целью обмена опытом и создания платформы, на которой можно было бы обсуждать новые научные подходы, методики и вырабатывать единую точку зрения на экспертные проблемы. Предлагаемая форма – ежегодное рабочее совещание, организуемое О.Е. Фроловой и возглавляемой ею лабораторией.

На заседаниях секции «**Жанры и дискурс русской художественной литературы и фольклора**» (руководители – Е.Ю. Зубарева, М.К. Лопачева) было прочитано 15 докладов, в которых были проанализированы фольклорные тексты, произведения классической русской литературы и тексты современных авторов. Особое внимание было уделено средствам создания комического, персонификации, диалогизации и речевой характерологии.

На секции «**Языковые особенности текстов разных жанров**» (руководители – Л.А. Чижова, Л.В. Марков) было прочитано 32 доклада русистов и славистов из России, Белоруссии, Украины, Литвы, Казахстана, Хорватии. В докладах рассматривались особенности рекламных, деловых, дипломатических, научных, публицистических и художественных жанров, а также отдельные структурные компоненты жанров (композиция, типы заголовков, роль слогана, метатекст, образ автора, языковая личность). Особое внимание было обращено на региональную специфику текстов разных жанров (Н.А. Авина, С.А. Важник и А.А. Албут), социальную, возрастную и гендерную обусловленность текстов (А.Н. Байкулова, А. Диомидова, Н.В. Ермакова). Ряд докладов был посвящен интерпретационным (искусствоведческим) текстам, а также жанру анекдота.

На секции «**Сравнительное литературоведение: стилистические и другие аспекты**» (руководитель – Л.В. Чернец) было прочитано восемь докладов, в которых рассматривались формы и функции иноязычных вкраплений в русских художественных текстах (Е.В. Суровцева), стилистические эквиваленты произведений в переводах на другой язык (О.В. Вовк), роль художественного перевода в развитии литературы (А.Г. Шешкен), иноязычные корни в «говорящих» номинациях персонажей (И.Н. Исакова), античные истоки некоторых образов и мотивов в литературе Нового времени (Л.В. Чернец) и др. А.Я. Эсалнек обратилась к проблемам нарратологии и рассмотрела различные типы повествования. В докладе С.В. Алпатова на основе русских агиографических и фольклорных источников были проанализированы языковые механизмы юмора. О.М. Савельева показала связь персонифицированного образа «тишины» с античной поэтической традицией.

В работе секции «**Особенности образности, стилистики, лексики русской художественной литературы и фольклора**» (руководитель – Н.В. Изотова) приняли участие 15 докладчиков. В докладах рассматривались лексические и грамматические средства создания художественного образа, роль иноязычной

лексики, слов особых семантических групп (например, слов со значением цвета и звука), количественной и эмоционально-оценочной лексики. Анализировались тексты русской художественной литературы. Интерес слушателей вызвали доклад В.Г. Кульпиной и В.А. Татарниной о звуковой и свето-цветовой картине войны и доклад И.А. Бобрышевой о связи семантического поля «пустота» с оппозицией «бытие/небытие» в идиолекте М.И. Цветаевой.

В заседании круглого стола «Текст в преподавании русского языка нефилологам» (руководитель – М.Ю. Сидорова) участвовали представители разных вузов из России, Белоруссии, Украины. Участниками круглого стола была отмечена необходимость активизации контактов и обмена конкретными достижениями между преподавателями вузов РФ, а также необходимость включения в поле зрения лингводидактики новых аспектов этой проблемы, актуальных в современных условиях. В частности, было предложено проведение на базе филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова всероссийского семинара, посвященного историко-культурному компоненту преподавания русского языка нефилологам.

В работе круглого стола «Средства и способы речевого воздействия: универсальное и специфически русское» (руководитель – Е.Г. Борисова) приняли участие 15 человек. Встречу открыла Е.Г. Борисова, рассказавшая об изменениях в перлокутивной лингвистике за время, прошедшее с предыдущего круглого стола, проходившего в рамках IV Конгресса исследователей русского языка. С предварительно заявленными докладами выступили А.А. Анисова, Т.Б. Колышкина и И.А. Шустина, С.А. Ахмадеева, коллектив авторов: Е.В. Ягунова, В.И. Котов, С.А. Вольская, В.А. Мелузова; П.Б. Паршин, Т.В. Чернышова. Материалом исследования стали тексты из современных СМИ, а также тексты художественной литературы.

В работе круглого стола «Проблемы лексикографического описания региональных вариантов русского языка в синхронии и диахронии» (руководители – В.И. Беликов, А.П. Майоров, О.В. Фельде) приняли активное участие 12 лингвистов-лексикографов из 11 университетов РФ. Участники обсудили проблемы метаязыка региональной лексикографии, задачи и принципы лексикографирования региональных вариантов современного русского национального языка, познакомились с новыми лексикографическими проектами московских и сибирских ученых, обсудили итоги и перспективы лексикографической

фиксации региональной разговорной речи и лингвокультуры в ее истории и современном состоянии. М.В. Ахметова и В.И. Беликов выступили с проектом изучения городской регионально маркированной лексики. Н.Д. Голев рассказал о лингвистической информативности материалов, содержащихся на сайте «Викилексия». Т.А. Демешкина познакомила с новым журналом «Вопросы лексикографии» (ТГУ), А.М. Майоров говорил о проблемах создания общесибирского исторического словаря, Т.Ф. Новикова – о неупорядоченности терминологии региональной и исторической лексикографии. О.В. Фельде рассказала об итогах и перспективах лексикографического отражения особенностей «сибирской цивилизации», познакомила с сетевым аудиовизуальным «Ангарским словарем». По итогам работы круглого стола было принято решение приступить к подготовке совместных межвузовских проектов по лексикографической фиксации современной русской устной речи и ее региональных вариантов, а также по цифровой обработке материалов имеющихся региональных картотек; фиксировать на специальных сайтах данные метаязыкового сознания носителей русского языка для использования в лингвистических исследованиях и лексикографической практике.

На заседании круглого стола «Русская языковая картина мира в диахронии» (руководитель – М.В. Пименова) выступили шесть докладчиков из Москвы, Саранска, Перми и Донецка (Украина): О.Л. Арискина, Н.В. Ермакова, Е.В. Петрухина, А.А. Тимофеев, Н.И. Шестеркина, Е.Б. Хромова. Участники круглого стола обсудили методы изучения русской языковой картины мира (текстологический и корнесловный), модели развития лексического значения (в том числе метонимические), отражение в языке представлений о пространстве, времени, количестве и качестве.

В работе круглого стола «Поликодовость и интермедийность в современном русском коммуникативном пространстве» (руководители – В.В. Красных, С.А. Ромашко) приняли участие 10 человек из разных стран (России, Киргизии, Китая, Турции). Для обсуждения были предложены следующие вопросы: книга как феномен культуры и коммуникации; текст и контекст; язык и меняющиеся реальности; вербальное и невербальное в современных медиа. Основное внимание участников было обращено на бытие книги в новых условиях, на влияние текстов на сознание человека. Участники указали на необходимость учета современных условий при обучении работе с книгой.

На заседании круглого стола «Историческая лексикография и историческая

семантика русского языка XVIII–XXI вв.: современные подходы и перспективы» (руководитель – М.В. Пименова) присутствовали и принимали активное участие 11 человек из разных городов России и Казахстана: А.В. Валуев, В.В. Дубовик, И.Б. Дягилева, Ж.К. Кышнова, А.А. Козакова, А.В. Колевцова, И.И. Левина, Е.А. Проценко, М.В. Сандакова, Е.В. Сердюкова, Л.Н. Сиднева. Участники обсудили актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии: соотношение прямого и переносного значения, систему лексикографических помет, отражение русской ментальности в семантике слова, коннотативные компоненты значения в историческом аспекте, шкалу языковой образности; принципы представления семантики слова в словаре (на материале создающегося словаря русского языка XIX в.).

На круглом столе **«Русская невнятная речь как социолингвистическое явление»** (руководитель – Е.А. Брызгунова) говорилось о неблагополучии в области русской звучащей речи, об увеличении степени невнятности речи в молодежной среде. С обзорным докладом выступила Е.А. Брызгунова. О.Ф. Кривнова соединила проблему невнятной речи с общими проблемами культуры человека. В выступлениях на круглом столе также рассматривалась детская речь в аспекте логопедии (О.Б. Сизова), идиостили в речи бизнесменов (Т.М. Надина), качество актерской речи (В.Я. Труфанова), пути преодоления невнятности речи (М.А. Штудинер).

Междисциплинарное взаимодействие осуществлялось в рамках круглого стола **«Русский XVIII век сквозь призму языка и литературы»** (руководители – Д.П. Ивинский и Е.И. Кислова), объединившего лингвистов, литературоведов и историков. Состоялось семь докладов. Вначале выступил А.Д. Ивинский, который представил исследование образа Екатерины II в юбилейной публицистике конца XIX – начала XX века. Основная часть докладов была посвящена истории русского языка и его контактам с иностранными языками в России XVIII века: М.Л. Сергеев сообщил о немецких источниках «Новой французской грамматики» (1752) В.Е. Теплова; В.С. Ржеуцкий рассказал об истории преподавания русского языка в дворянских учебных заведениях в России XVIII в. на фоне преподавания иностранных языков; Е.И. Кислова говорила о статусе и преподавании русского языка в семинариях XVIII в.; О.Л. Арискина рассказала об особенностях проявления прагматического уровня языковой личности Аполлоса (Байбакова) в его грамматических сочинениях; М.А. Петрова показала зависимость выбора языка (французский, немецкий или русский) в жанре дипло-

матической переписки от языковой личности коммуникантов. Завершил круглый стол доклад Йоанны Гетки (Варшава), посвященный социокультурной роли василианских типографий XVIII в. на пограничных территориях Речи Посполитой.

Круглый стол **«Применение комплексных интердисциплинарных методов при решении актуальных этноязыковых и этнокультурных проблем современности»** (руководители – Г.П. Нецименко, Л. Йилкова) проводился совместно с Институтом славяноведения РАН. На заседаниях круглого стола было прочитано 20 докладов, с которыми выступили ученые из разных городов России, Украины, Германии и Чехии. С вводным докладом выступила Г.П. Нецименко, представившая проспект и проблематику проекта международного сотрудничества. Речь шла об исследовательской программе, практические результаты которой могут быть использованы для составления рекомендаций по предупреждению конфликтов в области межэтнических, межкультурных и межъязыковых отношений. Далее докладчики обсуждали этноязыковые проблемы в конкретных странах и регионах, языковые ситуации и языковую политику, феномен многоязычия, русско-украинское двуязычие, роль СМИ, проблемы этнических меньшинств, диалекты в пространстве Интернета и другие актуальные проблемы этнолингвистики.

На заседании круглого стола **«Русский текст в сопоставительных исследованиях»** (руководители – М.Ю. Сидорова, А.В. Уржа) состоялись четыре доклада, в которых рассматривались в сопоставительном аспекте художественные тексты разных авторов и разной жанровой принадлежности. М.Ю. Сидорова предложила комплексный грамматический анализ «фентези», М.М. Балябина сравнивала оригинал и русские переводы романа В. Набокова «Пнин», А.В. Уржа и Т.В. Пентковская анализировали функционирование «настоящего исторического» в древних и современных переводных текстах, Е.И. Гордиенко обсуждала лингвистические принципы трансформации нарративного текста в драматургический.

В рамках Конгресса прошли заседания трех научных семинаров.

В семинаре **«Формальные подходы к синтаксису и семантике русского языка»** (руководитель – С.Г. Татевосов) приняли участие 19 исследователей, которые выступили с 18 сообщениями. На семинаре были представлены лингвисты из разных вузов России и других стран мира: 12 российских исследователей и семь иностранных участников, которые представляли Кембриджский университет (Великобритания), Массачусетский университет

(США), Стоунибрукский университет (США), университет Тренто (Италия), Венецианский университет (Италия) и университет Тромсё (Норвегия). В ходе семинара обсуждался широкий круг проблем, связанных с анализом эмпирического материала на метаязыке формально-синтаксических и формально-семантических теорий. Я.Г. Тестелец посвятил свое сообщение проблемам приписывания падежа в русском языке. Дж. Бейлин обсуждал эмпирическую адекватность так называемого картографического подхода к русскому синтаксису. В сообщении Е.В. Падучевой предложен новый подход к анализу номинализаций. Б.Х. Парти осветила возможные пути интеграции формальной и лексической семантики на материале так называемого генитива отрицания. Выступления и сообщения других участников семинара охватывали эмпирические явления в достаточно широком диапазоне: от русской глагольной префиксации и структуры партиципальной конструкции до диахронического развития прилагательных как элементов именной группы и ограничений на дистрибуцию актантных придаточных.

В рамках V Международного конгресса исследователей русского языка по инициативе комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистов состоялся семинар «Речевая практика в массмедиа» (руководитель – Л.Р. Дускаева). К участию в семинаре были приглашены ученые из разных городов России и ближнего зарубежья. Л.Р. Дускаева сформулировала основные задачи медиалингвистики как речеведческого направления в русистике. Е.С. Кара-Мурза показала связь медиалингвистики и лингвистической экспертизы. В докладах участников семинара рассматривались разные аспекты изучения текстов современных СМИ: связь с классической риторикой (И.В. Анненкова), композиционные приемы (Л.Г. Кайда), фатика в медиаречи (Н.А. Корнилова), дискредитирующие тактики в медиатекстах (Т.В. Чернышова), типологизация трэвел-медиатекстов (Т.Ю. Редькина), образ эксперта в медийной картине мира (О.В. Осетрова), перформативная теория медиатекста (В.И. Коньков), категория субъекта речи (Н.С. Цветова), особенности медийных интернет-ресурсов (Е.В. Ягунова), современные тенденции в СМИ (М.А. Кормилицына).

На семинаре «**Концептуальный и креативный потенциал русской грамматики**» (руководитель – Е.В. Петрухина) обсуждалась роль морфологических категорий в выражении фундаментальных идей и организации «смыслового универсума» русского языка, а также их способность к выполнению прагматических, дискурсивных и игровых функций. Семинар

открыл доклад Р. Бенакьо, который показал, что использование императива глаголов СВ в русском языке активизирует прагматический механизм соблюдения дистанции, порождая дистанцированную, 'негативную' вежливость, в то время как НСВ влияет на сокращение дистанции. Анна А. Зализняк говорила о новых исследованиях префиксальных видовых пар и о дискуссии вокруг этой темы, о работах норвежской исследовательской группы под руководством Л. Янды, выполненных с применением корпусных технологий. А.Д. Шмелев проанализировал некоторые неочевидные случаи разграничения супплетивизма и синонимии. Е.В. Петрухина рассмотрела концепт «предел» как фундаментальную идею, частотно выражаемую в лексике, словообразовании, морфологии, в синтаксических конструкциях. Е.Н. Ремчукова рассматривала грамматические категории в аспекте их креативного потенциала.

В последний день работы Конгресса состоялось заключительное пленарное заседание, на котором были прочитаны семь докладов, посвященных общетеоретическим проблемам русской лингвистической науки (П.А. Лекант, М.В. Всеволодова), лингвистическому анализу дискурса (Д.Б. Гудков, Е.А. Нефедова), лексикологии (Н.А. Любимова и Е.В. Бузальская), прикладным проблемам лексикографии (М.И. Чернышева, коллектив авторов: А.С. Белоусова, Н.Н. Занегина, Е.С. Копорская). В заключение пленарного заседания заместитель председателя Оргкомитета А.А. Поликарпов подвел итоги работы V Конгресса русистов. В Постановлении, принятом участниками Конгресса, была отмечена (1) необходимость активизации деятельности государственных органов в сфере сохранения и развития русскоязычного социокультурного и информационного пространства в современном мире, что обеспечило бы поддержание статуса русского языка в ближнем и дальнем зарубежье; (2) необходимость повышения качества преподавания русского языка и литературы в средней школе, увеличения числа часов, выделяемых в школе на эти дисциплины, изменения форм проверки знаний в этой области, повышения требований к речевой культуре представителей СМИ. Участники Конгресса считают необходимым создание национального проекта, целью которого была бы поддержка русского языка. К числу приоритетных задач в рамках данного национального проекта можно отнести следующие: оптимизацию структуры среднего и высшего русскоязычного образования для повышения его роли в процессах социализации личности в глобализующемся мире; совершенствование форм непрерывного образования в области

русского языка с целью обеспечения присутствия и влияния русскоязычного фактора в современном мире; создание льготных условий для обучения, подготовки и переподготовки (в том числе в аспирантуре и докторантуре) научно-педагогических кадров из государств-участников СНГ и ближнего зарубежья; обеспечение поступательного движения русской лингвистической науки путем создания и финансирования научных центров при РАН и на филологических факультетах университетов;

Сведения об авторах:

Анатолий Анатольевич Поликарпов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Надежда Константиновна Онипенко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
onipenko_n@mail.ru

работу по созданию новых словарей, отражающих современное состояние русского языка, и работу по созданию полного грамматического описания русского языка с учетом современных достижений русистики.

Следующий, VI, Конгресс русистов было предложено провести на базе филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2017 году.

А.А. Поликарпов, Н.К. Онипенко

Information about the authors:

Anatolii A. Polikarpov

Lomonosov Moscow state university
Moscow / Russia

Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov institute of
the Russian language (RAS)
onipenko_n@mail.ru
Moscow / Russia

Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова

5 июня 2014 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося русского филолога Алексея Александровича Шахматова. В честь этого события 3–5 июня 2014 г. в Санкт-Петербурге в научном центре РАН и в Институте лингвистических исследований РАН при участии Санкт-Петербургского института истории и Санкт-Петербургского филиала архива РАН прошла Международная научная конференция.

Огромный интерес к личности и творческому наследию академика А.А. Шахматова объединил представителей разных научных специальностей: лингвистов, литературоведов, историков и архивистов. По словам В.В. Виноградова, «в истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова». С именем Шахматова связаны важнейшие направления лингвистики: историческая фонология и грамматика древнерусского языка, диалектология, фольклористика, этнография.

В конференции, включавшей два пленарных заседания и работу трех тематических секций, приняло участие более 90 исследователей из разных городов России, а также из Азербайджана, Казахстана, Украины и Эстонии.

Жизненный путь академика А.А. Шахматова стал темой первого пленарного заседания.

С приветственным словом выступили директор Института лингвистических исследований РАН академик Н.Н. Казанский, подчеркнувший уникальность творческого дара ученого и его научного наследия, а также неиссякаемый интерес исследователей к его работам, и директор Санкт-Петербургского института истории РАН Н.Н. Смирнов, который более подробно остановился на общественной и политической деятельности ученого в начале XX в.

Факторы формирования личности А.А. Шахматова были подробно освещены в докладе члена Союза писателей России В.И. Макарова (Брянск): разносторонние культурные традиции семьи, глубокие религиозные основы воспитания, ранняя увлеченность наукой, высочайшее трудолюбие, целеустремленность, раннее знакомство с корифеями филологической науки: И.В. Ягичем, Ф.Е. Коршем, Ф.Ф. Фортунатовым и др.

Доклад О.В. Никитина (Москва) «“Филология – это наша жизнь” (малоизвестные факты из биографии А.А. Шахматова)» содержал обзор эпизодов из жизни ученого, основанный на воспоминаниях его сестры – Е.А. Масальской.

В докладе «А.А. Шахматов глазами земляков» В.В. Яковлев (Санкт-Петербург) обратился к анализу архивного неопубликованного источника из фондов СПбФ АРАН – воспоминаниям друга семьи ученого Е.А. Ивановой,

русского языка с целью обеспечения присутствия и влияния русскоязычного фактора в современном мире; создание льготных условий для обучения, подготовки и переподготовки (в том числе в аспирантуре и докторантуре) научно-педагогических кадров из государств-участников СНГ и ближнего зарубежья; обеспечение поступательного движения русской лингвистической науки путем создания и финансирования научных центров при РАН и на филологических факультетах университетов;

Сведения об авторах:

Анатолий Анатольевич Поликарпов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Надежда Константиновна Онипенко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
onipenko_n@mail.ru

работу по созданию новых словарей, отражающих современное состояние русского языка, и работу по созданию полного грамматического описания русского языка с учетом современных достижений русистики.

Следующий, VI, Конгресс русистов было предложено провести на базе филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2017 году.

А.А. Поликарпов, **Н.К. Онипенко**

Information about the authors:

Anatolii A. Polikarpov

Lomonosov Moscow state university
Moscow / Russia

Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov institute of
the Russian language (RAS)
onipenko_n@mail.ru
Moscow / Russia

Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова

5 июня 2014 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося русского филолога Алексея Александровича Шахматова. В честь этого события 3–5 июня 2014 г. в Санкт-Петербургском научном центре РАН и в Институте лингвистических исследований РАН при участии Санкт-Петербургского института истории и Санкт-Петербургского филиала архива РАН прошла Международная научная конференция.

Огромный интерес к личности и творческому наследию академика А.А. Шахматова объединил представителей разных научных специальностей: лингвистов, литературоведов, историков и архивистов. По словам В.В. Виноградова, «в истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова». С именем Шахматова связаны важнейшие направления лингвистики: историческая фонология и грамматика древнерусского языка, диалектология, фольклористика, этнография.

В конференции, включавшей два пленарных заседания и работу трех тематических секций, приняло участие более 90 исследователей из разных городов России, а также из Азербайджана, Казахстана, Украины и Эстонии.

Жизненный путь академика А.А. Шахматова стал темой первого пленарного заседания.

С приветственным словом выступили директор Института лингвистических исследований РАН академик Н.Н. Казанский, подчеркнувший уникальность творческого дара ученого и его научного наследия, а также неиссякаемый интерес исследователей к его работам, и директор Санкт-Петербургского института истории РАН Н.Н. Смирнов, который более подробно остановился на общественной и политической деятельности ученого в начале XX в.

Факторы формирования личности А.А. Шахматова были подробно освещены в докладе члена Союза писателей России В.И. Макарова (Брянск): разносторонние культурные традиции семьи, глубокие религиозные основы воспитания, ранняя увлеченность наукой, высочайшее трудолюбие, целеустремленность, раннее знакомство с корифеями филологической науки: И.В. Ягичем, Ф.Е. Коршем, Ф.Ф. Фортунатовым и др.

Доклад О.В. Никитина (Москва) «Филология – это наша жизнь» (малоизвестные факты из биографии А.А. Шахматова) содержал обзор эпизодов из жизни ученого, основанный на воспоминаниях его сестры – Е.А. Масальской.

В докладе «А.А. Шахматов глазами земляков» В.В. Яковлев (Санкт-Петербург) обратился к анализу архивного неопубликованного источника из фондов СПбФ АРАН – воспоминаниям друга семьи ученого Е.А. Ивановой,

тесно общавшейся с будущим академиком на протяжении более 30 лет.

Особую роль в жизни А.А. Шахматова сыграла его поездка в Германию в 1876–1877 гг. и, в частности, посещение мюнхенской Королевской библиотеки, где он понял, что, читая труды великих историков, сможет «собственным трудом достигнуть имени историка». Этой теме был посвящен доклад О.В. Лукина (Ярославль) «Германия и Австрия в жизни и творчестве А.А. Шахматова».

Неординарность личности А.А. Шахматова была раскрыта в докладе Е.Ю. Басаргиной (Санкт-Петербург) «Несколько замечаний о личности А.А. Шахматова», сделанном по материалам личного архивного фонда ученого. Басаргина сделала вывод, что жизнь ученого – это жизнь праведника, которая легко укладывается в традиционные рамки житийного канона: факты его биографии, воспоминания современников, письма к друзьям и близким свидетельствуют о самопожертвовании и подвижничестве ученого.

«Обзорение фонда А.А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН» стало темой выступления сотрудницы архива Н.С. Прохоренко (Санкт-Петербург). Докладчик провела полную статистическую характеристику фонда, обратила внимание на разнообразие и уникальность документов, собранных за годы его существования: труды по истории русского летописания, материалы фольклорно-диалектологических поездок, биографические материалы (в том числе детские тетради), автобиографии, поздравления, письма. На одном из разделов фонда остановилась О.А. Кирикова (Санкт-Петербург) в докладе «По ступеням академических степеней: избрание А.А. Шахматова в действительные члены Императорской Академии наук».

Тема взаимоотношений Шахматова с выдающимися лингвистами-современниками и его научные оценки и суждения, отраженные в личной переписке, нашли отражение в докладах В.Г. Вовиной (Санкт-Петербург) «А.А. Шахматов и Ф.Ф. Фортунатов» и В.Ю. Франчук (Украина) «А.А. Шахматов и А.А. Потехина».

Методическое наследие А.А. Шахматова в области древнерусского летописания было темой доклада А.В. Сиренова (Санкт-Петербург) «Шахматов и изучение русского позднесредневекового летописания». Подробно характеризуя заслуги ученого в области методологии изучения летописей, в основе которой – понимание единства летописной традиции от сводов XI в. до позднесредневековых летописей XVI–XVII вв., Сиренов обратил внимание и на ряд не подтвердившихся в

современной исторической науке наблюдений ученого, зачастую применявшего к позднесредневековым текстам приемы описания, свойственные для текстологического изучения летописей раннего периода.

В выступлении «Рукописный листок А.А. Шахматова в университетском музее академика И.И. Срезневского» директор музея Н.К. Колгушкина (Рязань), завершая мемориальную тему пленарных заседаний первого дня конференции, на примере письма Шахматова его бывшему студенту Павлу Евдокимову убедительно показала, что даже в таком эпизоде раскрывается образ Шахматова не только как ученого, педагога, но и как «заботливого, преданного и бескорыстного человека».

В работе секции «Проблемы истории русского языка и русской диалектологии» приняло участие около 30 ученых. Разнообразные по тематике выступления были посвящены вопросам текстологии, источниковедения, исторической лексикографии, русской и общей диалектологии.

В докладе Л.Ю. Астахиной (Москва) «Роль А.А. Шахматова в развитии лингвистического источниковедения» был охарактеризован и высоко оценен вклад ученого в формирование промежуточной группы лингвистических источников. Издательский опыт А.А. Шахматова представлен двумя значительными публикациями: опубликовавшиеся ранее новгородские грамоты и двинские грамоты, большинство из которых издавались впервые. В «Исследовании о языке новгородских грамот XIII и XIV века» (1885–1886 гг.) Шахматов сформулировал правила издания деловых текстов: стремление к полной передаче оригинала, одинаковая передача различных форм букв или значков, соблюдение сокращенных написаний подлинника. Автор доклада вслед за Шахматовым подчеркнула огромную важность издания полных текстов рукописей с системными комментариями.

В докладе С.Г. Шулежковой (Магнитогорск) «Позиция А.А. Шахматова в извечном споре о языковой принадлежности Остромирова евангелия» был сделан обзор полярных точек зрения на язык памятника и дан анализ позиции Шахматова, отраженной в дополнении к осуществленному им совместно с В.Н. Щепкиным переводу «Грамматики» А. Лескина (1890 г.). Проанализировав особенности языка Остромирова евангелия, Шахматов убедительно доказал югославянское происхождение рукописи. Докладчик также отметила большую роль Шахматова в формировании лингвистического термина «старославянский язык» применительно к общелитературному языку средневековых славян.

Пolemическое выступление А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург) «Мог ли переводчик "Повести об Акире", "Девгениева Деяния" и "Сказания об Индийском царстве" написать "Слово о полку Игореве"?» включало сравнительный анализ лексики древнерусских памятников конца XII в. Докладчик выдвинул гипотезу о том, что автором «Слова» был тот самый книжник, который перевел на русский язык повести, опубликованные в сборнике Мусина-Пушкина, где было обнаружено «Слово». Сопоставление лексического состава памятников позволило докладчику сделать предварительные выводы о том, что анализируемые произведения имеют общие черты и в составе редких слов, и в фоновом лексическом массиве.

И.А. Малышева (Санкт-Петербург) представила доклад «Исследование рукописных памятников XVIII в.: варьирование в параллельных текстах». Автор осветила роль таможенных документов, содержащих богатейший лексический материал, в ряду памятников делового письма первой половины XVIII в. Явление варьирования было проанализировано на материале параллельных текстов Архангельской таможенной книги, представляющих собой содержащие различия записи одного и того же товара.

С.А. Мызников (Санкт-Петербург) в докладе «О некоторых аспектах собирательской и издательской деятельности А.А. Шахматова» отметил, что Шахматов, будучи участником многочисленных комиссий, научных обществ и редколлегий, необычайно оживил в России работу по сбору фольклорных и диалектных данных. По инициативе и при поддержке Шахматова было предпринято множество экспедиций в различные области России, издано большое количество трудов по языку и фольклору, в частности, «Сказки и песни Белозерского края» братьев Соколовых и сборник Е.Н. Ончукова «Северные сказки». В докладе также освещалась деятельность Шахматова по созданию первых диалектных региональных словарей.

И.С. Лутовнинова (Санкт-Петербург) в докладе «Академик А.А. Шахматов и его лекции по диалектологии» подробно охарактеризовала фундаментальный труд А.А. Шахматова «Лекции по русской диалектологии», подготовленный к публикации Б.А. Лариним еще в 1930-е гг. на материале лекций, читанных Шахматовым в Санкт-Петербургском университете в 1909–1915 и в 1919 гг. Этот труд представляет собой обобщение теоретических взглядов ученого по вопросам русской диалектологии в контексте развития диалектологии общеславянской. Книга была издана только в 2010 г. в серии «Филологическое наследие».

Докладчик подчеркнула, что введение в научный обиход диалектологических трудов Шахматова представляет особую важность для современного языкознания.

Л.П. Михайлова (Петрозаводск) представила доклад «Лексика заонежских сказок в записях А.А. Шахматова и материалы "Словаря русских говоров" (сходство и различие)». В текстах заонежских сказок, зафиксированных Шахматовым, содержатся слова, по-разному соотносящиеся с материалами «Словаря русских народных говоров». Сопоставляя лексический фонд фольклорного и лексикографического источников, докладчик выделила основные группы диалектизмов: совпадающая лексика; слова, требующие уточнения семантики; лексика, не отраженная в СРНГ, и некоторые другие. В выступлении была особо подчеркнута необходимость более полного использования текстов Шахматова при переиздании Словаря.

Наследию А.А. Шахматова в области изучения русской грамматики и синтаксиса были посвящены заседания секции «Проблемы теории и истории русской грамматики», в работе которой приняло участие более 20 исследователей.

В докладе В.Б. Силиной (Москва) «Гипотеза А.А. Шахматова о происхождении славянского глагольного вида и ее развитие в русской лингвистике» на материале его «Синтаксиса русского языка» подробно раскрывалась сущность теории происхождения глагольного вида, по мнению докладчика, предвосхитившей основные пути развития русской аспектологии. Шахматов определил, что основной базой развития видовых значений были префиксальные глаголы; собственно видовыми новообразованиями стали приставочные глаголы с произвольной суффиксальной основой, сразу получившие значения несовершенного вида. Эти положения могут служить основанием для гипотез о древнейших периодах развития языка и, в частности, о формировании частей речи.

Доклад М.Д. Воейковой (Санкт-Петербург) «Субстантивированные прилагательные в современном русском языке» был посвящен частным вопросам русской морфологии. Было убедительно доказано, что заданные Шахматовым параметры функционального анализа на многие годы определили тенденции в исследовании субстантивов в русском и других языках.

К.А. Рогова (Санкт-Петербург) в докладе «Односоставные предложения в системе синтаксического описания» подробно охарактеризовала позицию А.А. Шахматова по отношению к этим синтаксическим единицам: выделение односоставных предложений опре-

делялось тем, что в них «сочетание субъекта и предиката находит соответствие в одном члене предложения». Детальное изложение шахматовских идей потребовалось докладчику для выявления их близости установкам современных коммуникативно-когнитивных исследований: «двучленность высказывания односоставного предложения находит осуществление в рамках коммуникативного (тематического) членения».

В выступлении «Вопрос о вокативном предложении в концепции А.А. Шахматова о современных синтаксических описаниях» М.Я. Дымарский (Санкт-Петербург) говорил о необходимости разграничения в наследии Шахматова фактов, имеющих отношение к моделям предложения, и явлений, которые должны интерпретироваться в теории высказывания. Автор доклада показал, что в концепции Шахматова место вокативных предложений вполне законно, поскольку под предложением понимается то, что в современной лингвистике интерпретируется как высказывание. Кроме того, было отмечено, что в современных синтаксических концепциях понятие вокативного предложения должно рассматриваться не в теории предложения, а в теории высказывания.

В докладе В.И. Чуглова (Вологда) «Вклад А.А. Шахматова в развитие теории осложненного предложения: предикативно-атрибутивные и атрибутивно-предикативные отношения и определения» были сопоставлены два направления в синтаксисе, исходящие из противоположных сторон языкового знака, и охарактеризовано значение труда Шахматова «Синтаксис русского языка» в сближении этих двух направлений.

На секции «Проблемы русской лексикографии и лексикологии» было представлено около 30 докладов по проблемам теории и практики современной лексикографии, толковой академической, авторской, компьютерной лексикографии, а также исторической лексикологии и терминологии.

В докладе В.Д. Черняк (Санкт-Петербург) «Современная русская лексикография: традиции и новации» были освещены общие тенденции, наблюдаемые в отечественной лексикографии конца XX–XXI вв.: опора на богатейшие традиции предшествующего времени; появление принципиально новых типов словарей; системноцентризм и антропоцентризм; «настроенность» на потребности пользователя; активное использование новых технологий; интенсивное развитие учебной лексикографии; стирание строгих границ между лингвистическими и энциклопедическими словарями; рост популярности словарей, стимулирующий появление наряду с социально значимыми

научными изданиями многочисленных псевдословарей и словарных подделок.

В докладе М.Н. Приёмшевой (Санкт-Петербург) «Тезаурус русского языка в концепции А.А. Шахматова: pro et contra» были проанализированы неоспоримые научные достоинства и уязвимые стороны шахматовской концепции словаря «живого русского языка». Докладчик подчеркнула, что расширение словаря до «любого» русского слова и исключение фактора нормативности сделали словарь прежде всего научным изданием, адресованным специалистам, что, в свою очередь, предвосхитило одну из важнейших тенденций современной отечественной лексикографии. В выступлении были охарактеризованы и основные недостатки шахматовской концепции: неоправданное соединение литературного и областного, неразличение фактов языка и речи, отсутствие стилистической и исторической перспектив, формальная, «чисто внешняя» классификация значений.

Доклад Д.М. Поцепни (Санкт-Петербург) «Семантическое пространство слова и его лексикографическое членение» был посвящен представлению новых принципов описания семантики слова в ряде словарных изданий: «Псковский областной словарь с историческими данными», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и «Словарь автобиографической трилогии М. Горького». Используя яркие и интересные примеры, докладчик отразила сложный процесс поиска новых форм метаязыка современной лексикографии. В анализируемых словарях используется новаторский прием: значения полисеманта организуются в лексикографические блоки на основе доминантной семантической идеи, или гипердоминанты.

Д.А. Мартыянов (Казань) в докладе «Словарно-текстовая база данных русских пословиц и поговорок XVIII века» охарактеризовал структуру проекта: текстотека основного источника базы – «Собрания 4291 древних российских пословиц», в которой отражены орфографические и пунктуационные особенности оригинального текста, лемматизированный конкорданс, а также указатели: частотные, алфавитные, обратные. На основе компьютерной текстотеки составляется словарь, реализуемый в двух формах: традиционной и электронной.

Продолжающийся проект «Словаря языка М.В. Ломоносова» стал темой доклада С.С. Волкова (Санкт-Петербург) «А.А. Шахматов и проблемы авторской лексикографии». Докладчик показал, что Шахматов, выдвинувший идею создания «цитатных» словарей писателей, стоял у истоков авторской лексикографии. Словарь языка Ломоносова создавал-

ся в 1911–1914 гг. (проект не был завершен) И.М. Белоруссовым с одобрения и при поддержке Шахматова, благодаря рекомендациям которого были существенно расширены границы словаря, в частности, включены служебные слова, научная лексика, народные слова, имена собственные, фразеология.

Проблематика, связанная с авторской лексикографией, была затронута и в докладе Н.В. Козловской (Санкт-Петербург) «Авторская философская терминология Н.Ф. Федорова: лексикографический аспект». В докладе были охарактеризованы основные типы авторских философских терминов, а также представлена структура словарной статьи проектируемого словаря авторских терминов Н.Ф. Федорова.

В ходе работы секции получили освещение многочисленные лексикологические и лексикографические проблемы, связанные с проектом «Словаря русского языка XIX века». В докладе И.Б. Дягилевой (Санкт-Петербург) «Латинские слова и выражения в русских газетах первой половины XIX века» было проанализировано использование латыни в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела». Докладчик охарактеризовала жанровую ориентированность употребления латинских слов и выражений в этих газетах, а также проанализировала их употребительность в качестве средства экспрессивно-эмоциональной оценочности.

Доклад В.Н. Калиновской и С.А. Эзерини (Санкт-Петербург) «Лексика с корневыми компонентами *аква-/гидро-/вода-* как часть тезауруса и динамическое звено лексико-семантической системы русского языка» был посвящен истории образования и соотносительного употребления лексем с заимствованными компонентами *аква-/гидро-* и с исконным компонентом *вода-* в русском языке XVIII и XIX вв.

Завершал лексикографическую секцию доклад Р.П. Рогожниковой (Санкт-Петербург) «А.А. Шахматов и Большая картотека Словарного отдела ИЛИ РАН», основанный на архивных материалах и посвященный организаторской, финансовой, методической и научной деятельности Шахматова по формированию первой в России эмпирической лексикографической базы – картотеки академического словаря, фонды которой до сих пор хранятся в ИЛИ РАН. По окончании заседания участники конференции смогли посетить фонды картотеки «Грота-Шахматова», или Большой картотеки Словарного отдела.

Выступления итогового пленарного заседания были посвящены обобщению теоретических взглядов А.А. Шахматова и утвержде-

нию их уникального места в общем наследии отечественного языкознания.

С.Г. Ильенко (Санкт-Петербург) в докладе «О значении синтаксической теории А.А. Шахматова на современном этапе развития русистики» обратила внимание на необходимость рассматривать последний, посмертно опубликованный труд Шахматова «Синтаксис русского языка» с учетом двух обстоятельств: во-первых, незавершенности, а следовательно, недоговоренности, во-вторых, необходимости освобождения наследия ученого от пристрастия методологических оценок. При оценке Шахматова-грамматиста сегодня целесообразно исходить из необходимости всесторонней соотнесенности предложенной им синтаксической теории с семантико-функциональным и когнитивным подходами к языку.

В докладе А.В. Бондарко (Санкт-Петербург) «Соотношение “грамматические – психологические категории” в истолковании А.А. Шахматова и современные исследования в сфере функциональной грамматики» концепция Шахматова, «отличающаяся глубоким истолкованием грамматических категорий и единиц в их связях с категориями мышления», рассматривалась как один из истоков теории функциональной грамматики. Особое внимание докладчик уделил таким идеям, как соотношение мыслительно-психологического понятия коммуникации и ее членов (субъекта и предиката) со значениями грамматических форм, переходы от мыслительных психологических процессов к их языковому воплощению, расширенное понимание состава грамматических категорий и средств их выражения; разграничение языковых значений и передаваемого (а также воспринимаемого) смысла; взаимодействие системы и среды; оппозиции и неопозитивные различия; структурные типы языковых значений; выявление при анализе смысловой основы семантического содержания и его интерпретационного компонента; соотношение универсальности и идиознтности. Значительное место в докладе заняло обсуждение комплекса факторов, обуславливающих различные аспекты языковой интерпретации смыслового содержания: избирательность языковых значений, избыточность значений, возможность дискретного и недискретного выражения элементов смыслового содержания, соотношение эксплицитности и имплицитности.

Дискуссионная проблема количества и критериев выделения частных значений несовершенного вида была затронута в выступлении В.С. Храковского (Санкт-Петербург) «Эволюция представлений о семантике несовершенного вида от академика А.А. Шахма-

това до наших дней». Основная часть доклада была посвящена поиску адекватного решения парадоксальной ситуации, связанной с актуально-длительным и повторительным значениями несовершенного вида, которые, будучи частными значениями одной граммы, должны быть семантически связаны друг с другом. Автор доклада отметил, что в современной аспектологической литературе вопрос о семантической связи этих двух значений не ставился, хотя в типологических работах эти значения относятся к разным видам аспектуальности (линейной и количественной); они не связаны семантически и не должны быть частными значениями одной граммы.

Диалектологическое наследие А.А. Шахматова стало темой выступления Л.Я. Костючук (Псков) «Роль “Лекций по русской диалектологии” академика А.А. Шахматова в современной диалектологии и диалектной лексикографии (содружество идей и результатов)». Докладчик убедительно показала значимость подхода Шахматова к диалектологии, которую ученый считал исторической наукой. Шахматовские идеи первых десятилетий XX в. в значительной степени способствовали лингвистическим открытиям на материале псковских говоров.

Сведения об авторе:

Наталья Витальевна Козловская
Санкт-Петербургский научный центр РАН
saga@kodeks.com

Теоретические взгляды А.А. Шахматова на некоторые аспекты русского словообразования получили освещение в выступлении Н.Г. Николаевой (Казань) «Вопросы теории и истории русского словообразования в трудах А.А. Шахматова». Сравнив шахматовское определение основы слова с определениями, принятыми в современной науке и практике преподавания русского языка, Николаева показала необходимость замены используемой в наши дни «поверхностной дефиниции» на определение А.А. Шахматова, которое по-настоящему передает морфологическую сущность этой структурной единицы. Раскрывая значение шахматовских идей для теории словообразования, докладчик упомянула так называемые «старославянские суффиксы», выделение которых привело к оформлению раздела «Историческое словообразование и историческая стилистика» в науке о языке.

В рамках конференции в Санкт-Петербургском филиале архива РАН была организована постерная выставка, посвященная 150-летию академика А.А. Шахматова, а в читальном зале научной библиотеки ИЛИ РАН проходила выставка научных трудов ученого.

Н.В. Козловская

Information about the author:

Nataliya V. Kozlovskaya
Saint Petersburg scientific center RAS
saga@kodeks.com
St. Petersburg / Russia

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 2014 г.**

СТАТЬИ

Апресян В.Ю. Контроль и отрицание: взаимодействие значений.....	2
Аркадьев П.М. Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий	5
Аркадьев П.М. Система форм плюсквамперфекта в шапсугском диалекте адыгейского языка.....	4
Беляев О.И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования	6
Березович Е.Л. О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии	2
Васильев В.Л., Вихрова Н.Н. Типология наименований новгородских погостов (по данным писцовых книг конца XV–XVI в.)	3
Выдрин А.П. Специализированный имперсонал в осетинском языке: к типологии имперсональности в иранских языках	3
Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык	3
Горбунова И.М. Категория фазовой полярности в аталяском языке	3
Дубровская Т.В. Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний)	2
Елоева Ф.А., Перехвальская Е.В., Саусверде Э. Метафора и эвристическая функция языка (бывает ли язык без метафор)	1
Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка	6
Золян С.Т. О модальном измерении языкового знака: семантическая теория Г. Фреге и ее возможное расширение.....	3
Иванов В.Б. К классификации именных форм в юго-западных иранских языках	2
Иомдин Б.Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста.....	4
Иткин И.Б. Некоторые наблюдения над формами имперфекта в тохарском А языке.....	2
Касаткин Л.Л. Плотное и неплотное соединение морфем в слове	6
Ключева М.А. <i>Сокрытага</i> «слепой баран» и <i>шорыкйол</i> «овечья нога»: к этимологии названия марийской игры и праздника.....	4
Ландер Ю.А. Типология немаркированного клаузуального подчинения: относительные конструкции	1
Леисиё Л. Именные категории времени в нганасанском и других северносамодийских языках.....	1
Москалюк Л.И. Немецкие «языковые острова» в Алтайском крае	3
Падучева Е.В. Нестандартные отрицания в русском языке: внешнее, смещенное, глобальное, радикальное	5
Пекелис О.Е. Инфинитив vs. придаточное с союзом <i>чтобы</i> : к вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке	4
Полян А.Л. Иврит III–XIX вв. н. э. как «спящий язык»	5
Рудницкая Е.Л. Внутренняя структура числовой конструкции с классификатором в корейском языке.....	1
Серебряная И.Б. Критические суждения о языке русской литературы первой половины XIX в. как лингвистический источник	3

Схакен Й., Фортейн Э., Деккер С. Эпистолярный дейксис в новгородских берестяных грамотах	1
Толдова С.Ю., Сердобольская Н.В. Глагол речи <i>tanaš</i> в марийском языке: особенности грамматикализации	6
Урманчиева А.Ю. Эвиденциальные показатели селькупского языка: соотношение семантики и прагматики в описании глагольных граммем	4
Успенский Б.А. Из истории славянской Библии: Славяно-еврейские языковые контакты в Древней Руси (на материале <i>Nomina sacra</i>).....	5
Хачатурьян М.Л. Категория именного числа в мано (южные манде)	5
Храковский В.С. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узуальное / хабитуальное) значение?.....	4
Шестера Е.А. Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний.....	2

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Холодович А.А. Описание морфологии в виде исчисления.....	4
---	---

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Крысько В.Б. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34–38).....	1
Крысько В.Б. Об издании Скитского патерика.....	5
Кузнецова Ю.Л. Роботы, эволюция и грамматика конструкций	2
Толдова С.Ю., Ляшевская О.Н. Современные проблемы и тенденции компьютерной лингвистики (в зеркале 24-й Международной конференции по компьютерной лингвистике COLING 2012, Мумбаи).....	1

Рецензии

Аркадьев П.М. <i>D. Brown, M. Chumakina, G.G. Corbett</i> (eds). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford university press, 2013	5
Беляев О.И. <i>O. Inkova, P. Hadermann</i> (éds). La corrélation: Aspects syntaxiques et sémantiques. Genève: Librairie Droz S. A., 2013	6
Валова Е.А. <i>A. Spencer, A.R. Luís</i> . Clitics. An introduction. Cambridge: Cambridge university press, 2012.....	3
Виноградов И.А. <i>G. Polian</i> . Gramática del tseltal de Oxchuc. T. 1–2. México: Centro de investigaciones y estudios superiores en antropología social, 2013	6
Клейнер Ю.А. <i>P. Garde</i> . L'accent. Deuxième édition corrigée et augmentée. Limoges: Lambert-Lucas, 2013.....	5
Козинцев А.Г. <i>У.Т. Фумч</i> . Эволюция языка / Пер. с англ., науч. ред. и послесл. Е.Н. Панонова; послесл. А.Д. Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013	4
Коношенко М.Б. <i>I. Kor Chahine</i> (ed.). Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2013	6
Муслимов М.З. <i>Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский</i> . Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т. СПб.: Нестор-История, 2011	2
Перехвальская Е.В. <i>A. Idström, E. Piirainen, T.F.M. Falzett</i> (eds). Endangered metaphors. Amsterdam: John Benjamins, 2012.....	4
Печеный А.П. <i>L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova</i> . Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana): Slavica, 2013.....	2

Сичинава Д.В. <i>M. Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011</i>	2
Сичинава Д.В. Український дольник: Колективна монографія / За ред. Н.В. Костенко. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013	6
Супрун В.И. <i>Ю.В. Сложеникина. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: URSS, 2013</i>	4
Тагабилева М.Г. <i>M. Hilpert. Constructional change in English: Developments in allomorphy, word formation, and syntax. Cambridge: Cambridge university press, 2013</i>	3
Федотов О.И. <i>А.Л. Жовтис. Избранные статьи / Сост. С.Д. Абишева, З.Н. Поляк. Алматы: б.и., 2013</i>	6
Холкина Л.С. <i>А. Копеcka, Bh. Narasimhan (eds). Events of putting and taking. A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2012</i>	3
Холодилова М.А. <i>G.G. Corbett. Features. Cambridge: Cambridge university press, 2012</i>	2
Шелов С.Д. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / Отв. ред. акад. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011	1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Азарова Н.М., Бочавер С.Ю. Первая научная конференция памяти академика РАН Ю.С. Степанова	3
Вельмезова Е. Международная конференция, посвященная имплицитным и эксплицитным стратегиям в политическом дискурсе стран Восточной Европы	3
Выдрин А.П. Международный симпозиум «Перспектив как грамматическая категория: данные тюркских, иранских и других языков»	4
Выдрина А.В., Стойнова Н.М. 46-й Ежегодный конгресс Европейского лингвистического общества	3
Дедич А. Международная конференция «Язык и дискурс в прошлом и настоящем славистики» (<i>Langue et discours dans le passé et dans le présent de la slavistique</i>). Лозанна, 2013	3
Капитанова Ю.С. Виноградовские чтения 2014 г.	6
Козловская Н.В. Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова	6
Копелиович А.Б., Пименова М.В., Фурашов В.И. X Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект»	3
Кузнецов В.Г. История языкознания на XIX Международном лингвистическом конгрессе	4
Кузнецов В.Г., Вельмезова Е. XIX Международный лингвистический конгресс	2
Кулева А.С., Мохань Е.Н. XII Международная конференция «Современные проблемы лексикографии»	1
Мищенко Д.Ф. X Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей	3
Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. XLV Виноградовские чтения в МГУ	4
Поликарпов А.А., Онипенко Н.К. V Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» в МГУ	6
Потапова Р.К., Потапов В.В. XV Международная конференция SPECOM'2013 «Speech and computer» («Речь и компьютер»)	3
Стойнова Н.М. Международная конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»	2
Тимофеев В.В. VII Международная конференция «Фонетика сегодня»	2
Туголукова Г.И., Вековищева С.Н., Филиппова И.Н. Международная научная конференция «Лингвистика после Ф. де Соссюра: итоги и перспективы»	1